

АРТУР ХЕЙЛИ

АЭРОПОРТ

НА ГРАНИ
КАТАСТРОФЫ

Бестселлеры Артура Хейли

Артур Хейли

Аэропорт. На грани катастрофы

«Издательство АСТ»

1968, 1958

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Хейли А.

Аэропорт. На грани катастрофы / А. Хейли — «Издательство АСТ», 1968, 1958 — (Бестселлеры Артура Хейли)

ISBN 978-5-17-150557-8

«Аэропорт» – роман-бестселлер Артура Хейли, вышедший в 1968 году. Вымышленный город, где находится крупнейший аэропорт, неожиданно накрывает снежный буран, поэтому все службы работают в экстренном режиме. На сотрудников аэропорта обрушивается одна проблема за другой, от сгинувшей непонятно где машины с продуктами до страшной аварии на борту одного из самолетов. А ко всему прочему добавляются обострившиеся личные проблемы героев, их сложные душевные драмы – вот в такой запутанный клубок сюжетных линий завяжется действие романа, уместившееся в один пятничный вечер. В этот сборник также вошел дебютный роман «На грани катастрофы».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-150557-8

© Хейли А., 1968, 1958

© Издательство АСТ, 1968, 1958

Содержание

Аэропорт	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	66
Часть вторая	72
Глава 1	72
Глава 2	76
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Артур Хейли

Аэропорт. На грани катастрофы

Arthur Hailey
AIRPORT RUNWAY ZERO-EIGHT

Перевод с английского *Т. Озерской, Т. Кудрявцевой* («Аэропорт»), *Е. Токарева* («На грани катастрофы»)

Печатается с разрешения The Estate of Arthur Hailey при содействии Nancy Stauffer Literary Agency.

б и б л и о т е к а к л а с с и к и

© Ronald Payne, John Garrod and Arthur Hailey, 1958

© Arthur Hailey, 1968

© Перевод. Т. Кудрявцева, наследники, 2022

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2022

© Перевод. Е. Токарев, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Аэропорт

Часть первая (18.30–20.30)

Глава 1

Январь. Пятница. Шесть тридцать вечера. Международный аэропорт имени Линкольна в Иллинойсе был открыт, но все его службы работали с предельным напряжением.

Над аэропортом, как и над всеми штатами Среднего Запада, свирепствовал сильнейший буран, какого здесь не было лет пять или шесть. Вот уже трое суток не переставая валил снег. И в деятельности аэропорта, как в больном, измученном сердце, то тут, то там стали появляться сбои.

Где-то на летном поле затерялся в снегу пикап «Юнайтед эйрлайнз» с обедами для двухсот пассажиров. Невзирая на снег и наступившую темноту, пикап искали, но пока тщетно – ни машины, ни шофера найти не удалось.

Вылет самолета ДС-8 компании «Юнайтед эйрлайнз», для которого пикап вез еду, в беспосадочный рейс на Лос-Анджелес и так уже задерживался на несколько часов. А теперь из-за пропавшего пикапа он вылетит еще позже. Впрочем, это был не единственный случай задержки – около сотни самолетов двадцати других авиакомпаний, пользующихся международным аэропортом Линкольна, не поднялись вовремя в воздух.

Объяснялось это тем, что вышла из строя взлетно-посадочная полоса три-ноль: «Боинг-707» авиакомпании «Аэро Мехикан» при взлете чуть-чуть съехал с бетонированного покрытия и сразу застрял в раскисшей под снегом земле. Вот уже два часа, как люди бились, стараясь сдвинуть с места огромный лайнер. И теперь компания «Аэро Мехикан», исчерпав собственные ресурсы, обратилась за помощью к «ТВА».

Поскольку полоса три-ноль оказалась заблокированной, командно-диспетчерскому пункту пришлось установить жесткий контроль над воздухом и ограничить прием самолетов с близлежащих аэропортов Миннеаполиса, Кливленда, Канзас-Сити, Индианаполиса и Денвера. И тем не менее двадцать самолетов кружили над аэропортом, запрашивая о посадке, так как у них кончалось горючее. А на земле в два раза больше машин ждало отправки. И все же КДП отменил все вылеты, пока не разрядится обстановка в воздухе. В результате у аэровокзала, на рулежных дорожках и у выходных ворот стояло множество самолетов с запущенными двигателями, уже готовых к взлету.

На складах всех авиакомпаний скопилось множество грузов, в том числе и срочных, но ни о каких скоростных перевозках, естественно, не могло быть и речи. Инспекторы грузовых перевозок с волнением следили за состоянием скоропортящегося товара – оранжерейных цветов, отправляемых из Вайоминга в Новую Англию; пенсильванского сыра для Аляски; замороженного зеленого горошка для Исландии; живых омаров, которых с Восточного побережья США пересылали через полюс в Европу. Эти омары уже на другой день появятся в меню эдинбургских и парижских ресторанов в качестве «свежих продуктов местных морей», и американские туристы по неведению будут охотно их заказывать. Буран или не буран, а скоропортящиеся товары, согласно контракту, положено доставлять к месту назначения свежими – и быстро.

Особое волнение у служащих вызывал груз авиакомпании «Америкэн эйрлайнз» – несколько тысяч индюшат, которые всего два-три часа назад вылупились из яиц. График их

появления на свет и последующей отправки самолетом разрабатывается за много недель до того, как индюшка садится на яйца. По этому графику живые птицы должны быть доставлены на Западное побережье через сорок восемь часов после рождения – предельный срок, в течение которого крошечные существа могут прожить без еды и питья. При соблюдении этих условий доставку удается осуществить без потерь. Если же индюшат в дороге покормить, они не только пропахнут сами – пропахнет и самолет, так что потом в него несколько дней не войдешь. И вот теперь график был нарушен уже на несколько часов. Поэтому решили снять один самолет с пассажирской линии и предоставить его индюшатам – нежный груз получал, таким образом, приоритет над всеми грузами и пассажирами, включая даже «особо важных персон».

В здании аэровокзала царил хаос. Залы ожидания были забиты до отказа – тысячи пассажиров ждали вылета; одни рейсы задерживались, а другие были и вовсе отменены. Всюду громоздились горы багажа. Огромный центральный зал походил на трибуны стадиона в момент ожесточенного футбольного матча или на универсальный магазин «Мейси» в канун Рождества.

Сиявшая обычно на крыше аэровокзала лихая надпись «Международный аэропорт Линкольна – воздушный перекресток мира» была сейчас скрыта метелью.

Самое невероятное, подумал, глядя на все это, Мел Бейкерсфелд, что аэропорт еще как-то функционирует.

Управляющий аэропортом – высокий, сухощавый, удивительно собранный – стоял в башне у пульта управления снежной командой и всматривался в темноту. Обычно из этой стеклянной комнаты был отлично виден весь аэропорт: взлетно-посадочные полосы, рулежные дорожки, складские помещения. Правда, все самолеты в воздухе и на земле выглядели как модели на макете, но силуэты их четко вырисовывались даже вечером при свете прожекторов. Более широкий обзор открывался только с КДП – командно-диспетчерского пункта, расположенного в той же башне и занимавшего два верхних этажа.

Но сегодня лишь расплывающиеся точки ближних огней слабо мерцали сквозь густую пелену гонимого ветром снега. Да, подумал Мел, о нынешней зиме еще многие годы будут вспоминать на совещаниях метеорологов.

Родилась эта снежная буря пять дней назад где-то в горах Колорадо. Она возникла в виде снежного смерча высотой с небольшой холм, и метеорологи, вычерчивая для авиалиний карты погоды, либо пренебрегли таким пустяком, либо вовсе его не заметили. И вот, словно в отместку им, смерч стал расти и превратился в настоящее бедствие, в ураган, который помчался сначала на юго-восток, а потом повернул на север.

Он пронесся над Канзасом и Оклахомой и, словно решив набраться сил, задержался в Аризоне. А на другой день, окрепнув и разъярившись, всей своей мощью обрушился на долину Миссисипи. Но только над Иллинойсом буря разыгралась вовсю: температура упала, и штат сковало холодом – за одни сутки землю покрыл десятидюймовый слой снега.

Сначала над аэропортом шел легкий снежок. Потом он повалил с безудержной силой: не успевали машины расчистить сугробы, как ветер наметал новые. Люди на снегоуборке буквально валились с ног. За последние два-три часа уже нескольких человек пришлось отправить домой, так как они падали от усталости, хотя в аэропорту на случай подобных чрезвычайных обстоятельств всегда есть где передохнуть и по очереди поспать.

Мел услышал, как стоявший рядом с ним Дэнни Фэрроу, его заместитель, который отвечал сейчас за расчистку снега, вызвал по радиотелефону центр по борьбе с заносами:

– Мы теряем автомобильные стоянки. Вышлите еще шесть снегоочистителей и команду «Банджо» к «игрек семьдесят четыре»!

Дэнни находился перед пультом управления – собственно, даже не пультом, а скорее широкой доской с тремя консолями. Перед ним и двумя его помощниками, сидевшими справа и слева от него, выстроилась батарея телефонов, телеаппаратов и радиоприемников. На столе лежали карты, графики и бюллетени, фиксирующие местоположение каждой снегоочиститель-

ной машины, равно как и занятых на уборке снега людей. Отдельно фиксировались команды «Банджо», оснащенные специальными снегогребателями. Сейчас в этой комнате жизнь была ключом, но кончался зимний сезон – и помещение пустело, в нем воцарялась тишина.

Лысина Дэнни поблескивала, вся в капельках пота, – он непрерывно делал какие-то пометки на крупномасштабной карте аэропорта. Он повторил свою просьбу центру по борьбе с заносами – она прозвучала как его личная мольба; да так оно, наверное, и было. Здесь, наверху, помещался командный пункт. И тот, кто возглавлял его, должен был представлять себе картину в целом, устанавливать очередность требований и направлять машины туда, где в них больше нуждались. Сложность заключалась в том – и, должно быть, именно это раздражало Дэнни, потому он так и потел, – что те, кто трудился там, внизу, ведя неустанную борьбу со снегом, не всегда разделяли его точку зрения относительно того, где прежде всего нужна помощь.

– Ясно, ясно!.. Еще шесть снегоочистителей!.. – послышался в радиотелефоне раздраженный голос с другого конца аэропорта. – Сейчас попросим у Санта-Клауса. Он тут околачивается где-то поблизости. – Пауза. И более раздраженно: – Умнее ничего не придумали?

Мел взглянул на Дэнни и покачал головой. Он узнал голос в радиотелефоне – это был старший механик, работавший, по всей вероятности, без передышки с тех пор, как начался буран. В такую непогоду трудно держать себя в руках – это понятно. Обычно после напряженной, снежной зимы механики и дирекция устраивают мужское застолье, так называемый «вечер замирения». Да, уж в этом году непременно придется такой устраивать.

Дэнни попытался образумить смутьяна:

– Но мы же послали четыре снегоочистителя на поиски этого пикапа с едой. Они сейчас должны уже быть свободны.

– Они, конечно, были бы свободны... если бы нашли пикап.

– Как, его до сих пор не нашли? Да чем же вы там, черт бы вас побрал, занимаетесь – ужинаете, что ли, или девчонок щупаете? – И Дэнни тотчас повернул ручку, микшируя звук, чтобы раздавшийся по радиотелефону голос не грохотал в мембране.

– А вы там в своем курятнике имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит на поле? Не мешало бы все-таки время от времени поглядывать в окно! У нас же тут как на Северном полюсе – никакой разницы!

– Заткнул бы ты глотку, Эрни, – посоветовал Дэнни. – А то не ровен час на таком ветру и простыть недолго.

Слушая этот обмен любезностями, Мел понимал, что хоть и не все в их перепалке надо принимать всерьез, однако обстановка на летном поле действительно тяжелая. Мел сам всего час назад там проезжал. И хотя пользовался он служебными дорожками и знал весь аэропорт как свои пять пальцев, сегодня ему было непросто ориентироваться и он несколько раз сбивался с пути.

Мел ездил в центр по борьбе с заносами, где работа давно кипела вовсю. Если пульт управления можно было бы назвать командным пунктом, то центр по борьбе с заносами являлся чем-то вроде штаба на передовой. Здесь вечно толкались усталые рабочие и десятники – одни взмокшие от пота, другие промерзшие до костей, и постоянные, и временные, – плотники, электрики, водопроводчики, служащие, полицейские. Временных набирали из числа тех, кто работал в аэропорту, и, пока валил снег, платили им полтора жалованья. Все они знали, что надо делать, так как за лето и осень подобно солдатам прошли обучение и умели расчищать от снега взлетные полосы и дорожки. Вид рабочих, усиленно машущих лопатами жарким солнечным днем рядом с работающими вхолостую ревущими снегоочистителями, не раз веселил зевак. Если же кто-то выражал удивление по поводу столь тщательной подготовки, Мел Бейкерсфелд напоминал, что очистить от снега оперативные площадки аэропорта – дело нешуточное: ведь это все равно что очистить семисотмильное шоссе.

Центр по борьбе с заносами, как и пульт управления здесь, в башне, функционировал только зимой. Это было большое мрачное помещение над одним из гаражей. И властвовал там диспетчер. По голосу, звучавшему сейчас в радиотелефоне, Мел понял, что диспетчера сменили – возможно, он пошел поспать в «вытрезвителе», как не без юмора называли в аэропорту общежитие для людей, занятых на снегоуборке.

Радиотелефон снова ожил, и Мел узнал на этот раз голос старшего техника:

– Мы ведь тоже волнуемся по поводу этого пикапа, Дэнни. Бедняга шофер может здорово промерзнуть там, на поле. Хотя с голоду, конечно, не помрет, если у него котелок варит.

Пикап отъехал от «рейсовой кухни» и направился к аэровокзалу часа два назад. Путь его лежал по периметру летного поля и обычно длился около четверти часа. Но пикап так и не прибыл к месту назначения – шофер явно заблудился и застрял где-то в снегу. «Юнайтед эйрлайнз» послала за ним поисковую команду, но розыски ни к чему не привели. И теперь за дело взялось руководство аэропорта.

– А этот самолет «Юнайтед эйрлайнз» вылетел или нет? Отправился без еды? – спросил Мел.

Дэнни Фэрроу ответил, не отрывая взгляда от карт:

– Командир корабля предоставил решать этот вопрос пассажирам. Сказал, что потребуется еще час, чтобы подогнать новый пикап, а на борту есть выпивка, им покажут кино, и в Калифорнии светит солнце. И все высказались за то, чтобы поскорее убраться отсюда. Я бы тоже так поступил.

Мел кивнул. Ему очень хотелось самому взяться за дело и отыскать пропавший пикап и шофера. Но он подавил в себе это желание, хотя любая деятельность была бы для него сейчас благом. Холодная сырая погода, стоявшая эти несколько дней, возродила боль в покалеченной ноге, напоминая о Корее. Он переменял позу, перенес всю тяжесть тела на здоровую ногу. Но облегчение было лишь минутным. И боль очень скоро возобновилась.

Постояв немного возле Дэнни, Мел подумал, что правильно поступил, решив не вмешиваться. Дэнни делал все как надо: снял несколько снегоочистителей, работавших возле аэровокзала, и срочно направил их на дорогу, проложенную по краю поля. Ничего не поделаешь: приходилось отказаться на время от расчистки стоянок для машин, невзирая на любые скандалы. Прежде надо отыскать исчезнувшего шофера.

Отдавая соответствующее распоряжение, Дэнни предупредил Мела:

– Приготовься к потоку жалоб. Поисковая партия вынуждена будет блокировать окружающую дорогу. Придется задержать все пикапы с продовольствием, пока мы не найдем этого парня.

Мел кивнул. Такая уж у него работа, что жалоб не избежать. В этом случае – тут Дэнни был прав – они посыплются как из рога изобилия, когда компании узнают, что их пикапы с продовольствием задержаны в пути, а по каким соображениям – не важно.

Найдутся такие, которые ни за что не поверят, что человек может погибнуть здесь, в центре цивилизации, только оттого, что находится под открытым небом, и тем не менее это вполне может произойти. Далекие окраины летного поля не место для прогулок в такую ночь. Если же шофер решит сидеть в машине с включенным мотором, его быстро занесет снегом и он может потом умереть от скопления углекислого газа.

Одной рукой Дэнни держал трубку красного телефона, а другой листал правила поведения на случай чрезвычайных обстоятельств, тщательно составленные, кстати, самим Мелом.

Красный телефон служил для связи с дежурным пожарной команды аэропорта, и Дэнни коротко изложил ему ситуацию.

– А как только мы отыщем пикап, высылайте туда скорую помощь – может, потребуется респиратор или обогреватель, а возможно, и то, и другое. Но лучше не выезжайте, пока не будет точно установлено местонахождение пикапа. А то еще и вас, ребята, придется откапывать.

Капельки пота покрывали теперь уже всю лысину Дэнни. Мел понимал, что Дэнни работает у пульта скрепя сердце: ему куда больше по душе то, чем он обычно занимается, планируя деятельность аэропорта, строя гипотезы и логические предположения о будущем авиации. Вот там можно размышлять не спеша, прикинуть заранее все возможности, а не решать проблему с ходу, немедленно. И Мел подумал, что есть люди, которые живут прошлым, а есть такие, как Дэнни Фэрроу, которые бегут от настоящего в будущее. Но счастлив был сейчас Дэнни или несчастлив, он все-таки справлялся с делом, хоть и потел.

Протянув руку поверх его плеча, Мел взял трубку прямого телефона, связывающего пульт с КДП. Ему ответил руководитель полетов.

– Как там у вас с «Боингом-707» компании «Аэро Мехикан»?

– Да все так же, мистер Бейкерсфелд. Мы уже два часа бьемся, чтобы сдвинуть его с места. Пока ничего не получается.

Эта беда случилась, когда стемнело и пилот компании «Аэро Мехикан», ведя машину к взлету, взял по ошибке правее огней, ограждающих рулежную дорожку. Тут как на грех травянистый грунт не имел стока – его собирались сделать, когда кончится зима. А пока под толстым слоем снега находился еще более толстый слой грязи. И вот, свернув не в ту сторону, стодвадцатитонный самолет глубоко увяз в грязи.

Когда стало ясно, что нагруженный самолет своими силами выбраться из этой жижи не сможет, с него сняли разгневанных, ворчащих пассажиров и по грязи и снегу отвели к спешно подобранным автобусам. С тех пор прошло два часа, а огромный реактивный лайнер все еще стоял на прежнем месте, перекрывая собой полосу три-ноль.

– Значит, полоса и рулежная дорожка все еще не введены в строй? – спросил Мел.

– Совершенно верно, – ответил руководитель полетов. – Мы задержали все вылеты у выходных ворот и направляем машины на другие полосы.

– Здорово эта история нарушает график?

– Процентом на пятьдесят. Сейчас у нас десять рейсов дожидаются разрешения выйти на рулежную дорожку и еще с десятков ждут, когда им позволят запустить двигатели.

Вот оно, наглядное доказательство того, сколь настоятельно нужны аэропорту дополнительные взлетно-посадочные полосы – ВПП – и рулежные дорожки, подумал Мел. Уже целых три года он тщетно доказывал необходимость сооружения новой полосы параллельно три-ноль, равно как и других реконструкций. Но Совет уполномоченных под нажимом городских политических боссов неизменно отклонял его предложения. Объяснялось это тем, что городской муниципалитет по каким-то своим соображениям не желал выпускать новый заем, а это, безусловно, потребовалось бы для финансирования такого рода начинаний.

– Беда еще в том, – добавил руководитель полетов, – что из-за невозможности использовать полосу три-ноль самолеты взлетают над Медоувудом. И оттуда уже стали поступать жалобы.

Мел чертыхнулся. Городок Медоувуд, расположенный на юго-западе от аэропорта, был как заноза у него в мозгу и немало осложнял ему работу. Хотя аэропорт был построен задолго до городка, жители Медоувуда непрестанно в самой резкой форме жаловались на шум, который создают самолеты, пролетая у них над головой. В эту кампанию вскоре ввязалась пресса, что повлекло за собой новые жалобы и яростные нападки на аэропорт и его руководство. Наконец, после долгих переговоров, после шумихи в печати и, по мнению Мела Бейкерсфелда, серьезных передержек, где немалую роль уже играла политика, аэропорту и Федеральному управлению авиации пришлось пойти на уступки и обещать, что реактивные самолеты будут пролетать над Медоувудом лишь в крайних и особых случаях. Однако, поскольку взлетно-посадочных полос и так не хватало, это решение значительно сокращало возможности аэропорта.

Более того, решено было, что самолеты, взлетающие в направлении Медоувуда, поднявшись в воздух, будут тотчас принимать меры для уменьшения шума. Но тут начались протесты

сты уже со стороны пилотов, считавших такую меру чрезвычайно опасной. Однако авиакомпании, не желая раздражать публику и вызывать нарекания, требовали, чтобы пилоты выполняли приказ.

Невзирая на это, жители Медоувуда не успокаивались. Их воинственные лидеры продолжали протестовать, устраивать демонстрации, а согласно самым последним слухам, намеревались даже подать на аэропорт в суд.

– Много было звонков по этому поводу? – спросил Мел руководителя полетов. И мрачно подумал о том, что вместо работы снова придется часами разбирать петиции, вести споры и беспредметные обсуждения, которые все равно ничего не дадут.

– Да звонков пятьдесят, пожалуй, было. Это те, которым мы отвечали, а наверняка были и такие, которых с нами не соединили. Стоит взлететь самолету, и телефоны у нас начинают звонить – причем не только те, что значатся в телефонной книжке, но и незарегистрированные номера. Много бы я дал, чтобы выяснить, как их узнают.

– Но я надеюсь, вы сказали тем, кто звонил, что мы вынуждены так поступать из-за особых обстоятельств: во-первых, из-за бурана и, во-вторых, потому что вышла из строя ВПП.

– Мы все им объясняем. Но это никого не интересует. Они просто не желают, чтобы самолеты летали над ними, – и все. Есть такие, которые заявляют, что им нет дела до наших проблем, пилоты обязаны уменьшать шум, а они сегодня этого не делают.

– Черт возьми, да будь я пилотом, я тоже не стал бы этого делать! – Ну как может здравомыслящий человек, подумал Мел, требовать, чтобы пилот в такую бурю сразу после взлета снижал нагрузку на двигатели? А только это и уменьшает шум.

– Я тоже, – поддержал его руководитель полетов. – Хотя, конечно, все зависит от точки зрения. Если бы я жил в Медоувуде, может, и я бы рассуждал как они.

– Вы бы не жили в Медоувуде. Вы бы послушались нас. А мы уже много лет назад предупреждали людей, чтобы они там не строились.

– Да, пожалуй. Кстати, один мой сотрудник сообщил мне, что они там сегодня снова устраивают сборище.

– В такую погоду?

– Да, отменять его они вроде не собираются, и, похоже, что-то они там затевают.

– Ну, о том, что они затевают, – заметил Мел, – мы очень скоро узнаем.

И все же, подумал он, если в Медоувуде действительно состоится митинг, жаль, что аэропорт как раз сегодня подбрасывает им новую пищу для трепотни. Туда, конечно, явятся и пресса, и местные политические боссы, и то, что самолеты будут летать у них над головой – хоть это и вызвано необходимостью, – даст им повод для очередных петиций и разглагольствований. Значит, чем скорее полоса три-ноль войдет в строй, тем лучше будет для всех.

– Через некоторое время я сам выеду на поле, – сказал он руководителю полетов, – и посмотрю, что там происходит. Ждите сообщений с места.

– Есть!

– Кстати, – спросил, переходя к другому, Мел, – мой брат сегодня дежурит?

– Совершенно верно. Кейз сидит у радара – на Западном направлении.

Мел знал, что Западное направление – один из самых напряженных участков в диспетчерской. Работать на Западном направлении – значит наблюдать за всеми самолетами, садящимися в западном квадранте. Мел помедлил, потом решил, что достаточно хорошо знает руководителя полетов и может задать ему вопрос, который тревожил его сейчас.

– А Кейз в порядке? Не слишком нервничает?

Руководитель полетов ответил не сразу.

– Да, пожалуй, я бы даже сказал, нервничает больше обычного.

Они прекрасно понимали друг друга, ибо младший брат Мела в последнее время был для них обоих источником немалого беспокойства.

– Честно говоря, – сказал руководитель полетов, – я бы очень хотел помочь ему, но не могу. У нас не хватает рук, все загружены до предела. – И добавил: – Включая меня.

– Я знаю. И очень ценю то, что вы не выпускаете Кейза из поля зрения.

– Так ведь при такой работе почти у каждого из нас рано или поздно нервы сдают – тут уж ничего не поделаешь. – Мел чувствовал, как руководитель полетов тщательно подбирает слова. – Иной раз человек падает духом. Но когда такое бывает, мы всегда выручаем друг друга.

– Спасибо. – Услышанное не развеяло тревоги Мела. – Может, я попозже загляну к вам.

– Есть, сэр. – И руководитель полетов повесил трубку.

Это «сэр» было просто данью вежливости. Руководитель полетов не подчинялся Мелу. Он отвечал лишь перед Федеральным управлением авиации, находящимся в Вашингтоне. Тем не менее отношения между диспетчерами и аэропортским начальством всегда были хорошие, и Мел следил за тем, чтобы они не портились.

Аэропорт – любой аэропорт – это сложный механизм, и управлять им нелегко. Нет такого человека, который отвечал бы за все, но и самостоятельно функционирующих участков тоже нет: все переплетено и взаимосвязано. Как управляющий аэропортом, Мел обладал наибольшей полнотой власти, и тем не менее были такие секторы, в работу которых он старался не вмешиваться. Одним из них является командно-диспетчерский пункт, другим – представительства авиакомпаний. Мел мог вмешиваться и вмешивался в вопросы, связанные с деятельностью аэропорта в целом или с обслуживанием пассажиров. Он мог, например, приказывать авиакомпании снять с двери табличку, которая, по его мнению, сбивала с толку пассажиров или не соответствовала принятым на аэровокзале стандартам. Но то, что происходило за дверью, на которой красовалась эта табличка, естественно, находилось в ведении самой авиакомпании.

Таким образом, управляющему аэропортом надлежало быть не только хорошим администратором, но и тактиком.

Мел положил трубку на рычажок. По другому телефону Дэнни Фэрроу препирался с контролером автостоянки, издерганным и совершенно замученным жалобами, которые на протяжении последних часов поступали от владельцев машин, застрявших в снегу. «Да что же это такое, – говорили ему, – неужели ваши начальники в аэропорту не знают, что идет снег? А если знают, так почему же, черт побери, никто не пошевелится и не разгребет всю эту мерзость, чтобы люди могли вывести свою машину, когда им нужно! Или мы уже лишились своих демократических прав?»

– Скажи им, что мы установили диктатуру!

Ничего не поделаешь, говорил тем временем Дэнни, придется им подождать, пока машины расчистят снег там, где это важнее. Он подбросит людей и оборудование, как только сможет. Разговор прервали – звонил руководитель полетов с КДП. Получена новая сводка погоды: судя по всему, через час переменится ветер. Значит, придется работать на других полосах, поэтому нельзя ли ускорить расчистку полосы один-семь, левой. Он постарается, сказал Дэнни. Выяснит, как обстоят дела у «Анаконды», и позвонит.

В таком постоянном, ни на минуту не отпускающем напряжении работали люди вот уже три дня и три ночи – с тех пор, как начался буран. И в общем-то справлялись. Потому неудивительно, что записка, врученная Мелу посыльным четверть часа назад, лишь усилила его раздражение. Она гласила:

«м! ршила прдпрдить: комиссия борьбе заносами (по настоянию врн дмррр – почему ваш зять так вас не любит?) готовит разгромную докладную, считает взлетные плсы и рулежные држки забиты снегом (в.д. считает) из-за взмутительно бзответственнго руководства... докладная винит аэропорт (вас) задержке вылета блшинства самолетов... утверждает, если бы плса была лучше расчищена, 707 не застрял бы... а теперь материальный ущерб понесли все

авиакомпания и т. д. и т. п. – ясно?.. словом, где были вы – понятно?.. слезайте со своей вертоутуры и угостите меня кофе.

Привет т.».

«Т» означало Таня – Таня Ливингстон, старший агент по обслуживанию пассажиров компании «Транс-Америка» и приятельница Мела. Он перечитал записку, как перечитывал обычно все послания Тани, которые никогда не мог сразу разобрать: Таня, в чьи обязанности входила ликвидация недоразумений и недовольств, возникавших у пассажиров, не признавала заглавных букв. В своей борьбе с этими буквами она дошла до того, что уговорила механика «Транс-Америки» снять их с ее машинки. Мел слышал, что потом кто-то из ее начальства поднял по этому поводу страшный шум: компания-де не потерпит, чтобы ее служащие намеренно причиняли ущерб казенному имуществу. Но Тане это сошло с рук. Как, впрочем, сходило с рук все.

Под «врн дмррр», упоминавшимся в записке, подразумевался капитан Вернон Димирест, пилот все той же «Транс-Америки». Это был один из опытейших командиров воздушных кораблей и весьма активный член Ассоциации пилотов гражданской авиации, а в эту зиму он к тому же вошел в состав комиссии по борьбе с заносами в международном аэропорту Линкольна. Комиссия эта осуществляла надзор за состоянием взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек во время снегопадов и устанавливала их пригодность. В состав комиссии всегда входил кто-то из действующих пилотов.

Помимо перечисленных достоинств, Вернон Димирест обладал еще одним качеством – он приходился Мелу зятем, так как был женат на его старшей сестре Саре. Надо сказать, что клан Бейкерсфелдов благодаря бракам и наследственной привязанности к определенной профессии всеми своими корнями и ветвями врос в авиацию, подобно тому как в старину целые семьи были связаны, скажем, с мореходством. Тем не менее между Мелом и его зятем существовали весьма прохладные отношения: Мел недолюбливал Вернона за самодовольство и высокомерие, причем в этом он не был одинок. Недавно Мел и капитан Димирест отчаянно сцепились на заседании Совета уполномоченных, где Димирест выступал от имени Ассоциации пилотов. И Мел заподозрил сейчас, что разгромная докладная составлена его зятем в отместку за поражение на этом заседании.

Сама по себе докладная не слишком волновала Мела. Каковы бы ни были недостатки в работе аэропорта, он знал, что при таком буране многое могло обстоять и хуже. И тем не менее какие-то осложнения эта докладная в его жизнь внесет. Она будет разослана всем авиакомпаниям, и уже завтра начнутся телефонные звонки и записки с требованием объяснений.

Мел решил на всякий случай к этому подготовиться. Он лично проведет инспекцию и проверит, как идет работа по расчистке снега, когда поедет на поле выяснять, насколько продвинулось дело с этим самолетом «Аэро Мехикан», застрявшим на полосе.

А тем временем Дэнни Фэрроу уже снова говорил по телефону с центром по борьбе с заносами. Когда он на секунду умолк, Мел сказал:

– Я спущусь в вокзал, а потом выеду на поле.

Он вспомнил о записке Тани и ее предложении выпить кофе. И решил зайти к себе в кабинет, а потом, проходя через аэровокзал, заглянуть к ней в «Транс-Америку». При этой мысли у него потеплело на душе.

Глава 2

Мел вошел в служебный лифт, который открывался специальным ключом, и спустился из башни на этаж, где располагалась администрация. В помещениях, прилегавших к его кабинету, стояла тишина, столы стенографисток были пусты, машинки накрыты чехлами, но всюду горел

свет. Мел прошел к себе. Из шкафа, встроенного в стену рядом с широким, красного дерева, письменным столом, за которым он днем работал, Мел достал толстое пальто и сапоги на меху.

Собственно, никаких особых дел сегодня в аэропорту у Мела не было. И это было естественно. Тем не менее почти все время на протяжении этих трех дней, пока бушевала пурга, он оставался на посту – на всякий случай. «Если бы не эта пурга, – размышлял он, натягивая и зашнуровывая сапоги, – я бы сидел сейчас дома с Синди и детьми».

В самом деле сидел бы?

Сколько бы человек ни старался быть объективным, подумал Мел, он не всегда может понять, что им движет. Наверное, не будь снегопада, нашлась бы другая причина не ехать домой. С некоторых пор главным его желанием стало поменьше там бывать. Работа, конечно, давала ему такую возможность. Она позволяла сколько угодно задерживаться в аэропорту, где в последнее время перед ним возникало немало разных проблем, помимо сегодняшней кутерьмы и неразберихи. И в то же время, если быть честным с самим собой, надо признать, что аэропорт помогал ему избегать ссор, которые неизменно вспыхивали между ним и Синди, как только они оставались вдвоем.

– А, черт! – неожиданно громко ругнулся Мел в тишине кабинета.

Тяжело шагая в меховых сапогах, он подошел к письменному столу. Взглянул на памятку, отпечатанную секретаршей, и понял: так оно и есть. Он вспомнил, что именно сегодня вечером состоится одно из этих нудных благотворительных сборищ, которые посещает его жена. И на прошлой неделе Мел скрепя сердце обещал быть на нем. Предстоял коктейль и ужин в фешенебельном отеле «Лейк-Мичиган инн» (так значилось в памятке). А вот в честь чего устраивают это благотворительное сборище, в памятке сказано не было. Возможно, жена и говорила ему, но он забыл. Да и не все ли равно! Синди всегда участвовала в одних и тех же сборищах, причем удивительно скучных. Главное, по ее мнению, было не в идее, а в общественном положении, которое занимали дамы-благотворительницы, заседавшие с ней в различных комитетах.

По счастью, сегодня ему, видимо, удастся сохранить мир с Синди: эта затея начинается довольно поздно, и у него еще есть в запасе два часа, а учитывая скверную погоду, не только он может опоздать. Так что он вполне успеет объехать аэропорт. Затем он побреется и переоденется у себя в кабинете и довольно скоро сможет быть в городе. И все-таки лучше, пожалуй, предупредить Синди. Мел взял трубку городского телефона и набрал свой домашний номер.

Ответила Роберта, его старшая дочь.

– Привет, – сказал Мел. – Говорит твой старик.

На другом конце провода послышался спокойный голос Роберты:

– Я слышу.

– Ну как сегодня было в школе?

– Нельзя ли поточнее, отец? У нас была куча всяких предметов. Что именно тебя интересует?

Мел вздохнул. В иные дни ему казалось, что его домашний очаг рассыпается по частям. К примеру, Роберта сегодня – явно в «кусачем» настроении, как выражалась ее мать. Неужели все отцы, подумал Мел, теряют контакт со своими дочерьми, когда им исполняется тринадцать лет? Всего какой-нибудь год назад они были необычайно дружны – как только могут быть дружны отец и дочь. А Мел любил обеих дочерей – и Роберту, и младшую, Либби. Он часто думал о том, что только благодаря им как-то держится его брак с Синди. Он, конечно, понимал, что с годами у Роберты должны появиться интересы, которых он не сможет ни разделить, ни понять. Он был готов к этому. Но он никак не ожидал, что она так скоро отойдет от него или будет относиться к нему с таким безразличием и даже пренебрежением. Правда, если смотреть на дело объективно, нельзя не признать, что нелады между ним и Синди не могли не способствовать углублению этой пропасти. Дети – они ведь все чувствуют.

– Ладно, не будем об этом, – сказал Мел. – Мама дома?

– Уехала. Она сказала: если ты позвонишь, я должна передать, что вы встретитесь в городе и чтобы ты постарался на этот раз не опаздывать.

Мел подавил в себе раздражение. Ну чего злиться: Роберта просто повторяет слова Синди. Он так и слышит, как Синди их произносит.

– Если мама позвонит, скажи ей, что я, возможно, немного опоздаю, но по не зависящим от меня причинам.

На том конце провода царило молчание, и он спросил:

– Ты меня слышишь?

– Да, – сказала Роберта. – Что-нибудь еще, отец? А то у меня много домашних заданий.

– Да, кое-что еще, – не выдержав, рявкнул он. – Будьте любезны, юная леди, изменить тон и проявлять немножко больше уважения к отцу. И еще одно: наш разговор будет закончен тогда, когда я сочту нужным.

– Как тебе угодно, отец.

– И перестань звать меня отцом!

– Хорошо, отец.

Мел чуть не прыснул со смеху, но сдержался. И спросил:

– Дома все в порядке?

– Да. Вот только Либби хочет с тобой поговорить.

– Одну минуту. Я как раз хотел сказать тебе: из-за бури я, возможно, не сумею приехать домой. В аэропорту у нас тут бог знает что творится. Поэтому я, наверное, вернусь сюда и буду ночевать здесь.

Снова пауза; казалось, Роберта взвешивала: сказать колкость или нет? Вроде, например: «Может, придумаешь что-нибудь поновее?» Но в конечном счете решила смолчать.

– Ну а сейчас я могу позвать Либби?

– Да, можешь. Спокойной ночи, Робби.

– Спокойной ночи.

Послышался шорох – трубка переходила из рук в руки, а затем тоненький, задышающийся от волнения голосок Либби:

– Папочка, папочка! Ну-ка, угадай – что?!

Либби всегда говорила задышающимся голосом, точно в свои семь лет бегом бежала за жизнью и очень боялась отстать.

– Дай-ка подумать, – сказал Мел. – А-а, знаю: ты сегодня играла в снежки.

– Да, играла. Только это не то.

– Ну тогда я не знаю. Придется тебе самой мне сказать.

– Так вот: мисс Керзон сказала, что дома мы должны написать про все хорошее, чего мы ждем в будущем месяце.

Он с нежностью подумал, что вполне может понять энтузиазм Либби. Ей в мире все казалось волнующим и хорошим, а то, что не было хорошим, быстро отбрасывалось и забывалось. Долго ли еще продлится у нее эта счастливая пора невинности? – подумал Мел и сказал:

– Прекрасно. По-моему, это очень интересно.

– Папочка, папочка! А ты мне поможешь?

– Ну, если сумею.

– Мне нужна карта февраля.

Мел усмехнулся: Либби создала собственную устную скоропись, и понятия, которыми она оперировала, бывали порой куда выразительнее привычных слов. Но сейчас это навело Мела на мысль, что не мешало бы ему самому посмотреть карту февральской погоды.

– Календарь лежит у меня на столе в кабинете.

Мел подробно рассказал ей, как его найти, и услышал топот маленьких ножек. Либби уже ринулась за календарем, забыв про телефон. Положила трубку на рычаг, не сказав ни слова, видимо, Роберта.

Мел вышел из своего кабинета и пошел по административному этажу, держа на руке толстое теплое пальто.

Внезапно он остановился и посмотрел вниз, на кишевший как муравейник зал, где за последние полчаса, казалось, набралось еще больше народу. Все кресла для ожидания были заняты. Стойки информации и справочного бюро походили на островки, окруженные морем людей, среди которых было немало военных. Перед стойками регистрации пассажиров вытянулись длинные очереди – иные, извиваясь, уходили так далеко, что конца не было видно. За стойками находилось вдвое больше кассиров и инспекторов – дежурным помогали сотрудники, оставленные из предыдущих смен, и перед ними, как партитура на дирижерском пульте, лежали расписания рейсов и схемы размещения пассажиров в самолете.

Задержки с вылетом и изменения маршрутов, вызванные бураном, подвергли серьезной проверке и расписание рейсов, и человеческое терпение. Внизу, как раз под тем местом, где стоял Мел, находилось отделение компании «Браниф», и какой-то моложавый мужчина с длинными светлыми волосами и желтым шарфом вокруг шеи громогласно возмущался:

– Что за наглость: с какой стати я должен лететь в Канзас-Сити через Новый Орлеан?! Вы что – решили перекроить географию? Дали вам капелюшку власти, так вы совсем рехнулись!

Агент по продаже билетов, хорошенькая брюнетка лет двадцати двух – двадцати трех, устало провела рукой по глазам и с профессиональной выдержкой ответила:

– Мы можем направить вас и прямо, сэр, но мы не знаем когда. Погода сейчас такая, что этот кружной путь будет более скорым, а стоимость – та же.

За мужчиной в желтом шарфе вытянулись длинной цепью другие пассажиры, и у каждого – свои, совершенно неотложные проблемы.

Возле стойки компании «Юнайтед эйрлайнз» разыгрывалась другая пантомима. Хорошо одетый бизнесмен, низко пригнувшись, что-то втолковывал сотруднику компании. Судя по выражению лиц и жестам, Мел Бейкерсфелд легко мог догадаться, что диалог разворачивался примерно так:

«Мне бы очень хотелось попасть на ближайший рейс».

«Сожалею, сэр, но свободных мест нет. И, как видите, у нас большая очередь на бронирование...»

Тут агент поднял на клиента глаза и умолк. На стойке перед ним лежал портфель, и бизнесмен – не назойливо, но весьма недвусмысленно – постукивал пластиковым ярлычком по краю портфеля. Такие ярлычки выдаются членам Стотысячемильного клуба, созданного компанией «Юнайтед эйрлайнз» для своих постоянных пассажиров – элиты, которую стремятся иметь все компании. Выражение лица у кассира тотчас изменилось, и он, очевидно, сказал: «Сейчас что-нибудь устроим, сэр». Карандаш агента приподнялся и вычеркнул одну из фамилий в списке пассажиров – человека, приехавшего много раньше и имевшего все основания получить билет, – а вместо него вписал имя бизнесмена. Стоявшие позади него ничего не заметили.

Такое творилось во всех авиакомпаниях, и Мел это знал. Только наивные или очень далекие от всего люди верят в нерушимость так называемых «списков на очередь» и «списков бронирования» и в беспристрастность тех, у кого они в руках.

Взгляд Мела остановился на группе, явно только что прибывшей из города и как раз входившей в аэровокзал. Все они отряхивались от снега, как видно, метель не только не утихла, а стала еще злее. Не успел он подумать об этом, как новоприбывшие уже растворились в сутолоке вокзала.

Лишь немногие из восьмидесяти тысяч пассажиров, ежедневно проходящих через центральный зал, поднимают глаза вверх – туда, где помещается администрация, а сегодня таких было еще меньше, поэтому почти никто не замечал Мела, стоявшего там и смотревшего вниз. Для большинства пассажиров аэропорт – это авиарейсы и самолеты. Многие, наверное, понятия не имеют о том, что в аэропорту вообще есть служебные кабинеты или какая-либо администрация, в то время как это сложный, хоть и невидимый механизм, состоящий из сотен людей, – механизм, который должен работать для того, чтобы аэропорт мог функционировать.

Но может быть, это и к лучшему, подумал Мел, спускаясь по эскалатору вниз. Если бы люди больше знали, они выявили бы и недостатки в работе аэропорта, и то, какими это чревато для них опасностями, и уже не с таким спокойным сердцем отправлялись бы в путь.

Очувтившись в центральном зале, Мел направился к крылу, занимаемому «Транс-Америкой». Когда он проходил мимо стойки регистрации пассажиров, его окликнул один из инспекторов:

– Добрый вечер, мистер Бейкерсфелд. Вы ищете миссис Ливингстон?

Любопытная штука, подумал Мел: как бы ни были заняты люди, у них всегда найдется время для сплетен и наблюдения за другими людьми. Интересно, многие ли связывают его имя с именем Тани?

– Да, – сказал он. – Именно ее.

Инспектор кивком указал на дверь, на которой значилось: «Только для персонала компании».

– Она там, мистер Бейкерсфелд. У нас тут была маленькая неприятность. Миссис Ливингстон как раз этим занимается.

Глава 3

В маленькой гостиной, которую нередко использовали для особо важных персон, громко всхлипывала девушка в форме агента по продаже билетов.

Таня Ливингстон усадила ее на стул и деловито сказала:

– Успокойся, спешить некуда. Поговорим, когда ты придешь в себя.

И Таня тоже села, разгладив узкую форменную юбку. В комнате больше никого не было. Слышалось лишь всхлипывание, да гудел воздушный кондиционер.

Между двумя женщинами было примерно пятнадцать лет разницы. Девушке едва исполнилось двадцать, а Тане – подходило к сорока. Но, глядя на нее, Таня почувствовала, что их разделяет куда бо́льшая пропасть. И пропасть эта объяснялась, видимо, тем, что Таня уже была замужем – хоть и недолго и давно, но все же была.

Второй раз за сегодняшний день она думала о своем возрасте. В первый раз эта мысль мелькнула у нее, когда, расчесывая утром волосы, она заметила серебряные нити в своей короткой густой ярко-рыжей гриве. Седины стало куда больше, чем примерно месяц тому назад, когда она впервые обратила на это внимание. И снова, как тогда, она подумала, что сорок лет – рубеж, когда женщина должна уже четко представлять себе, куда и зачем она идет, – не за горами. А кроме того, она еще думала, что через пятнадцать лет ее собственной дочери будет столько же, сколько этой Пэтси Смит, которая рыдала сейчас перед ней.

Тем временем Пэтси вытерла покрасневшие глаза большим полотняным платком, который дала ей Таня, и, еще давась от слез, произнесла:

– Они бы никогда себе не позволили... так грубо разговаривать дома... даже с женой.

– Это ты про пассажиров?

Девушка кивнула.

– Да нет, многие так разговаривают и дома, – сказала Таня. – Вот выйдешь замуж, Пэтси, возможно, и тебе придется с этим столкнуться, хоть я и не пожелала бы тебе такого. Видишь

ли, когда у мужчины ломаются планы, он ведет себя, как сорвавшийся с цепи медведь, – тут ты права.

– Я же очень стараюсь... мы все стараемся... весь сегодняшний день и вчера тоже... и позавчера... Но они так с нами разговаривают...

– Ты хочешь сказать, они ведут себя так, будто это ты устроила бурю. Специально, чтобы осложнить им жизнь.

– Да... А потом подошел этот мужчина... До него я еще как-то держалась...

– Что же все-таки произошло? Меня ведь вызвали, когда скандал уже кончился.

Девушка постепенно начала успокаиваться.

– Ну... у него был билет на рейс семьдесят два, а рейс отменили из-за непогоды. Мы достали ему место на сто четырнадцатый, но он на него опоздал. Говорит, что был в ресторане и не слышал, как объявили посадку.

– В ресторанах посадку не объявляют, – сказала Таня. – Об этом висит объявление, а кроме того, это напечатано на всех меню.

– Я ему так и сказала, миссис Ливингстон, когда он подошел ко мне. Но он продолжал грубить. Вел себя так, точно это я виновата, что он опоздал на посадку. Сказал, что все мы безрукие и спим на ходу.

– А ты вызвала старшего?

– Да, но он был занят. Мы все были очень заняты.

– Что же было дальше?

– Я дала этому пассажиру место в дополнительном отсеке на рейс двенадцать двадцать два.

– Ну и что дальше?

– Он спросил, какой там будут показывать фильм. Я выяснила, и тогда он сказал, что видел этот фильм. И снова стал мне грубить. Он желал смотреть тот фильм, который должны были показывать на отмененном рейсе. И спросил, могу я ему дать билет на такой рейс, где показывают этот фильм. А ведь у стойки толпилась уйма пассажиров. И кое-кто из них стал громко ворчать, что я-де еле шевелюсь. Ну и вот, когда он снова спросил меня насчет фильма, тут я... – Девушка помолчала. – Очевидно, это называется – сорвалась.

– И швырнула ему в лицо расписание? – подсказала Таня.

Пэтси Смит кивнула – вид у нее был глубоко несчастный. Казалось, она вот-вот снова заплачет.

– Да. Сама не знаю, что на меня нашло, миссис Ливингстон... Я швырнула ему расписание через стойку. И сказала, пусть сам выбирает себе рейс.

– Надеюсь, – заметила Таня, – ты попала в него.

Девушка подняла на нее глаза. Теперь вместо слез в них уже появилась смешинка.

– Конечно, попала. – И, словно что-то вспомнив, хихикнула: – Вы бы видели его физиономию! Он был потрясен. – Лицо ее снова приняло серьезное выражение. – А потом...

– Я знаю, что произошло потом. Ты разрыдалась, что вполне естественно. Затем тебя отправили сюда, чтобы дать выплакаться. Ну а теперь возьми такси и поезжай домой.

Девушка в изумлении уставилась на нее:

– Вы хотите сказать... это все?

– Конечно. А ты что, думала – тебя сейчас уволят?

– Я... я не знаю.

– Мы будем вынуждены тебя уволить, Пэтси, хоть нам это и очень неприятно, – заметила Таня, – если подобная история повторится. Но ты ведь больше не будешь, правда? Никогда?

Девушка решительно замотала головой:

– Нет, не буду. Не могу объяснить почему, но я твердо знаю, что во второй раз такого не сделаю.

– Тогда поставим на этом точку. Если, конечно, тебе не хочется узнать, что произошло после того, как тебя увели.

– Очень хочется.

– Один из стоявших в очереди подошел к стойке и заявил, что все слышал и видел. У него есть дочь такого же возраста, как ты, сказал он, и если бы кто-то разговаривал так с его дочерью, он бы собственноручно расквасил ему нос. Тогда другой человек из очереди – он оставил свою фамилию и адрес – сказал, что, если тот нахал на тебя пожалуется, пусть его известят и он засвидетельствует, как все было на самом деле. – Таня улыбнулась. – Так что, как видишь, на свете есть и славные люди.

– Я знаю, – сказала Пэтси. – Их не много, но когда попадается такой милый, приятный человек, хочется обнять его и расцеловать.

– К сожалению, нам этого нельзя – как нельзя швырять в пассажиров расписанием. Мы должны ко всем относиться одинаково и быть вежливыми, даже когда пассажиры не очень-то вежливы с нами.

– Конечно, миссис Ливингстон.

С Пэтси Смит все будет в порядке, решила Таня. Девушка не станет подавать заявление об уходе, как это делали другие, попав в подобную передрагу. Более того, сейчас, успокоившись, Пэтси словно прошла закалку, а это еще пригодится ей в будущем.

Да, подумала Таня, одному богу известно, сколько нужно выдержки, да и твердости, для того чтобы работать с пассажирами – на любом посту.

Взять хотя бы службу бронирования.

Она понимала, что сотрудникам этой службы в городских отделениях достается, наверное, еще больше, чем тем, кто работает здесь, в аэропорту. С тех пор как начался буран, им пришлось оповестить по телефону несколько тысяч пассажиров о задержках и изменении расписания. Заниматься этим никто не любит, поскольку подобные звонки неизменно вызывают раздражение и нередко кончаются перепалкой. Такое впечатление, будто задержка вылета или прилета вдруг пробуждает дремлющий в человеке инстинкт дикаря. Мужчина ни с того ни с сего обрушивает на незнакомую женщину поток оскорблений – даже люди, обычно вежливые и мягкие, становятся язвительными и грубят. Хуже всего почему-то иметь дело с теми, кто летит в Нью-Йорк. Сотрудники отказывались предупреждать по телефону пассажиров на Нью-Йорк о новых задержках или отменах рейсов – лучше лишиться места, чем подвергать себя граду оскорблений, которые, они знали, обрушатся на них. Таня частенько задумывалась над притягательной силой, которой обладает Нью-Йорк и которая словно бацилла поражает всякого, кто стремится туда: стоит человеку собраться в путь – и он уже умирает от желания побыстрее добраться до цели.

Таня знала, что, когда сегодняшняя лихорадка спадет, многие подадут прошение о расчете – и из службы бронирования, и из других служб. Так бывало всегда. Будет и несколько случаев нервного расстройства – преимущественно среди девушек помоложе, более остро реагирующих на бестактность и грубость. Не так-то просто всегда быть вежливой, даже если ты имеешь хорошую тренировку.

И, думая об этом, Таня порадовалась, что сумела успокоить Пэтси Смит и девушка теперь уже так не поступит.

В дверь постучали. Она приоткрылась, и на пороге появился Мел Бейкерсфелд. Он был в меховых сапогах, с теплым пальто, перекинутым через руку.

– Я проходил мимо, – сказал он. – Могу зайти позже, если вы заняты.

– Нет-нет, заходите. – Таня радостно улыбнулась при виде его. – Я скоро освобожусь.

Она внимательно смотрела на Мела, пока он шел к ней, и подумала: «У него усталый вид». Потом снова повернулась к девушке, заполнила бланк и протянула ей.

– Передай это диспетчеру такси, Пэтси, он отвезет тебя домой. Отдохни как следует и выходи завтра на работу. Надеемся увидеть тебя бодрой и жизнерадостной.

Когда девушка ушла, Таня повернулась на вращающемся кресле лицом к Мелу и весело сказала:

– Ну а теперь здравствуйте.

Мел сложил газету, которую принялся было просматривать, и улыбнулся:

– Привет!

– Получили мою записку?

– Я как раз пришел затем, чтобы поблагодарить вас. Хотя, наверное, и без того зашел бы. – И, кивнув на дверь, за которой только что исчезла Пэтси, спросил: – В чем дело? Пере-напряжение?

– Да. – И Таня рассказала, что произошло.

Мел хмыкнул:

– Признаться, я тоже устал. Может, и меня отправите домой на такси?

Таня испытующе посмотрела на него. Взгляд ее ясных голубых глаз проникал в самую душу. Она сидела, слегка склонив голову, и в лучах света, падавшего с потолка, волосы ее отливали медью. Плотный пригнанный форменный костюм подчеркивал женственную округлость ее тоненькой стройной фигуры. И Мел уже не в первый раз вдруг почувствовал, до чего она желанна и как ему с ней хорошо.

– Надо подумать, – сказала она. – Что ж, я, пожалуй, отправила бы вас на такси, если бы вы поехали ко мне и согласились у меня пообедать. Я бы приготовила вам, скажем, тушеную телятину.

Он помедлил, взвешивая все «за» и «против», затем с сожалением отрицательно покачал головой.

– Мне бы очень хотелось, но... У нас тут столько неполадок, а кроме того, мне скоро надо быть в городе. – Он поднялся. – Но кофе мы выпить можем.

– Хорошо.

Мел открыл дверь, пропустил Таню вперед и вышел вслед за ней в шумный, забитый людьми зал.

Стойку «Транс-Америки» осаждала толпа – народу здесь стало еще больше, чем ранее, когда Мел проходил мимо.

– Придется поторопиться, – сказала Таня. – Мне еще два часа дежурить.

И они стали пробираться сквозь толпу, то и дело обходя груды багажа, – Таня шла медленнее обычного, приспособившись к Мелу. Она заметила, что он сильно хромает. И ей захотелось взять его под руку, помочь, но она понимала, что это невозможно. Она ведь в форме, а сплетни и без того распространяются слишком быстро. В последнее время их с Мелом частенько видели вместе, и Таня не сомневалась, что машина слухов, работавшая в аэропорту со скоростью доисторического телеграфа в джунглях или современной счетно-вычислительной машины, уже зарегистрировала это обстоятельство. По всей вероятности, все служащие аэропорта считали, что она спит с Мелом, хотя это было и не так.

Они направлялись сейчас в «Кафе заоблачных пилотов» в центральном зале.

– Кстати, насчет тушеной телятины, – сказал Мел. – Не могли бы мы устроить это пиршество в другое время? Хотя бы послезавтра?

Танино приглашение застигло его врасплох. Правда, они уже не раз встречались и проводили вместе время – за рюмкой вина или в ресторане за обедом, – но до сих пор Таня не приглашала его к себе. Вполне возможно, что и на этот раз она приглашала всего лишь на обед. Однако... могло ведь быть и иначе.

С некоторых пор Мел чувствовал, что, если они будут встречаться не только на работе, их отношения, естественно, могут пойти дальше. Но он не ускорял событий: инстинкт подска-

зывал ему, что роман с Таней может перерасти в нечто более серьезное, чем легкий флирт, и глубоко увлечь их обоих. А Мелу надо было еще учитывать свои отношения с Синди. Уладить их будет не так-то просто, если вообще удастся; человек не всегда может справиться со всеми проблемами, которые наваливаются на него. Любопытная штука, подумал Мел: когда брак прочен, завести роман легко, а вот когда брак распадается – гораздо труднее. И все же слишком заманчиво было приглашение Тани, чтобы отказаться от него.

– Послезавтра воскресенье, – напомнила она. – Я не дежурю, но если вы сумеете освободиться, то мне это даже удобнее: у меня будет больше времени.

Мел улыбнулся:

– При свечах и с вином?

Он совсем забыл, что послезавтра воскресенье. Но ему все равно придется поехать в аэропорт: даже если буран утихнет, он оставит следы. Ну а Синди – она сама без всяких объяснений не раз уезжала куда-то по воскресеньям.

Таня внезапно отскочила в сторону, уступая дорогу запыхавшемуся человеку, за которым следовал носильщик в красной фуражке, толкавший перед собой тележку, нагруженную чемоданами; поверх них лежали теннисные ракетки и палки для гольфа. «Летит куда-то на юг», – не без зависти подумала Таня.

– О'кей, – сказала она, когда они с Мелом снова оказались рядом. – При свечах и с вином.

Как только они вошли в кафе, разбитная метрдотельша, сразу узнав Мела, подошла к ним и провела в дальний угол к маленькому столику, на котором стояла табличка «Занято» и за которым обычно обслуживали администрацию. Опускаясь на стул, Мел зацепился за ножку стола и, покачнувшись, ухватился за руку Тани. Это не укрылось от зоркой метрдотельши, и она усмехнулась. «Машина слухов уже готовит очередной бюллетень», – подумала Таня и сказала:

– Ну и толпа! Вы когда-нибудь видели такое? Все эти три дня – просто светопреставление.

Мел окинул взглядом переполненное кафе; сквозь гул голосов морзянкой прорывался звон посуды. За стеклянной дверью колыхалось беспокойное море голов.

– Если вы считаете, что у нас сегодня столпотворение, – заметил он, – подождите, пока С-5А войдет в строй.

– Знаю. Мы и сейчас едва справляемся, когда летят «Боинги-747», а если придется регистрировать сразу тысячу пассажиров... Не приведи господь! – Таня содрогнулась. – А представляете себе, что будет твориться, когда все они начнут получать багаж? Даже думать об этом неохота.

– Не только вам, но и многим другим неохота, хотя им-то следовало бы задуматься – и уже сейчас. – Мела забавляло то, что их беседа, не успев начаться, перескочила на авиацию. Все, связанное с рейсами и самолетами, притягивало Таню как магнит, и она любила говорить об этом. Любил это и Мел, чем отчасти и объяснялось то, что ему нравилось бывать в ее обществе.

– Кто же еще не желает над этим задумываться?

– Те, в чьем ведении находятся наземные сооружения – аэровокзалы, взлетно-посадочные полосы и рулежные дорожки. Большинство ведут себя так, точно реактивные самолеты всегда будут такими, как сейчас. Они считают, что, если сидеть тихо и спокойно, новые большие самолеты не появятся и никаких сложностей не возникнет. И перестраивать наземные службы не придется.

– Но во всех аэропортах идет такое большое строительство, – задумчиво заметила Таня. – Всюду, куда ни прилетишь.

Мел предложил ей сигарету, но она отрицательно покачала головой. Тогда он закурил сам.

– В большинстве своем это строительство – всего лишь заплаты, небольшие изменения и расширения аэропортов, построенных в пятидесятых или в начале шестидесятых годов. Пока для будущего почти ничего не делается. Есть, конечно, исключения – например, лос-андже-

лесский аэропорт, или аэропорт Тампа во Флориде, или Даллас-Форт-Уэрт. Это будут первые в мире аэропорты, готовые к приему новых гигантских реактивных и сверхзвуковых самолетов. Неплохо обстоит дело в аэропортах Канзас-Сити, Хьюстона и Торонто. Есть план реконструкции сан-францисского аэропорта, хотя наши политики могут это завалить. Вот, пожалуй, и все в Северной Америке.

– А в Европе?

– В Европе – одно старье, – сказал Мел, – кроме Парижа. Новый северный аэропорт, который заменит Ле-Бурже, будет, пожалуй, одним из лучших. А в Лондоне такая бестолковщина, какую способны создать только англичане. – Он помолчал, задумавшись. – Впрочем, не надо принижать и другие страны: у нас у самих плохи дела. Нью-Йорк в ужасающем состоянии, хотя в аэропорту Кеннеди и производятся некоторые изменения, но слишком уж забито небо над городом. Скоро я сам стану добираться туда только поездом. Вашингтон еще кое-как справляется, хотя Национальный аэропорт – это жуткая дыра. А вот аэропорт Далласа – это гигантский шаг вперед. Рано или поздно и в Чикаго поймут, что они отстали на двадцать лет. – Мел помолчал, подумал. – Помните, в те годы, когда стали летать первые реактивные, что творилось в аэропортах, построенных в расчете на ДС-4 и «констеллейшн»?

– Помню, – сказала Таня. – Я именно в таком и работала. И в обычные-то дни не толкнешься, а когда много рейсов – просто дышать было нечем. Мы еще говорили, что это все равно как если б вздумали снимать большое сражение на детской площадке.

– В семидесятых годах, – заметил Мел, – будет хуже, много хуже. И не только из-за обилия пассажиров. Нас задушит другое.

– Например?

– Трудно будет со взлетно-посадочными полосами и диспетчеризацией движения, но это уже особая статья. А главное, чего никак не предусматривают те, кто планирует аэропорты, это то, что скоро – и очень скоро – наступит день, когда грузовые перевозки намного превысят пассажирские. Так было на всех видах транспорта, начиная с каное. Сначала перевозят людей и немного груза, а не успеешь оглянуться, и грузы начинают вытеснять человека. В авиации мы уже подошли к этому рубежу, хотя еще мало кто это сознает. Когда грузовые перевозки получат перевес – а это произойдет в ближайшие десять лет, – наши нынешние представления о том, каким должен быть аэропорт, окажутся безнадежно устаревшими. Хотите доказательства? Взгляните, куда стремится попасть молодежь, поступающая на работу в управленческий аппарат авиации. Еще совсем недавно почти никто не хотел идти в отделы грузовых перевозок. Это рассматривалось как ссылка – возможность блеснуть была лишь у тех, кто занимался пассажирами. А теперь это уже не так! Теперь все, у кого есть голова на плечах, хотят работать на грузовых перевозках. Они уже поняли, что в этом будущее и возможность быстрой карьеры.

Таня рассмеялась:

– Ну значит, я старомодная, потому что я предпочитаю иметь дело с людьми. Грузовые перевозки как-то...

К их столику подошла официантка:

– Порционных уже нет, и если народ не схлынет, то скоро вообще ничего не останется.

Они заказали кофе и к нему Таня – лимонный пирог, а Мел – сэндвич с яичницей. Когда официантка отошла, Мел усмехнулся:

– Я, кажется, произнес что-то вроде речи. Извините.

– Наверное, захотелось попрактиковаться. – Она пылливо посмотрела на него. – В последнее время не так уж часто вам приходится произносить речи.

– Да, я ведь больше не президент Совета руководителей аэропортов. Я не езжу ни в Вашингтон, ни в другие места. – Однако не только этим объяснялось то, что Мел нигде больше не выступал и вообще стал менее заметной фигурой. И он подозревал, что Таня знает об этом.

Как ни странно, но именно на одном из выступлений Мела и свела их судьба.

Однажды на совместном совещании, какие изредка проводятся авиакомпаниями, Мел говорил о грядущих изменениях в авиации и об отставании наземных служб от прогресса, намечающегося в воздухе. Он воспользовался совещанием как поводом для того, чтобы «обкатать» речь, которую собирался произнести на общеамериканском форуме через неделю. Таня была там в числе представителей «Транс-Америки» и на другой день прислала ему одну из своих «обезглавленных» записок:

«мр б.

отличная речь, все мы назмники с удовлтврнием узнали чт творцы аэропортов заснули над чертежными досками. кто-то должен был это сказать. можно прдложение? речь прзвчит живее, если поменьше тхнки побольше нсчет члвков, пассажир в пузе (все равно, самолета или кита – помните иону?) думает только о себе, не о мироздании. уверена орвилл/уилбер именно об этом думали, как только оторвались от земли. верно?

тл.».

Записка эта не только позабавила Мела, но и заставила призадуматься. А ведь и в самом деле, решил он, все его внимание сосредоточено на цифрах и системах машин, а люди оказались за бортом. Он пересмотрел набросок речи и переставил акценты, как предлагала Таня. В результате выступление его имело огромный успех – как никогда. Ему горячо аплодировали и широко цитировали потом в газетах и журналах всего мира. Он, разумеется, позвонил Тане и поблагодарил ее. С тех пор они начали искать встреч друг с другом.

Вспомнив об этом первом послании Тани, Мел по ассоциации вспомнил и о записке, которую он получил от нее сегодня вечером.

– Спасибо, что вы сообщили мне насчет докладной комиссии по борьбе с заносами, хоть я и не очень понимаю, как вам удалось увидеть ее раньше меня.

– В этом нет ничего удивительного. Ее печатали у нас, в бюро «Транс-Америки». И я видела, как капитан Димирест просматривал ее и усмехался.

– Вернон показал вам докладную?

– Нет, просто листы лежали перед ним, а я умею читать текст вверх ногами. Кстати, вы не ответили на мой вопрос: почему ваш зять так вас не любит?

Мел нахмурился:

– Должно быть, догадывается, что и я не слишком в восторге от него.

– Если хотите, можете ему сейчас об этом сказать, – заметила Таня. – Великий человек здесь собственной персоной. – Она мотнула головой в сторону кассы, и Мел оглянулся.

Капитан Вернон Димирест, высокий широкоплечий красавец, на голову выше всех окружающих, расплачивался по счету. Хотя он был в обычном штатском костюме – твидовом пиджаке от Харриса и безукоризненно отутюженных брюках, – от всей его фигуры исходило удивительное ощущение властного превосходства («Ну прямо генерал в гражданском платье», – подумал Мел). Его волевое, с правильными чертами лицо было замкнуто и холодно – оно не изменилось и тогда, когда он заговорил с другим пилотом «Транс-Америки», стоявшим рядом. Видимо, Димирест давал пилоту указания, потому что тот выслушал его и кивнул. Димирест тем временем окинул взглядом кафе и, заметив Мела с Таней, слегка наклонил голову. Потом посмотрел на часы, еще что-то сказал пилоту и направился к выходу.

– Видно, спешит, – заметила Таня. – Времени у него действительно не так уж много. Он летит сегодня рейсом два в Рим.

Мел улыбнулся:

– Рейсом «Золотой Аргос»?

– Вот именно. Я вижу, сэ, вы читаете нашу рекламу.

– А ее трудно не читать. – Мел, конечно, знал, как знали миллионы людей, любовавшихся четырехцветным разворотом в журналах «Лайф», «Лук», «Пост», что рейс два «Транс-Америки», именуемый «Золотой Аргос», является самым фешенебельным, самым рекламным рейсом этой компании. Знал он и то, что выполняют такого рода рейсы лишь пилоты самого высшего класса.

– К тому же общеизвестно, – заметил Мел, – что Вернон на сегодня один из наиболее опытных наших пилотов.

– О да. Наиболее опытных и наиболее спесивых. – Таня помедлила и все-таки решилась: – Если вы не прочь послушать сплетни, могу сказать, что вы не одиноки в оценке вашего зятя. Я слышала, как недавно один из наших механиков сказал: жаль, что нет больше у самолетов пропеллеров, тогда хоть была бы надежда, что капитан Димирест попадет под лопасть.

– Не слишком-то гуманная шутка, – оборвал ее Мел.

– Согласна. Я лично больше склоняюсь к мнению президента нашей компании мистера Янгквиста. Насколько мне известно, он сказал про капитана Димиреста так: «Держите этого надутого индюка от меня подальше, но летать я буду только с ним».

Мел усмехнулся. Он знал обоих: да, Янгквист мог сказать такое. Мел, конечно, понимал, что не следовало ему опускаться до обсуждения Вернона Димиреста, но известие о докладной, составленной комиссией по борьбе с заносами, и мысль о неприятностях, которые она ему причинит, все еще вызывали у него раздражение. Интересно, подумал он, куда спешит сейчас его зять, – наверно, на какое-нибудь очередное любовное свидание: говорят, он на этот счет не промах. Мел посмотрел вслед Димиресту, но толпа в центральном зале уже поглотила его.

Сидевшая напротив Таня быстрым движением разгладила юбку. Мел давно подметил эту ее привычку, и она ему нравилась. В этом было что-то удивительно женственное, притягивавшее взгляд и заставлявшее вспомнить, что лишь немногим женщинам идет форма, а Тане она шла и только увеличивала ее обаяние.

Мел знал, что некоторые авиакомпании разрешают своим служащим определенного ранга ходить без формы, но в «Транс-Америке» считали, что синий с золотыми нашивками костюм придает служащему больше веса. О высоком и ответственном положении Тани свидетельствовали два золотых кольца с белой каймой, которые украшали ее рукав.

Словно угадав мысли Мела, Таня сказала:

– Я, видимо, скоро сниму эту форму.

– Почему?

– Нашему управляющему пассажирскими перевозками предложили аналогичный пост в Нью-Йорке. Заместителя переводят в управляющие, а я подала заявление с просьбой предоставить мне освобождающееся место.

Мел посмотрел на нее со смесью восхищения и любопытства:

– Что ж, я думаю, вы его получите. И пойдете дальше.

Она удивленно подняла брови:

– Вы, может, считаете, что я и вице-президентом стать могу?

– А почему бы и нет? Конечно, если захотите. Я имею в виду: если захотите стать начальством.

– Я еще не уверена, хочу я этого или чего-то другого, – задумчиво ответила Таня.

Официантка принесла еду. Когда она ушла, Таня сказала:

– Правда, у нас, работающих женщин, не всегда есть выбор. Если не хочешь торчать на одном месте до самой пенсии – а многим из нас это вовсе не улыбается, – единственный путь: карабкаться вверх.

– А замужество вы исключаете?

Таня долго и тщательно выбирала кусок лимонного пирога.

– Нет, не исключая. Но однажды я уже обожглась, значит, могу обжечься и снова. Да и не так уж много претендентов – я имею в виду холостяков – на руку женщины с ребенком.

– Но может ведь найтись исключение.

– Этак я могу и Ирландский кубок выиграть. Вот что я вам скажу, дорогой Мел, на основе собственного опыта: мужчины предпочитают женщин без обуви. Можете спросить моего бывшего супруга. Если вы, конечно, разыщете его. Мне это пока не удалось.

– Он оставил вас, когда у вас родился ребенок?

– Что вы! Нет, конечно! Тогда Рою пришлось бы целых полгода заботиться обо мне. По моему, в четверг я сказала ему, что беременна – я просто не могла больше молчать, – а в пятницу, когда я вернулась домой с работы, уже не было ни Роя, ни его вещей. Вот так-то.

– И с тех пор вы его ни разу не видели?

Она покачала головой.

– Но в итоге это намного облегчило развод: ушел – и все. И никаких объяснений. Впрочем, нельзя быть совсем уж стервой. Рой не был законченным подлецом. К примеру, он не снял ни доллара с нашего общего счета в банке, хотя и мог. Я нередко думала потом, было ли это от доброты или просто он забыл. Так или иначе, все восемьдесят долларов, которые там лежали, достались мне.

– Вы никогда мне об этом раньше не рассказывали, – заметил Мел.

– А следовало?

– Возможно – чтобы я мог посочувствовать.

Она снова покачала головой:

– Если бы вы лучше меня знали, вы бы поняли, что я рассказала вам это сейчас вовсе не потому, что нуждаюсь в сочувствии. В результате все ведь сложилось для меня не так уж плохо. – Таня улыбнулась. – Я даже могу стать со временем вице-президентом компании. По вашим словам.

За соседним столиком какая-то женщина воскликнула:

– О господи! Ты только взгляни, который час!

Инстинктивно Мел посмотрел на часы. Прошло сорок пять минут с тех пор, как он расстался с Дэнни Фэрроу. Он быстро поднялся на ноги, сказав Тане:

– Подождите меня здесь. Мне надо позвонить.

Возле кассирши стоял телефон, и Мел набрал один из незарегистрированных номеров пульта управления снежной командой. В трубке послышался голос Дэнни Фэрроу: «Обождите!» – прошло несколько секунд, потом Дэнни сказал:

– Я как раз собирался звонить тебе. Насчет этого самолета «Аэро Мехикан», который блокирует полосу.

– Ну, слушаю.

– Тебе известно, что компания запросила о помощи «ТВА»?

– Да.

– Так вот, им туда нагнали грузовиков, кранов, уйму всякой техники. Вся взлетная полоса и рулежная дорожка забиты машинами. Но чертов самолет так и не удалось сдвинуть с места. Мне сообщили, что «ТВА» послала за Патрони.

– Рад это слышать, – сказал Мел, – жаль только, что они раньше не додумались послать.

Джо Патрони был главным механиком ремонтной бригады «ТВА». Человек это был деловой, динамичный, буквально незаменимый при авариях и к тому же большой приятель Мела.

– Да они вроде сразу попытались найти Патрони, – сказал Дэнни. – Но он был дома, и не так-то просто оказалось добраться до него. Говорят, из-за бурана повреждено много телефонных линий.

– Но теперь-то его известили? Ты уверен?

– В «ТВА» утверждают, что он уже выехал в аэропорт.

Мел мысленно прикинул: он знал, что Патрони живет в Глен-Эллине, милях в двадцати пяти от аэропорта, и даже при идеальных условиях, чтобы добраться оттуда, нужно сорок минут. Сегодня же, когда дороги покрыты снегом и запружены машинами, Джо крупно повезет, если он управится быстрее чем за полтора часа.

– Да, – сказал Мел, – если кто и сумеет сдвинуть этот самолет с места, так только Патрони. Но это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать его. Доведи до сведения всех, что нам нужна ВПП три-ноль – и срочно. – Эта полоса нужна не только для нормальной работы аэропорта, невесело подумал Мел, но и для того, чтобы самолеты не взлетали над Медоувудом. Интересно, кончилось ли уже собрание, которое, по словам начальника КДП, решили устроить медоувудцы?

– Я уже им говорил, – сказал Дэнни. – Могу повторить еще раз. Кстати, есть и хорошие вести: мы все-таки нашли этот пикап компании «Юнайтед».

– Шофер в порядке?

– Был без сознания. Машину занесло снегом, а мотор продолжал работать, и, как мы и полагали, скопился угарный газ. Но шоферу сейчас дают кислород, и он, конечно, очухается.

– Хорошо. Я выезжаю на поле, чтобы лично проверить обстановку. Буду радировать оттуда.

– Одевайся теплее, – сказал Дэнни. – Ночь хуже некуда.

Когда Мел вернулся к столику, Таня уже собиралась уходить.

– Подождите, – сказал он, – пойдем вместе.

Она указала на нетронутый сандвич:

– А как же с ужином? Если это, конечно, ужин.

– Пока – да. – Он откусил большой кусок, поспешно глотнул кофе и схватил со стула свое пальто. – А вообще я сегодня ужинаю в городе.

Пока Мел расплачивался, двое служащих «Транс-Америки» вошли в кафе. Один из них, заметив Таню, тотчас направился к ней.

– Извините, мистер Бейкерсфелд... Миссис Ливингстон, вас ищет управляющий перевозками. У него к вам срочное дело...

Мел сунул в карман полученную от кассирши сдачу.

– Ну-ка, попробуем угадать. Наверное, опять кто-нибудь швырнул в пассажира расписанием.

– Нет, сэр. – Служащий ослабил. – Если кто сегодня и швырнет еще в пассажира расписанием, так это буду я. На борту рейса восемьдесят обнаружен «заяц».

– И только-то? – Таня была явно удивлена: на всех авиалиниях попадались безбилетные пассажиры, и это никогда не было поводом для серьезных беспокойств.

– Видите ли, – сказал инспектор, – на этот раз пассажир, как я слышал, с приветом. Получена радиограмма от пилота, и к выходу выслана охрана. Так или иначе, миссис Ливингстон, вас зовут. – И, дружески кивнув, он пошел к своему коллеге.

Мел и Таня вышли из кафе в центральный зал. У лифта, который должен был доставить Мела в подземный гараж, где находилась его машина, они остановились.

– Осторожнее ездите по полю, – предупредила его Таня. – Не попадите под самолет.

– Если попаду, то вы, конечно, об этом скоро узнаете. – Мел надел пальто. – Сегодняшний ваш безбилетник, видно, особенный. Я постараюсь заглянуть к вам перед тем, как ехать в город: интересно, почему подняли такой шум. – Он помедлил и добавил: – По крайней мере у меня будет повод еще раз увидеть вас сегодня.

Они стояли очень близко. Внезапно их словно ветром качнуло друг к другу; руки их встретились. Таня мягко сказала:

– Разве для этого нужен повод?

В лифте, спускаясь вниз, он все еще чувствовал ласковое тепло ее руки и слышал ее голос.

Глава 4

Джо Патрони, задиристый, крепко сбитый американец итальянского происхождения, главный механик «ТВА», действительно – о чем и было доложено Мелу Бейкерсфелду – выехал в аэропорт со своего ранчо в Глен-Эллине минут двадцать назад. Но, как и предполагал Мел, продвигался он очень медленно.

В какой-то момент «бьюик» Патрони попал в пробку и вообще остановился. Впереди и позади, насколько хватало глаз, стояли машины. Патрони откинулся на сиденье и при свете хвостовых огней передней машины закурил сигару.

Немало легенд ходило об этом человеке – легенд, связанных как с его профессиональными, так и с личными качествами.

Свою рабочую жизнь он начал смазчиком в гараже. Вскоре он выиграл в кости этот гараж у своего хозяина, так что к концу партии они уже поменялись ролями. Правда, молодой парень унаследовал вместе с гаражом несколько серьезных долгов, включая долг за древний, дряхлый биплан, владельцем которого он теперь стал. Обладая незаурядной изобретательностью и хорошими техническими навыками, он починил биплан и начал на нем летать – не взяв ни одного урока, так как это было ему не по карману.

Аэроплан и возня с ним всецело поглотили Патрони – настолько, что он уговорил своего бывшего хозяина еще раз покинуть кости и, дав обыграть себя, вернул ему гараж. Расставшись с гаражом, Джо нанялся на аэродром механиком. Окончил вечернюю школу, стал старшим механиком, а потом мастером с репутацией первоклассного специалиста по ликвидации аварий. Его команда могла сменить в самолете мотор быстрее, чем это указано в спецификации, причем с гарантией надежности. Через некоторое время, лишь только где-нибудь обнаруживалась неисправность или поломка, тут же говорили: «Вызовите Патрони».

Успеху его способствовало и то, что он никогда не терял времени на дипломатию. Прямо шел к цели – касалось ли дело людей или самолетов. Не обращал он внимания и на ранги и всем резал правду-матку в глаза, включая и начальство.

Как-то раз – летчики до сих пор вспоминают об этом – Патрони бросил работу и, ни слова никому не сказав, ни с кем не посоветовавшись, сел на самолет и улетел в Нью-Йорк. Он вез с собой большой пакет. Прилетев в Нью-Йорк, он сначала на автобусе, затем на метро добрался до главной конторы компании «Олимпен» в центре Манхэттена и там – без всяких объяснений и докладов – прошел прямо в кабинет президента. Войдя, он развернул пакет и выложил на блестящий полированный стол президента компании разобранный карбюратор, весь в смазке.

Президента – а он в жизни не слышал о Патрони, и к нему без доклада никто еще не входил – чуть не хватил удар. Но Джо быстро привел его в чувство.

– Если вы хотите терять самолеты в полете, можете вышвырнуть меня отсюда. А если нет, садитесь и слушайте.

Президент сел – Джо тем временем раскурил сигару – и стал слушать. Немного погодя он вызвал вице-президента по инженерной части, а тот – еще немного погодя – приказал произвести соответствующие изменения в карбюраторе, чтобы он не покрывался льдом в полете: Патрони долгие месяцы тщетно добивался этого, разговаривая на более низком уровне.

Позже Патрони получил благодарность, и случай этот пополнил непрерывно разрастающиеся легенды о нем. Вскоре Джо сделали старшим мастером, а несколько лет спустя – главным механиком компании «ТВА» в аэропорту имени Линкольна.

Ходили легенды и о личной жизни Патрони, в частности о том, что он каждую ночь занимается любовью со своей женой Мари – так же регулярно, как другие выпивают перед обедом. И это была правда. Собственно, как раз этим он и был занят, когда позвонили из аэропорта насчет застрявшего самолета компании «Аэро Мехикан» и попросили помочь.

Рассказы о личной жизни Патрони обростали деталями: любовью он, оказывается, занимался так же, как делал все, – не расставаясь с длинной тонкой сигарой, которую неизменно держал в углу рта. Только это была неправда – во всяком случае, теперь. Мари, потушив не одну загоревшуюся подушку в первые годы их брака – а она, как бывшая стюардесса «ТВА», умела гасить пожары, – категорически запретила Джо курить в постели. И Джо послушался, потому что любил жену. Впрочем, к тому были все основания. Когда он на ней женился, она была, пожалуй, самой популярной и самой хорошенькой стюардессой во всей авиации и даже теперь, после двенадцати лет брака и трех родов, все еще могла соперничать со многими своими приемницами. Были люди, которые откровенно удивлялись, как это Мари, за которой отчаянно ухаживали и капитаны, и офицеры высоких рангов, могла предпочесть им всем Джо. Но надо сказать, что Джо, даже когда он только начинал свою карьеру механика, был уже человеком многообещающим и во всех отношениях удовлетворял Мари.

Ко всему этому следует добавить, что Джо никогда не впадал в панику. Он быстро оценивал ситуацию, решал, насколько дело срочное и следует ли ради него немедленно все бросить. Когда ему позвонили насчет застрявшего «Боинга-707», он нутром почувствовал, что безумной срочности тут нет и можно еще побаловаться с женой или поужинать, но только одно из двух. И он решил пожертвовать ужином. Через некоторое время Мари, накинув халатик, помчалась на кухню и быстро приготовила Джо несколько бутербродов в дорогу – ведь до аэропорта двадцать пять миль, так что он успеет поесть. Но Джо тут же надкусил один из них.

Его не впервые вызывали в аэропорт после долгого рабочего дня, но сегодня уж больно мерзкая была погода – такой он просто не помнил. Три дня бушевала метель, всюду набралось много снега, и поездка на машине предстояла тяжелая и опасная. Вдоль улиц высились сугробы, а снег все валил и валил. На шоссе и на дорогах автомобили еле двигались, а то и вовсе стояли. Хотя «бьюик» Патрони был снабжен специальными шинами для езды по грязи и снегу, колеса все равно буксовали. «Дворники» и «антиобледенители» плохо справлялись с валившим снегом, стекла запотевали, а фары освещали лишь совсем небольшое пространство впереди. Застрявшие машины – иные из них были попросту брошены владельцами – превращали езду в гонку с препятствиями. Естественно, лишь острая необходимость могла заставить человека ехать в такую ночь.

Джо взглянул на часы. И его машина, и та, что перед ним, стояли уже несколько минут. Стояли не только они – и дальше впереди, и справа непрерывной цепью выстроились автомобили. Он отметил про себя, что давно уже не видел и встречных машин – должно быть, где-то на дороге произошла авария и застопорила движение всех четырех потоков. Ладно, решил он, если в ближайшие пять минут ничего не изменится, придется выйти и посмотреть, в чем дело, хотя так мелко и валил такой густой снег, что ему крайне не хотелось высовывать нос наружу. Он еще успеет намерзнуться за ночь в аэропорту. А пока он настроил радио на волну рок-н-роллов и, включив его на полную мощность, затанулся сигарой.

Пять минут прошли. Патрони, увидев, что люди выходят из машин и идут куда-то, решил присоединиться к ним. Он прихватил с собой парку на овчине и, застегнув ее на все пуговицы, натянул капюшон. Затем поискал сверхмощный электрический фонарь, который всегда был при нем, и открыл дверцу машины – ветер со снегом тотчас ворвался в кабину. Джо поспешно шагнул наружу и захлопнул за собой дверцу.

С трудом вытаскивая ноги из снега, он двинулся в голову колонны – рядом хлопали дверцы машин, перекликались люди: «Что там стряслось?» Кто-то крикнул: «Произошла авария. Ужас что творится!» Постепенно Джо начал различать впереди мигающие огни, движущиеся тени, которые порой сливались, образуя толпу. Кто-то произнес: «Говорю вам, они не скоро тут расчистят. Мы теперь застряли не на один час». Внезапно из тьмы проступило нечто большое, темное, озаряемое красными огнями «мигалок». Мощный грузовик с восемнадцатиколесным прицепом лежал поперек дороги на боку, преграждая движение. Часть груза – судя

по всему, ящики с консервами – рассыпалась, и какие-то ловкачи, невзирая на снег, кинулись подбирать банки – несколько ящиков уже растащили по машинам.

У места аварии стояло два полицейских патрульных автомобиля. Полицейские допрашивали шофера грузовика, который явно был цел и невредим.

– Я только всего и сделал, что притормозил, – громко оправдывался шофер. – А эта штука вдруг заскользила и плюх на землю – точно баба, которой приспичило.

Один из полисменов записывал показания в блокнот, и какая-то женщина шепнула стоявшему рядом мужчине:

– Как ты думаешь, он и это записал?

А другая женщина крикнула:

– Ну чего зря писать-то! – Ее пронзительный голос перекрыл завывания ветра. – Лучше бы убрали эту штуку с дороги!

Один из полисменов подошел к ней. Он уже был весь в снегу.

– Если бы вы помогли, мадам, приподнять эту штуку, мы были бы премного вам благодарны.

Кто-то захихикал, а женщина буркнула:

– Только и знаете языком молоть, толстозадые.

С другой стороны к месту происшествия медленно подъехал тягач – на крыше его кабины крутилась янтарная «мигалка». Шофер воспользовался тем рядом, что отведен для движения в противоположном направлении, поскольку там сейчас не было машин. Тягач остановился, шофер выскочил из кабины и при виде размеров грузовика с прицепом и положения, в котором он лежал, с сомнением покачал головой.

Патрони протиснулся вперед. Попыхивая сигарой, ярко рдевшей на ветру, он подошел к полицейскому и резко хлопнул его по плечу:

– Послушай, сынок, одним тягачом ты это чучело с места не сдвинешь. Ведь это все равно что пытаться поднять кирпич, привязав его синице к хвосту.

Полицейский обернулся:

– Может, оно и так, мистер, да только вокруг полно разлившегося бензина. Так что лучше бы вам потушить сигару.

Патрони и глазом не моргнул – он вообще не обращал внимания на правила и курил, где и когда хотел. Он ткнул сигарой в направлении перевернутого грузовика с прицепом.

– Больше того, сынок, ты будешь лишь терять время – и мое, и свое собственное, да и всех тех, кто тут застрял, – если станешь поднимать эту махину. Тебе надо сдвинуть ее на обочину, чтоб возобновилось движение, а для этого нужны три грузовика: один с этой стороны, чтобы толкал, а два – с той, чтобы тащили. – И он пошел в обход поваленного автокара и прицепа, чтобы с помощью своего электрического фонаря осмотреть их со всех сторон. Как всегда, решая ту или иную проблему, он был всецело поглощен делом. Он снова ткнул в воздух сигарой. – Надо поставить рядом два тягача и подсоединить их тросами к трем точкам. Сначала надо сдвинуть кабину – это можно быстро сделать. Мы спрямим ее с прицепом. И тогда третий грузовик...

– Стойте-ка, – перебил его полицейский и крикнул своему коллеге: – Хэнк, тут один мальчонка явно говорит дело.

Через десять минут Джо уже работал вместе с полицейскими и, по сути, руководил всей операцией. Следуя его совету, по радио вызвали еще два тягача. А пока шофер первого тягача под руководством Патрони подсоединял цепи к осям перевернувшегося автомобиля. Все уже приняло совсем другой вид, стало ясно, что «сдожим» – словечко это всегда было в ходу, когда за дело брался энергичный главный механик «ТВА».

За это время Патрони не раз вспоминал о том, что вынудило его выехать из дома ночью: ведь его уже давно ждали в аэропорту. Он понимал, что быстрее попадет туда, если поможет ликвидировать пробку на шоссе. Ведь ни его машина, ни остальные не сдвинутся с места, пока

злополучный грузовик с прицепом не будет убран с середины шоссе. Повернуть назад и попытаться проехать в аэропорт по другой дороге было тоже невозможно, потому что и сзади стояли автомобили: полицейский сказал Патрони, что вереница их тянется на многие мили. Он вернулся к себе в машину и по радиотелефону, который ему установило и ежемесячно оплачивало руководство аэропорта, позвонил в технический отдел. Он известил, что задерживается в пути, а в ответ ему сообщили о приказании Мела Бейкерсфелда срочно очистить и ввести в строй полосу три-ноль.

Патрони дал по телефону несколько советов, но он и сам понимал, что главное – как можно быстрее прибыть на место происшествия самому.

Он снова вылез из «бьюика» – снег все продолжал валить. Обойдя заносы, уже образовавшиеся вдоль цепочки машин, он вышел на дорогу и чуть ли не бегом припустился по ней; вскоре он с облегчением увидел, что первый из двух дополнительных тягачей уже прибыл.

Глава 5

Расставшись с Таней, Мел Бейкерсфелд спустился на лифте в подземный гараж. Его радиофицированная служебная машина горчично-желтого цвета стояла неподалеку, в специально отведенном для нее боксе.

Мел выехал на поле недалеко от того места, где находились галереи-гармошки для посадки в самолет. Ветер и снег со страшной силой тотчас обрушились на ветровое стекло его машины. «Дворники» отчаянно металась туда и сюда, но снег сразу же застилал стекло. В неплотно прикрытое окно вдруг ворвался порыв ледяного ветра и швырнул горсть снега в кабину. Мел поспешно поднял стекло. Уж очень резким оказался переход от уютного тепла аэровокзала к этой дикой злой мгле.

Впереди, там, где кончались галереи-гармошки, замаячили самолеты. Здания аэровокзала перекрывали ветер, здесь не так крутила пурга, и Мел увидел сквозь освещенные окна самолетов, что внутри уже сидят пассажиры. Несколько машин было явно готово к взлету – пилоты только ждали указания из диспетчерской, чтобы запустить двигатели, но их задерживали, поскольку была заблокирована полоса три-ноль. На поле и на взлетно-посадочных полосах виднелись смутные очертания и навигационные огни других самолетов, только что прибывших и еще не успевших заглушить двигатели. Их держали в так называемой предварилковке – в ожидании, пока освободятся места у галерей-гармошек. То же происходило, наверное, и у семи других отсеков аэровокзала.

Приемник в машине Мела, работавший двухсторонней связью и настроенный сейчас на прием с земли, внезапно ожил.

– Диспетчеру – «Истерну» семнадцатому, – раздался голос одного из воздушных диспетчеров, – даю взлет с полосы два-пять. Настройтесь на частоту взлета.

Послышался треск.

– Говорит «Истерн» семнадцатый. Вас понял.

И тотчас чей-то раздраженный голос:

– Земля, я «Пан-Америкэн» пятьдесят четвертый, иду по рулежной дорожке к полосе два-пять. Впереди двухмоторная каракатица – частная «сессна». Жму на тормоза, чтоб не врезаться.

– «Пан-Америкэн» пятьдесят четвертый, стоп! – Короткая пауза, и снова голос диспетчера: – «Сессна» семьдесят три, говорит диспетчер. Сверните на первом пересечении направо. Пропустите самолет компании «Пан-Америкэн».

И вдруг приятный женский голос:

– Земля, я «сессна» семьдесят три. Я сворачиваю. Можешь лететь, «Пан-Америкэн». У-у, медведь!

Смешок. И голос:

– Спасибо, лапочка. Подмажь губки, пока взлечу.

И грозный голос диспетчера:

– Диспетчер – всем самолетам! Предлагаю использовать радио только в служебных целях.

Диспетчер был раздражен: Мел это почувствовал, несмотря на обычный, профессионально спокойный тон. Да и кого бы не вывела из себя сегодняшняя погода и эта неразбериха в воздухе и на земле! Мел с тревогой вспомнил о своем брате Кейзе, который сидел сейчас в радарной КДП и принимал самолеты с Запада, самого перегруженного направления.

Из диспетчерской шли непрерывные указания самолетам, и радио работало без передышки. Подождав, пока закончится очередной диалог, Мел включил свой микрофон:

– Наземный диспетчер, говорит машина номер один. Нахожусь у выходных ворот шестьдесят пять, следую в направлении полосы три-ноль, к застрявшему самолету «Аэро Мехикан».

Диспетчер дал указания двум только что севшим самолетам, и Мел услышал:

– Диспетчер – машине номер один. Вас понял. Следуйте за ДС-9 «Эйр Канада», который вырубивает за ворота впереди вас. Остановитесь, не доезжая полосы два-один.

Мел подтвердил прием. Он увидел, как самолет компании «Эйр Канада» вырубил за ворота – его высокий изящный хвост, поставленный под прямым углом к фюзеляжу, плыл в воздухе.

Здесь, недалеко от выходных ворот, Мел ехал осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не столкнуться с «вошками», как в аэропорту называли машины, обслуживающие самолет на земле. Наряду с обычными машинами было тут сегодня и несколько «собирателей вишен» – грузовиков с подъемными платформами, насаженными на стальной передвигающийся стержень. Стоя на этих платформах, рабочие сметали снег с крыльев самолетов и разбрызгивали гликоль, чтобы воспрепятствовать образованию льда. И люди, и машины были все в снегу.

Мел резко затормозил, чтобы не столкнуться с «душистым фургоном», который мчался ему наперерез, спеша избавиться от своего малоприятного груза – четырехсот галлонов, выкачанных из воздушных туалетов. Содержимое фургона вывалит в измельчитель, находящийся в специальном здании, которое старательно обходят остальные служащие аэропорта, а оттуда перекачают в городскую канализацию. Обычно эта процедура занимает мало времени, за исключением тех случаев, когда пассажиры заявляют о потерях – челюстей, сумочек, кошельков, даже туфель, случайно упавших во время полета в туалет. А это случается иногда раз, иногда два раза в день. Тогда все содержимое туалетов приходится пропускать через сито, а уборщикам остается лишь надеяться, что утерянные вещи быстро найдутся.

Но Мел понимал, что, даже если не будет такого рода потерь, санитарным командам все равно предстоит основательно поработать этой ночью. Управляющий по опыту знал, что с ухудшением погоды возрастает потребность в туалетах и на земле, и в воздухе. Интересно, подумал Мел, многие ли имеют представление о том, что санинспекторы в аэропорту каждый час получают сообщения о погоде и соответственно распределяют уборщиков и запасы туалетной бумаги.

Самолет компании «Эйр Канада», за которым следовал Мел, вырубил за пределы аэровокзала и стал набирать скорость. Мел нажал на акселератор, стараясь не отстать. Он как-то увереннее себя чувствовал, когда видел впереди хвостовые огни ДС-9: «дворники» на его ветровом стекле не справлялись со снегом, и он, по сути дела, ехал вслепую. В смотровом зеркальце он заметил надвигающийся на него сзади силуэт другого реактивного самолета. По радио зазвучал предупреждающий голос наземного диспетчера:

– «Эйр Франс» четыре-ноль-четыре, между вами и «Эйр Канадой» – служебная машина.

Только через четверть часа Мел добрался до пересечения рулежной дорожки со взлетно-посадочной полосой, где застрял самолет «Аэро Мехикан». К тому времени цепочка самолетов, выруливавших для взлета с двух других действующих полос, осталась уже позади.

Мел остановил машину и вышел. Здесь, в безлюдье и тьме, ветер буйствовал, казалось, еще безудержнее. Он свистел и завывал над пустынной взлетной полосой. «Появись здесь сегодня волки, – подумал Мел, – я бы ничуть не удивился».

Какая-то призрачная фигура окликнула его из снежной мглы:

– Это вы, мистер Патрони?

– Нет, это не Патрони. – Мел обнаружил, что и ему приходится кричать, чтобы перекрыть вой ветра. – Но Джо Патрони в пути.

Человек подошел ближе. Он был закутан в доху, и тем не менее лицо у него посинело от холода.

– Мы, конечно, будем рады увидеть Патрони, но черт меня побери, если я понимаю, что он тут может сделать. Мы почти все перепробовали, чтобы вытащить эту махину. – И он показал на самолет, черневший позади. – Застрял напрочь.

Мел назвал себя и поинтересовался, с кем он разговаривает.

– Моя фамилия Ингрэм, сэр. Я старший техник «Аэро Мехикан». И, признаться, очень бы хотел сейчас, чтоб у меня была другая работа.

Переговариваясь на ходу, они приблизились к застрявшему «Боингу-707», инстинктивно ища укрытия под его крыльями и фюзеляжем. Красный свет ритмично мигал под брюхом большого лайнера. При этом неверном свете Мел увидел под снегом раскисшую землю, в которой завязли колеса самолета. На взлетно-посадочной полосе и прилегающей к ней рулежной дорожке, словно родственники, столпившиеся у постели умирающего, стояли грузовики и подсобные машины – топливозаправщик, тележки для багажа, почтовый фургон, два автобуса для команды и ревуший передвижной генератор.

Мел поднял воротник пальто.

– Нам совершенно необходима эта взлетная полоса – срочно, сегодня. Что вы для этого сделали?

За эти два часа, доложил Ингрэм, с аэровокзала подогнали к самолету старые трапы и спустили по ним пассажиров. Процесс этот оказался медленным и небезопасным, так как ступеньки едва успевали очищать ото льда – настолько быстро они снова обледеневали. Одну пожилую женщину пришлось даже нести на руках. Детей передавали по цепочке в одеялах. Теперь все пассажиры уехали в автобусах вместе со стюардессами и вторым пилотом. Командир экипажа и первый пилот остались на местах.

– А вы пытались сдвинуть самолет после того, как сошли пассажиры?

Старший техник кивнул:

– Мы дважды запускали двигатели. Командир корабля включал их на всю мощь, какую считал возможной. Но вытащить самолет не удалось. Похоже, что он еще глубже увяз.

– А сейчас что делаете?

– Снимаем груз – вдруг поможет. Большая часть горючего, – добавил Ингрэм, – уже откачана топливозаправщиками, а это немало, поскольку баки были заполнены для полета. Освободили также багажные и грузовые отсеки. Почтовый фургон забрал мешки с почтой.

Мел кивнул. Почта-то улетит – в этом он не сомневался. Почтовое отделение в аэропорту постоянно следило за соблюдением воздушного графика. Там было точно известно, на каком самолете находятся мешки с почтой, и в случае задержки почтовые служащие мгновенно перебрасывали их с одного рейса на другой. Словом, почте с застрявшего самолета повезет куда больше, чем пассажирам. Максимум через полчаса она уже отправится по назначению – в случае необходимости круглым путем.

– Вам не нужна дополнительная помощь? – спросил Мел.

– Нет, сэр, пока нам никто не нужен. У меня тут почти вся наша бригада «Аэро Мехикан» – двенадцать человек. Половина из них греется сейчас в автобусе. Но Патрони, конечно, может понадобиться больше народу. Все будет зависеть от того, что он задумает. – Ингрэм повернулся и мрачно посмотрел на неподвижный лайнер. – Если хотите знать мое мнение, дело это долгое, и нам потребуются подъемные краны, домкраты, а может, и пневматические мешки, чтоб приподнять крылья. Однако большую часть оборудования мы сможем пустить в дело, только когда рассветет. Так что на эту операцию может уйти почти весь завтрашний день.

– Исключено: я не могу вам дать не только завтрашний день, но даже сегодняшнюю ночь, – резко оборвал его Мел. – Полоса должна быть очищена... – Он вдруг умолк, вздрогнув от предчувствия, неожиданно нахлынувшего с такой силой, что ему стало страшно.

По телу его снова прошла дрожь. Что с ним? Да ничего особенного, уверил он себя: это от непогоды, от резкого, холодного ветра на поле. Но странное дело: он ведь не сейчас вышел из машины и, казалось бы, уже должен был привыкнуть к холоду.

С другого конца поля, перекрывая вой ветра, долетел рев двигателей реактивного самолета. Шум нарастал и потом сразу стал тише – самолет взлетел. Это повторилось еще. И еще раз. Значит, там все в порядке.

А здесь? И снова на какую-то долю секунды им овладело предчувствие беды. Даже не предчувствие, а что-то неуловимое, как дыхание надвигающейся серьезной опасности. Нельзя, конечно, придавать таким вещам значения: интуиции, предчувствиям не место в жизни прагматика. Правда, однажды, много лет назад, у него было точно такое же чувство, будто надвигается нечто неотвратимое, что приведет к гибельному концу. Мел вспомнил и то, каким оказался этот конец, который он не в состоянии был предотвратить...

Он снова посмотрел на «боинг». Машину засыпало снегом, и очертания ее стали расплывчатыми. Собственно говоря, ведь помимо того, что оказалась заблокированной взлетно-посадочная полоса и приходится взлетать над Медоувудом, ничего страшного не произошло. Ну увяз в снегу самолет, но никто при этом не пострадал, никакого материального ущерба не нанесено – словом, ничего особенного.

– Пошли ко мне в машину, – предложил он старшему технику. – Выясним по радио, что происходит.

По дороге он вспомнил, что Синди уже наверняка с нетерпением ждет его в городе.

Мел не выключал обогревателя, и в машине сейчас было тепло и уютно. Ингрэм удовлетворенно крикнул. Он слегка распахнул доху и, нагнувшись, подставил руки под струю теплого воздуха.

– Машина номер один – пульту снежной команды. Дэнни, я на ВПП три-ноль, у застрявшего самолета. Позвони в ремонтную «ТВА» и узнай насчет Патрони. Где он? Когда должен прибыть? Все.

В ответ заскрипел голос Дэнни Фэрроу:

– Пульт снежной команды – машине номер один. Вас понял. Кстати, Мел, звонила твоя жена.

Мел нажал на кнопку микрофона.

– Она оставила номер, по которому ей звонить?

– Точно.

– Машина номер один – пульту снежной команды. Позвони ей, пожалуйста, Дэнни. Скажи, что, к сожалению, я немного задержусь. Но сначала выясни насчет Патрони.

– Ясно. Жди.

И радио умолкло.

Мел сунул руку в карман пальто, вытащил пачку «Мальборо» и предложил Ингрэму сигарету.

– Спасибо.

Они закурили, глядя на то, как «дворники» ходят туда и сюда по ветровому стеклу.

– Там, наверху, – Ингрэм движением головы указал на освещенную кабину самолета, – эта сволочь капитан, наверное, льет крокодиловы слезы в свое сомбреро. Теперь уж он будет следить за синими огнями – глаз от них не оторвет, как от свечей на алтаре.

– Кстати, ваши наземные команды – из мексиканцев или американцев? – спросил Мел.

– Мы все американцы. Только болваны вроде нас и могут работать в такую чертову погоду. Вы знаете, куда должен был лететь этот самолет?

Мел отрицательно покачал головой.

– В Акапулько. И до того, как это случилось, я готов был бы полгода поститься, лишь бы полететь на нем. – Старший техник ухмыльнулся: – А вы представляете себе, каково это было: сел в самолет, уютно устроился – и на тебе! – вылезай. Слышали бы вы, как чертыхались пассажиры, особенно женщины. Я узнал от них сегодня немало словечек.

Снова ожило радио.

– Пульт управления снежной командой – машине номер один, – раздался голос Дэнни Фэрроу. – Я выяснял у «ТВА» насчет Патрони. Они связывались с ним; но дело в том, что он застрял по дороге. На шоссе пробка, и он будет не раньше чем через час. Он передал указания. Все понял?

– Понял, – сказал Мел. – Валяй указания.

– Патрони опасается, как бы самолет не увяз еще глубже. Говорит, это легко может случиться. Поэтому считает: если команда не уверена в успехе, пусть лучше ничего не предпринимают, пока он не приедет.

Мел искоса взглянул на Ингрэма:

– А как относятся к этому в «Аэро Мехикан»?

Старший техник кивнул, давая понять, что там относятся положительно.

– Патрони может делать любые попытки. Будем его ждать.

Дэнни Фэрроу спросил:

– Понял? Все ясно?

Мел нажал на кнопку микрофона:

– Ясно.

– О'кей. Слушай дальше. «ТВА» срочно вызывает дополнительный персонал для помощи. И еще, Мел: снова звонила твоя жена. Я передал ей то, что ты сказал.

Мел почувствовал: Дэнни недоговаривает, зная, что его могут услышать и другие, чье радио включено на частоту аэропортовых служб.

– Ей это не понравилось? – спросил Мел.

– По-моему, нет. – Секундная пауза. – Я советую, как только сможешь, доберись до телефона.

Должно быть, Синди говорила с Дэнни ядовитее обычного, подумал Мел, но тот, как верный друг, не стал сейчас об этом распространяться.

Что же до самолета, то тут надо ждать Патрони. Его совет – ничего не предпринимать, чтобы самолет глубже не увяз, – звучит разумно.

Тем временем Ингрэм уже застегивал пальто и натягивал толстые рукавицы.

– Спасибо за обогрев, – сказал он и вышел на ветер и снег, поспешно захлопнув за собой дверцу машины.

Мел видел, как он бредет по сугробам, направляясь к машинам, сгрудившимся на рулежной дорожке.

По радио слышно было, как диспетчер пульта управления снежной командой переговаривается с центром по борьбе с заносами. Мел дождался, пока переговоры закончатся, затем включил микрофон.

– Дэнни, говорит машина номер один. Еду к «Анаконде».

И он двинулся вперед, осторожно ведя машину сквозь крутящийся снег, в темноте, прорезаемой лишь редкими огнями на взлетно-посадочной полосе.

Снегоуборочная команда «Анаконда», передовой отряд и главное звено в аэропортовой системе борьбы с заносами, находилась в этот момент на взлетно-посадочной полосе одиннадцать, левой. Сейчас он сам убедится, мрачно подумал Мел, есть ли хоть доля правды в неблагоприятной для него докладной, состряпанной капитаном Димирестом от имени комиссии по борьбе с заносами, или же это лишь его злопыхательские измышления.

Глава 6

Предмет размышлений Мела – капитан Вернон Димирест – находился в этот момент в трех милях от аэропорта. Он ехал на своем «Мерседесе-230», и путешествие это по сравнению с тем, которое он проделал ранее – из дома в аэропорт, – было много легче: теперь он выбирал улицы, по которым недавно прошелся снегоочиститель. Снег, подхлестываемый ветром, по-прежнему валил вовсю, но здесь он не успел еще лечь толстым слоем, и потому езда была нетрудной.

Димирест направлялся к скоплению четырехэтажных зданий неподалеку от аэропорта, известных среди летчиков под названием «Квартал стюардесс». Именно здесь жили многие стюардессы, работавшие на разных авиалиниях в аэропорту Линкольна. Обычно две-три девушки снимали одну квартиру, и те, кто заглядывал к ним, называли эти квартиры «стюардессиными гнездышками».

Здесь в часы, свободные от работы, частенько устраивались веселые пирушки и завязывались романы, регулярно возникавшие между стюардессами и мужской половиной экипажей.

Впрочем, нравы в «стюардессиных гнездышках» не отличались особой распущенностью – здесь происходило то же, что и везде, где живут одинокие молодые женщины. Разница состояла лишь в том, что развлекались тут и вели себя «аморально» люди, связанные с авиацией.

Оснований для этого было предостаточно. И стюардессы, и члены экипажа – мужчины, с которыми их сталкивала жизнь, – капитаны, первые и вторые пилоты – были все без исключения людьми отменными. Все они занимали определенное место в авиации, выдержав безжалостную конкуренцию и пройдя жесткий отбор, отсекающий менее способных. В результате такого отбора остаются лишь самые незаурядные. И образуется своеобразное сообщество смелых, неглупых людей, любящих жизнь и способных оценить друг друга.

Вернон Димирест за время работы в авиации оценил немало стюардесс – да и его оценили по достоинству многие. Он то и дело заводил романы с хорошенькими и неглупыми молодыми женщинами, взаимности которых мог бы добиваться монарх или модный киноактер – и тщетно, потому что стюардессы, с которыми были знакомы, и притом весьма интимно, Димирест и его коллеги-пилоты, не были ни проститутками, ни распутными женщинами. Просто это были веселые, компанейские и весьма искушенные в плотских радостях существа, которые умели оценить настоящего мужчину и не отказывались приятно провести время без особых забот и хлопот.

Одной из тех, кто, так сказать, оценил по достоинству капитана Вернона Димиреста, и притом, по-видимому, не на один день, была пикантная, привлекательная брюнетка по имени Гвен Мейген. Она была дочерью английского фермера и десять лет назад, покинув родину, переехала в Штаты. Прежде чем поступить на службу в «Транс-Америку», Гвен некоторое время работала манекенщицей в одном из домов моделей в Чикаго. Возможно, поэтому она умела с таким изяществом и достоинством держаться на людях, ничем не выдавая темперамента, которым отличалась в постели.

К этой-то молодой женщине и направлялся сейчас Вернон Димирест.

Через несколько часов оба они полетят в Рим – капитан Димирест в пилотской кабине в качестве командира экипажа, а Гвен Мейген – в пассажирском салоне в качестве старшей стюардессы. В Риме экипаж получит трехдневный отдых – «на пересып», в то время как другой экипаж, который сейчас отдыхает в Италии, поведет самолет обратно в аэропорт Линкольна.

Слово «пересып» давно вошло в официальный жаргон, которым пользовались служащие авиакомпаний. Тот, кто его изобрел, по-видимому, обладал чувством юмора, и слово это вошло в обиход: летчики на отдыхе и буквально, и фигурально следовали его значению. Вот и Димирест с Гвен Мейген намеревались интерпретировать его по-своему. Они решили по прибытии в Рим тотчас уехать в Неаполь и устроить там сорокавосемичасовой «пересып». Это была мечта, идиллия, и Вернон Димирест улыбнулся сейчас, подумав об этом. Он уже подъезжал к «Кварталу стюардесс» и, вспомнив, как удачно для него сегодня все складывается, улыбнулся еще шире.

Попрощавшись со своей женой Сарой, которая, как всегда, пожелала ему удачного полета, он рано приехал в аэропорт. Живи Сара в другом веке, она бы наверняка занималась вышиванием или вязанием в отсутствие своего повелителя. Но Сара жила в наше время, и потому, как только он уедет, она с головой погрузится во всякую светскую чепуху – будет ходить в свой клуб, играть в бридж и писать маслом, то есть займется тем, что составляет основу ее жизни.

Сара Димирест была на редкость бесстрастная и унылая женщина; муж сначала примирился с этими ее качествами, а потом – в силу своеобразной извращенности – даже начал их ценить. Когда во время полетов или романов с более интересными женщинами ему случалось вспомнить о доме, он мысленно – впрочем, не только мысленно, но и в беседах с друзьями – называл свое возвращение к родному очагу: «в ангар на стоянку». Были у его брака и другие преимущества. Пока он существовал, женщины, с которыми Димирест заводил романы, вольны были влюбляться в него по уши и выдвигать любые требования, но ни одна не могла надеяться, что он пойдет с ней под венец. Таким образом, брак прочно защищал его от скоропалительных решений, которые он в угаре страсти мог принять. Ну а Сара... Время от времени он снисходил до интимных отношений с ней, подобно тому как хозяин иной раз бросает старой собаке сахарную кость. Сара покорно отвечала на его посягательства и вела себя как положено, хотя он и подозревал, что и вздохи, и прерывистое дыхание были скорее результатом привычки, чем страсти, и что, прекрати он супружеские отношения совсем, ее бы это мало тронуло. Не сомневался он и в том, что Сара догадывалась о его похождениях на стороне: она инстинктивно чувствовала, что он ей изменяет, хоть и не располагала фактами. Однако она предпочитала ничего об этом не знать, что вполне устраивало Вернона Димиреста.

Радовало его сегодня и еще одно – докладная комиссии по борьбе с заносами; воспользовавшись ею, он крепко дал под дых этому надутому индюку, своему шурину Мелу Бейкерсфелду.

Идея такой докладной принадлежала самому Димиресту. Два других представителя авиакомпаний в комиссии сначала держались иной точки зрения: руководство аэропорта, говорили они, делает все возможное в создавшихся чрезвычайных обстоятельствах. Капитан Димирест утверждал обратное. Наконец ему удалось склонить их на свою сторону, и было решено поручить Димиресту самому написать докладную, что он и сделал, не пожалев яда. Он даже не дал себе труда проверить факты, безоговорочно утверждая, что дело поставлено плохо – и все: ну чего еще проверять, когда вокруг столько снега? Зато уж он не поленился разослать докладную, чтобы причинить максимум неприятностей Мелу Бейкерсфелду и как следует досадить ему. Как только докладная будет размножена, ее направят вице-президентам всех авиакомпаний, а также в конторы авиакомпаний в Нью-Йорке и в других городах. Зная, как приятно найти козла отпущения и свалить на кого-то вину за неполадки, капитан Димирест был уверен, что телефоны и телетайпы сразу заработают, как только она поступит.

Словом, он отомстил своему родственничку, не без удовольствия подумал Вернон Димирест, – не бог весть как страшно, но все же отомстил. Теперь его хромоногий шуринок дважды подумает, прежде чем выступить против капитана Димиреста и Ассоциации пилотов гражданской авиации, как он это сделал публично две недели назад.

Капитан Димирест развернул свой «мерседес», аккуратно затормозил на стоянке у домов и вышел из машины. Оказывается, он прибыл даже немного раньше – на четверть часа раньше, чем обещал Гвен заехать за ней. Тем не менее он решил к ней подняться.

Отпирая наружную дверь ключом, который дала ему Гвен, он вдруг заметил, что тихонько напевает про себя «O sole mio»¹, и улыбнулся. А почему бы, собственно, и нет? Вполне подходящая песенка. Неаполь... теплая южная ночь, а не снежная, вид на залив при свете звезд, тихие звуки мандолины, кьянти за ужином, и рядом – Гвен. И от всего этого его отделяют какие-то двадцать четыре часа.

И, поднимаясь в лифте, он продолжал напевать. Тут ему вспомнилось еще одно приятное обстоятельство: его ожидал очень легкий полет.

Хотя капитан Димирест и был командиром экипажа, которому предстояло вылететь в рейс номер два «Золотой Аргос», делать ему сегодня почти ничего не придется. На этот раз он полетит в качестве пилота-контролера. Самолет же поведет другой пилот – Энсон Хэррис, по рангу почти равный Димиресту. Это он будет сегодня сидеть в командирском кресле слева. А Димирест будет сидеть справа – там, где обычно сидит первый пилот, – и наблюдать за действиями Хэрриса, чтобы потом доложить, как он справился с полетом.

Хэррису был назначен контрольный полет в связи с тем, что «Транс-Америка» решила перевести его с внутренних линий на международные. Однако прежде он должен был совершить два полета за океан с пилотом, имеющим ранг инструктора. А Вернон Димирест как раз имел этот ранг.

После того как Хэррис совершит два полета – а сегодняшний был вторым по счету, – его проэкзаменирует старший пилот, и лишь потом ему доверят международный рейс.

В подобного рода полетах – равно как и во время контрольных полетов, которые регулярно, каждые полгода, обязаны совершать все пилоты всех авиакомпаний, – проводилась тщательная проверка навыков поведения в воздухе и умения летать. Испытания проходили на обычных рейсовых самолетах, и пассажиры могли догадаться об этом, лишь увидев двух капитанов с четырьмя нашивками на рукаве, сидящих в пилотской кабине.

Хотя пилоты по очереди проверяли друг друга, они обычно серьезно и требовательно подходили к делу. Так они сами хотели. Слишком многое ставилось на карту – и человеческие жизни, и собственная квалификация, – чтобы из дружеских чувств не хвалить друг друга и не прощать друг другу промахов. Пилот, проходивший проверку, знал, что его действия должны во всем отвечать стандарту. И если он в чем-то этому стандарту не соответствовал, на него поступал неблагоприятный отзыв, что могло повлечь за собой более строгую проверку со стороны старшего пилота авиакомпании, от которого уже зависело, оставить или уволить испытуемого.

Не давая испытуемым никаких поблажек, коллеги, однако, относились к ним с подчеркнутым уважением. Все – кроме Вернона Димиреста.

Димирест же относился ко всем пилотам, проходившим у него испытание, как учитель к провинившимся школьникам, которых надо распечь. Более того, в роли такого школьного учителя Димирест держался неизменно официально, был высокомерен, резок и жесток. Он не скрывал своей убежденности в том, что никто не может сравниться с ним в искусстве пилотирования. Коллеги, которым приходилось все это выносить, внутренне кипели от негодования, но выхода не было, и они подчинялись. Зато потом они клялись друг другу, что, когда наступит

---

¹ «O sole mio» (ит.). – Здесь и далее примеч. пер.

черед Димиреста проходить проверку, они будут так придирааться к нему, так его третировать, что он не обрадуется. И они старались выполнить свою угрозу – вот только результат всегда был один и тот же: Вернон Димирест безукоризненно вел самолет и придраться ни к чему не удавалось.

Вот и сегодня, перед контрольным полетом, Димирест, следуя обычной линии поведения, позвонил Энсону Хэррису домой.

– Вечером будет трудно ехать, – без всякого вступления сказал Димирест. – Я люблю, чтобы мой экипаж был вовремя на месте, и прошу вас выехать заблаговременно в аэропорт.

Энсон Хэррис, который за двадцать два года безупречной службы ни разу не опоздал на работу, едва не задохнулся от возмущения. К счастью, прежде чем он сумел выдавить из себя хоть слово, капитан Димирест повесил трубку.

Все еще внутренне негодуя, но не желая дать повод Димиресту в чем-либо его упрекнуть, капитан Хэррис прибыл в аэропорт не за час до вылета, как предписывалось, а почти за три часа. Капитан Димирест увидел его в «Кафе заоблачных пилотов», куда он зашел после схватки с комиссией по борьбе с заносами. Димирест был в твидовом пиджаке и брюках – форменный костюм, как всегда, висел у него в шкафчике, и он намеревался переодеться позже. А капитан Хэррис, уже немолодой мужчина с проседью, пилот-ветеран, которого молодежь именovala не иначе как «сэр», был в форме «Транс-Америки».

– Привет, Энсон! – Вернон Димирест опустился рядом с ним на табурет у стойки. – Я вижу, вы послушались моего доброго совета.

Капитан Хэррис крепче сжал чашку с кофе, но в ответ сказал только:

– Добрый вечер, Вернон.

– Подготовка к полету начнется на двадцать минут раньше обычного, – предупредил его Димирест. – Я хочу проверить, в порядке ли у вас бортовой журнал и на месте ли все инструкции.

Какое счастье, подумал Хэррис, что жена только вчера проверила инструкции и внесла туда последние изменения. Но еще надо будет просмотреть в экспедиции почту, не то этот мерзавец может потом поставить ему в вину, что он не исправил какой-то пункт, текст которого был утвержден только сегодня. Чтобы чем-то занять руки и успокоиться, капитан Хэррис набил трубку и закурил.

Он почувствовал на себе критический взгляд Димиреста.

– У вас неформенная рубашка.

На секунду Хэррис не поверил, что его коллега говорит это всерьез. Но когда понял, что тот и не думает шутить, лицо его стало цвета спелой сливы.

Форменные рубашки вызвали крайнее раздражение у пилотов не только «Транс-Америки», но и других авиакомпаний. Рубашки эти приобретались у поставщиков авиакомпании и стоили девять долларов; они были плохо сшиты, притом из материала весьма сомнительного качества. В обычном же магазине можно было купить рубашку куда лучше и дешевле, причем по виду она почти не отличалась от форменной. Многие пилоты ходили поэтому в неформенных рубашках. В том числе и *Вернон Димирест*. Энсон Хэррис не раз слышал, как презрительно отзывался Димирест о рубашках, поставляемых компанией, и противопоставлял им те, которые носил сам.

Димирест велел официантке подать кофе и примирительно сказал Хэррису:

– Ничего страшного. Я не напишу в рапорте, что видел вас в неформенной рубашке. Только переоденьтесь до того, как явитесь на мой корабль.

«Сдержись! – сказал себе Энсон Хэррис. – Великий Боже, дай мне силы! Только бы не сорваться – ведь именно этого добивается сукин сын. Но почему? Почему?»

Ладно. Ладно, решил он про себя: он проглотит обиду, сменит рубашку и наденет форменную. Он не даст Димиресту повода упрекнуть его хоть в чем-то – пусть даже в самой мало-

сти. Правда, не так-то просто будет добыть сегодня форменную рубашку. Наверное, придется одолжить ее – поменяться с кем-нибудь из капитанов или первых пилотов. Когда он скажет, зачем ему это нужно, никто не поверит. Он сам еле поверил своим ушам.

Ну ничего, у Димиреста тоже будет контрольный полет... *и пусть он поостережется... и в очередной раз, и во все последующие.* У Энсона Хэрриса немало хороших друзей среди старших пилотов. И уж он позаботится о том, чтобы Димиреста заставили надеть форменную рубашку, заставили следовать правилам во всем – во всем, вплоть до мелочей... *А не то... Эта хитрая сволочь еще попомнит его,* мрачно подумал Хэррис. Уж он постарается, чтобы попомнил.

– Эй, Энсон! – В голосе Димиреста звучал смешок. – Вы сейчас откусите мундштук у своей трубки.

Ведь и в самом деле чуть не откусил. Вспомнив сейчас эту сцену, Вернон Димирест хмыкнул. Да, полет будет легкий – для него.

Лифт остановился на четвертом этаже, и мысли Димиреста вернулись к настоящему. Он вышел в коридор, застланный ковром, и уверенно свернул налево – к квартире, которую Гвен Мейген занимала вместе со стюардессой «Юнайтед эйрлайнз». Димирест знал от Гвен, что ее соседки не будет дома – она улетела в ночной рейс. Он по обыкновению отстучал на звонке свои инициалы азбукой Морзе – точка-точка-точка-тире тире-точка-точка, – затем вошел, воспользовавшись тем же ключом, которым отпер дверь подъезда.

Гвен была в душе. Он услышал шум воды. Когда он подошел к двери ее спальни, она окликнула его: «Вернон, это ты?» Даже сейчас, перекрывая шум душа, голос ее звучал мягко и мелодично. И Димирест подумал: «Неудивительно, что Гвен имеет такой успех у пассажиров». Он сам видел, как они буквально тают – особенно мужчины, – когда она с присущим ей обаянием обращается к ним.

Он крикнул в ответ:

– Да, крошка.

Ее тонкое белье лежало на постели: нейлоновые трусики; прозрачный лифчик телесного цвета и такого же цвета пояс с резинками, комбинация из французского шелка с ручной вышивкой. Гвен носила обычную форму, но любила, чтобы под ней было дорогое белье. Кровь быстрее побежала по жилам Димиреста, и он нехотя отвел глаза от соблазнительных вещей.

– Я рада, что ты пришел пораньше, – снова крикнула она. – Мне хотелось поговорить с тобой до полета.

– Отлично – время у нас есть.

– Если хочешь, можешь пока приготовить чай.

– О'кей.

Она приучила Вернона к английской манере пить чай в любое время дня, хотя прежде, до их знакомства, он вообще не любил чай. А теперь он так к нему пристрастился, что даже пил чай дома; это крайне удивляло Сару, особенно когда он требовал, чтобы чай был заварен по всем правилам, как учила его Гвен: сначала нагреть чайник, потом кипящей водой заливать чай.

Он прошел в крошечную кухоньку, где ему было все знакомо, и поставил чайник на конфорку. Потом отыскал в холодильнике пакетик молока, вылил его в молочник, отпил немного сам, а остальное поставил обратно. Он, конечно, предпочел бы виски с содовой, но, как большинство пилотов, уже за сутки до полета не брал в рот ни капли спиртного. По привычке он посмотрел на часы – было без трех минут восемь. И он машинально подумал о том, что в аэропорту сейчас уже кипит работа и какие-то люди готовят для него элегантный, рассчитанный на большие расстояния «Боинг-707», на котором он будет совершать свой пятитысячемильный полет в Рим.

В ванной закрыли кран, вода перестала литься. И в наступившей тишине Димирест снова стал весело напевать: «О соли мио».

Глава 7

Резкий, холодный ветер по-прежнему бушевал над аэропортом, по-прежнему валил густой снег.

Сидя в своей машине, Мел Бейкерсфелд вдруг снова почувствовал озноб. Полоса три-ноль и застрявший на ней самолет остались позади; теперь Мел направлялся к полосе один-семь, левой, по которой только что прошли снегоочистители. Откуда этот озноб? – подумал он. Дает себя знать холод или боль в покалеченной ноге, или это опять предчувствие беды, которое возникло у него недавно?

Ногу Мел повредил шестнадцать лет назад у берегов Кореи, когда служил в морской авиации и летал с авианосца «Эссекс». Тогда, за полсуток до рокового вылета (он это отчетливо помнил), у него возникло предчувствие беды. Это не был страх – подобно многим своим коллегам он научился жить рядом с опасностью, – а скорее подсознательная уверенность в том, что на него надвигается что-то неотвратимое и это может кончиться гибелью для него. На другой день в бою с МиГ-15 самолет Мела подстрелили над морем.

Он сумел немного спланировать, но левая нога у него попала под педаль и там застряла. Самолет быстро погружался в воду – он шел ко дну со скоростью кирпича, – и Мел, выхватив охотничий нож, в последнем, отчаянном усилии полоснул по педали и по ноге. Уже под водой ему каким-то чудом удалось высвободить ногу. И он вынырнул, преодолевая адскую боль.

Целых восемь часов его носило по волнам, и он уже начал терять сознание, когда его подобрала. Потом он узнал, что перерезал себе сухожилия, и нога у него перестала сгибаться в щиколотке.

Со временем флотские медики подлечили ему ногу, но с тех пор Мел уже не летал. Правда, боль время от времени вдруг возвращалась, всякий раз напоминая о том, как много лет назад инстинкт предупреждал его о надвигавшейся беде. Вот такое же предчувствие появилось у него и теперь.

Осторожно ведя машину, чтобы не сбиться в темноте с пути, Мел продвигался к полосе один-семь, левой. По словам руководителя полетов, именно эта полоса будет нужна диспетчерам, когда переменится ветер, а он, судя по прогнозам, должен был вот-вот перемениться.

В настоящее время в аэропорту пользовались двумя полосами – два-пять и один-семь, правой. А всего взлетно-посадочных полос было пять. И здесь, на этих полосах, вот уже три дня и три ночи буран давал аэропорту жестокий бой.

Самой длинной и широкой была полоса три-ноль, перекрытая «боингом» компании «Аэро Мехикан». (Если ветер изменится и самолет будет подлетать с противоположной стороны, ее можно заменить полосой один-два.) Она была почти в две мили длиной и шириной с городской квартал; в аэропорту шутили, что с одного ее конца не видно другого, потому как Земля-то ведь круглая.

Остальные четыре полосы были на полмили короче и гораздо уже.

С тех пор как начался снегопад, все полосы непрерывно расчищали, освобождали от снега, подметали и посыпали песком. Машины – с ревущими дизелями стоимостью в несколько миллионов долларов – останавливались лишь для заправки или смены обслуживающего персонала. Этой работы никто из пассажиров не видел, потому что самолеты выпускали уже на расчищенную полосу и притом лишь после того, как ее поверхность была осмотрена и признана безопасной. На этот счет существовали очень строгие правила. Полдюйма твердого снегового покрова или три дюйма пушистого снега – максимум, что разрешалось оставлять на полосе,

используемой реактивными самолетами. Если оставить более толстый покров, снег будет всосан двигателями и они могут заглохнуть.

А жаль, подумал Мел Бейкерсфелд, что снегоуборочные команды не работают на глазах у публики. Зрелище это было грандиозное и захватывающее. Даже сейчас, в бурю, в темноте, вид движущихся машин производил внушительное впечатление. Каскады снега гигантской дугой низвергались с высоты ста пятидесяти футов. Они сверкали и переливались в лучах фар и двадцати вращающихся прожекторов, установленных на крышах машин.

В аэропорту эту снегоуборочную команду называли «Анакондой».

У нее были голова, хвост, туловище и все аксессуары змеи, и продвигалась она вперед, извиваясь, словно в танце.

Во главе ехал «лидер», старший техник аэропортовых служб, на легковой машине – ярко-желтой, как и все остальные машины «Анаконды». «Лидер» устанавливал скорость движения, которая обычно была довольно большой. В его распоряжении имелось два радиопередатчика, и он поддерживал постоянную связь с пультом управления снежной командой и с диспетчерской. С помощью системы световых сигналов он общался с теми, кто следовал за ним: зеленый сигнал – «набрать скорость»; желтый – «так держать», красный – «сбавить скорость», а многократное повторение красного сигнала означало «стоп». «Лидер» обязан был знать назубок всю карту аэропорта и уметь ориентироваться даже в такую темную ночь.

За «лидером» – так в оркестре после дирижера идет концертмейстер – следовал снегоочиститель номер один; сегодня это был гигант «ошкош» с огромным ножом впереди и другим ножом поменьше – сбоку. Чуть позади и правее снегоочистителя номер один шел снегоочиститель номер два. Первый снегоочиститель отгребал снег в сторону; второй подбирал все, что счищал первый, и, добавив свое, отгребал всю массу снега еще дальше.

За снегоочистителями шел «сноубласт» – шестьсот ревущих лошадиных сил. «Сноубласт» стоил шестьдесят тысяч долларов и был «кадиллаком» среди снегоочистительных машин. Мощными насосами он всасывал снег, который отгребали оба снегоочистителя, и выбрасывал его могучим каскадом за пределы взлетно-посадочной полосы.

Во втором эшелоне, еще правее, шли два других снегоочистителя и второй «сноубласт».

За снегоочистителями и «сноубластами» шли грейдеры – пять в ряд – и ножами счищали все неровности, оставшиеся после снегоочистителей. За ножом у грейдеров были установлены крутящиеся щетки. Они подметали полосу, словно гигантская метла.

Следом шли машины с песком. Как только одиннадцать машин очищали от снега пространство, три огромных грузовика с бункерами вместимостью четырнадцать кубометров каждый ровным слоем разбрасывали песок.

Песок здесь применялся не такой, как везде. Повсюду за пределами аэропорта – на шоссе, на городских улицах и площадях – к песку прибавляют соль, ускоряющую таяние льда. Но этого никогда не делают на поле. Соль разъедает металл, укорачивает его жизнь, а к самолетам относятся более бережно, чем к автомобилям.

Последним в «Анаконде» ехал «хвостовой Чарли» – младший техник на легковой машине. Его обязанностью было наблюдать за строем и подгонять отстающих. Он поддерживал радиосвязь с «лидером», которого подчас и не видел за пеленой снега в темноте.

Кроме того, было еще и «окружение»: резервный снегоочиститель – на случай, если какой-нибудь выйдет из строя; ремонтная машина с механиками; цистерны с бензином и дизельным топливом, а также вызываемый в определенное время по радио пикап с кофе и пончиками.

Мел дал газ, обогнал «окружение» и притормозил рядом с машиной младшего техника. Его появление тотчас было замечено. Он услышал, как «лидер» сообщил по радио: «К нам подъехал мистер Бейкерсфелд».

«Анаконда» двигалась быстро – со скоростью сорок миль в час вместо обычных двадцати пяти. «Лидер» явно спешил, учитывая предполагаемую перемену ветра и необходимость в связи с этим срочно подготовить взлетно-посадочную полосу.

Переключив свое радио на волну наземной службы, Мел услышал, как «лидер» докладывает диспетчеру:

– ... идем по полосе один-семь, левой, приближаемся к пересечению с полосой два-пять. Прошу разрешения пересечь.

Полоса два-пять действовала – на нее один за другим садились самолеты.

– Наземный диспетчер – «лидеру» «Анаконды»: остановитесь у пересечения. Два самолета идут на посадку. Не разрешаю, повторяю: не разрешаю пересекать полосу. Подтвердите прием.

Диспетчер произнес это таким тоном, словно просил прощения. Там, наверху, понимали, как трудно остановиться «Анаконде» и потом снова двинуться вперед. Но приближавшиеся самолеты, по всей вероятности, снижались вслепую, по приборам, и уже шли на посадку – один за другим. В такую погоду только в случае крайней необходимости диспетчер мог приказывать летчику снова набрать высоту и сделать еще один круг.

Мел увидел, как впереди вспыхнули и повелительно замигали красные огни: «Анаконда» сбавила скорость и замерла.

Младший техник, веселый молодой негр, выпрыгнул из своей машины и подошел к машине Мела. Когда он открыл дверцу, внутрь ворвался ветер – Мел почувствовал его, но не услышал свиста из-за работавших вхолостую дизелей. Младший техник пригнулся к самому уху Мела:

– Послушайте, мистер Би, хотите прокатиться с нами? Я тогда велю кому-нибудь из ребят присмотреть за вашей машиной.

По лицу Мела расплылась улыбка. Все в аэропорту знали, как он любил в свободную минуту посидеть за баранкой тяжелой машины. «А почему бы и нет?» – подумал Мел. Ведь он выехал на поле для того, чтобы проверить, как убирают снег и соответствует ли это докладной Вернона Димиреста. Теперь ему было ясно, что докладная – сплошная выдумка и все идет как надо. Но может быть, не мешает еще немного задержаться и понаблюдать «изнутри».

Он кивнул в знак согласия и крикнул:

– О'кей, я поеду на втором «сноубласте».

– Отлично, сэр!

Младший техник включил ручной фонарик и, стигаясь под напором ветра, пошел впереди Мела мимо застывших в неподвижности грузовиков с песком и щеток. Мел заметил, что на полосе, расчищенной всего несколько минут назад, уже снова лежит снег. Сзади, с ремонтного грузовика, соскочил человек и бегом направился к машине Мела.

– Поторапливайтесь, мистер Би. Остановка короткая.

Молодой негр осветил фонариком, пока Мел лез вверх. А там наверху, в кабине «сноубласта», водитель уже подждал его, распахнув дверцу. Где-то на полпути острая боль в покалеченной ноге вдруг пронзила Мела, но времени переждать ее не было. Впереди красные огни сменились зелеными: очевидно, оба самолета сели и прокатили мимо пересечения. «Анаконде» надо было спешить, чтобы пройти через полосу до посадки очередного самолета, а это могло произойти через минуту или две. Обернувшись, Мел увидел, как младший техник помчался к своему «хвостовому Чарли».

«Сноубласт» уже двинулся и с глухим ревом набирал скорость. Шофер бросил искоса взгляд на Мела, опустившегося рядом с ним на одно из двух сидений с мягкой обивкой.

– Здравствуйте, мистер Бейкерсфелд.

– Как дела, Уилл? – Мел сразу узнал в шофере клерка, который обычно выдавал жалованье в аэропорту.

– Отлично, сэр. Немного устал только.

Он старательно держал дистанцию между своей машиной и третьим и четвертым снегоочистителями: прожектора на них были отсюда еле видны. Огромные полукруглые ножи «сноубласта» уже заработали, сгребая снег и направляя его к всасывающему устройству. Белый фонтан взвился вверх и, образуя стройную арку, упал за пределами полосы.

Здесь, наверно, было такое ощущение, точно ты находишься на капитанском мостике. Шофер, совсем как рулевой, легко держал баранку. На панели перед ним мерцало в темноте множество разных дисков и кнопок. Как и на корабле, стремительно двигались скоростные «дворники», расчищая веером налипший на стекло снег и обеспечивая ясную видимость.

– Все, конечно, устали, – заметил Мел. – В утешение могу лишь сказать, что всю жизнь так не будет.

Несколько лет назад в такую снежную бурю аэропорт наверняка бы закрыли. А сейчас он мог работать главным образом потому, что наземная техника – правда, только в этой области – шла в ногу с прогрессом в воздухе. Но много ли таких примеров? Мел мрачно вынужден был признать, что немного.

– А впрочем, – нарушил молчание шофер, – неплохо оставить на время счетную машину и поработать на этой; к тому же чем дольше продержится такая погода, тем больше сверхурочных я получу. – Он нажал на кнопку, и кабина накренилась вперед, давая ему возможность проверить, как работают ножи. С помощью другой кнопки он слегка изменил их положение и затем выровнял кабину. – Я ведь не обязан этим заниматься – вы это знаете, мистер Бейкерсфелд. Я добровольно сюда пошел. Мне здесь нравится. Тут как-то... – Он помедлил. – Сам не знаю.

– Ближе к природе? – подсказал Мел.

– Да, пожалуй. – Шофер рассмеялся. – Может, я снег люблю.

– Да нет, Уилл, не думаю.

Мел повернулся и стал смотреть вперед – по направлению движения «Анаконды». Да, стихия разбушевалась вовсю. И все-таки он любил здесь бывать, пожалуй, потому, что на поле, среди этого огромного пустого пространства, когда ты совсем один, чувствуешь себя как-то ближе к полету – полету настоящему, в простейшем смысле этого слова, когда человек вступает в борьбу со стихией. А когда слишком долго сидишь в аэропорту или в конторе авиакомпании, утрачиваешь это чувство – тебя захлестывают вещи второстепенные, не имеющие к авиации отношения. Наверно, всем нам, авиационным чиновникам, подумал Мел, надо время от времени выходить на поле – встать в дальнем конце взлетно-посадочной полосы и почувствовать, как ветер сечет лицо. Тогда легче нам будет отделить побочное от главного. Да и мозги проветрятся.

Мел нередко выходил вот так на поле, когда ему нужно было подумать, спокойно что-то взвесить наедине с собой. Он не намеревался заниматься этим сегодня, но вдруг обнаружил, что мысль сама заработала: он думал, как это часто бывало с ним в последние дни, о будущем аэропорта и о своем собственном.

Глава 8

Всего лет пять назад аэропорт Линкольна считался одним из лучших и самых современных в мире. Им восторженно любовались многочисленные делегации, политические деятели с гордостью говорили о нем и чванливо утверждали, что это «последнее слово в авиации» и «символ реактивной эпохи». Политические деятели и сегодня с гордостью говорили о нем, но уже с меньшими основаниями. Большинству из них было невдомек, что международный аэропорт Линкольна, как и очень многие другие крупные аэропорты, быстро превращался в «гроб повапленный».

Мелу Бейкерсфелду пришло на ум это выражение, когда он ехал в темноте по левой полосе один-семь. Очень точное определение, подумал он. У аэропорта были серьезные коренные недостатки, но они находились вне поля зрения публики – только люди причастные знали о них.

Путешественники и посетители международного аэропорта Линкольна видели главным образом основной пассажирский зал – ярко освещенный, снабженный кондиционерами «Тадж-Махал». Аэровокзал из сверкающего стекла и хрома был просторен и производил внушительное впечатление. Разветвляющиеся коридоры вели в элегантные залы ожидания. Целая сеть служебных помещений окружала пространство, отведенное для пассажиров. В аэровокзале было шесть специализированных ресторанов – начиная от зала, где подавались изысканнейшие блюда на фарфоровых тарелках с золотой каймой, и кончая стойками, где можно на ходу съесть сосиски. Полно было баров с притемненным уютным освещением, и других, освещенных неонами, где пьют стоя; много было туалетов. Дожидаясь своего рейса, пассажир мог, не покидая аэровокзала, купить все необходимое, снять комнату в гостинице или койку, сходить в турецкую баню с массажистом, постричься, отутюжить костюм, вычистить ботинки и даже умереть и быть похороненным фирмой «Бюро святого духа», которая имеет свое отделение на нижнем этаже.

Аэровокзал до сих пор выглядел весьма внушительно. Недостатки начинались там, где начиналась собственно авиация, и касались они прежде всего взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек.

Лишь немногие из восьмидесяти тысяч пассажиров, которые ежедневно прилетали и улетали с этого аэродрома, представляли себе, насколько все здесь несовершенно – и, следовательно, опасно для жизни. Уже год назад взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек едва хватало для приема и отправки самолетов, а сейчас они были перегружены сверх меры. В обычное время на двух главных полосах самолеты взлетали и садились через каждые тридцать секунд. Учитывая жалобы жителей Медоувуда и желание руководства аэропорта пойти им навстречу, приходилось в часы пик пользоваться полосой, пересекавшей одну из этих двух. В результате самолеты взлетали и садились на пересекавшихся полосах, и бывали минуты, когда воздушным диспетчерам оставалось лишь затаить дыхание и молиться, чтобы ничего не произошло. Всего неделю назад Кейз, брат Мела, мрачно предрек: «Ну хорошо, мы в диспетчерской лезем из кожи вон и разводим самолеты, когда они буквально на волоске от столкновения, так что пока никакой аварии на этом пересечении не произошло. Но рано или поздно у кого-нибудь из нас на секунду отключится внимание или кто-то что-то неправильно вычислит – и тогда столкновение неизбежно. Я только молю Бога, чтобы это случилось не в мое дежурство и не у меня, потому что, случись такое, авария будет не меньшая, чем в Большом каньоне».

Кейз имел в виду как раз то пересечение полос, которое только что миновала «Анаконда». Мел снова посмотрел из кабины «сноубласта» назад. «Анаконда» проехала пересечение, и сквозь поредевший на миг снегопад Мел увидел, как на полосе мелькнули навигационные огни стремительно взлетающего самолета. А в нескольких ярдах позади – Мел глазам своим не поверил – уже надвигались огни другого самолета, который сел, казалось, в ту же секунду.

Шофер «сноубласта» тоже оглянулся и присвистнул:

– Ого, эти двое чуть не столкнулись!

Мел кивнул. Самолеты действительно были так близки к столкновению, что у него даже холодок пробежал по коже. Должно быть, диспетчер, дававший указания пилотам обеих машин, предельно сократил допуск. Опытный диспетчер все правильно рассчитал, но это был риск. Сейчас оба самолета были уже вне опасности: один – в воздухе, другой – на земле. Но то, что диспетчерам частенько приходилось принимать подобные решения, создавало атмосферу постоянной нервозности.

Мел неоднократно указывал на это Совету уполномоченных и городским боссам, от которых зависит финансирование аэропорта. Он не только ратовал за то, чтобы немедленно приступить к строительству дополнительных взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек, но и убеждал прикупить земли вокруг аэропорта, чтобы постепенно его расширить. Это вызывало бесконечные дискуссии, а порой весьма горячие споры. Некоторые члены Совета уполномоченных и руководители города смотрели на дело так же, как Мел, но были и такие, которые резко выступали против. Трудно было убедить людей в том, что аэропорт, построенный для реактивных самолетов в конце пятидесятых годов, мог так быстро устареть и что его эксплуатация в таком виде, как сейчас, чревата опасностью для жизни людей. Никого не интересовало то, что так же обстояли дела и в других аэропортах – в нью-йоркском, сан-францисском, чикагском и прочих, – политики просто не желали ничего об этом знать.

Мел подумал: может быть, Кейз и прав. Возможно, нужна крупная катастрофа, чтобы общественное мнение всполошилось, как это было в 1956 году, когда произошла авария в Большом каньоне, заставившая президента Эйзенхауэра и конгресс 85-го созыва выделить ассигнования для починки вентиляции в туннелях. Как ни странно, деньги на всякие улучшения, не связанные с оперативной деятельностью, можно было почти всегда получить. Так, например, предложение построить трехэтажные гаражи мгновенно было одобрено городскими законами. Еще бы: ведь гаражи – это нечто, так сказать, зримое и осязаемое для широкой публики, иными словами, для избирателей. А вот взлетно-посадочные полосы и рулежные дорожки – другое дело. Каждая новая полоса стоит несколько миллионов долларов, и на строительство ее требуется два года, но лишь немногие, кроме пилотов, диспетчеров и руководства аэропорта, знают, в каком состоянии – хорошем или плохом – находится та или иная полоса.

Так или иначе, в аэропорту Линкольна дело скоро дойдет до точки. Должно прийти. За последние месяцы Мел все чаще и чаще наблюдал симптомы, указывавшие на приближение критической минуты, и знал, что, когда час пробьет, придется решать: либо усиленно развивать наземные сооружения в соответствии с прогрессом в воздухе, либо сидеть сложа руки и смотреть, как другие опережают тебя. В авиации статус-кво не бывает.

Ко всему этому примешивалось еще одно обстоятельство.

С будущим аэропорта было связано будущее самого Мела. Каким будет аэропорт, таким будет и престиж Мела в глазах тех, с чьим мнением приходится считаться.

Еще совсем недавно все знали Мела Бейкерсфелда как человека, активно выступавшего за логическое развитие наземных сооружений в аэропортах; о нем говорили как о многообещающем молодом даровании в руководстве авиацией. Потом случилась беда, и все изменилось. С тех пор прошло четыре года, и будущее Мела в глазах других людей – да и в его собственных – уже не было столь ясным и безоблачным.

Событием, столь резко повлиявшим на судьбу Мела, было убийство Джона Ф. Кеннеди.

– Вот и конец полосы, мистер Бейкерсфелд. Вы поедете с нами назад или останетесь? – прервал размышления Мела голос шофера «сноубласта».

– Что вы сказали?

Шофер повторил вопрос. Впереди снова замигали красные огни, и «Анаконда» остановилась. Правая половина полосы была очищена от снега. Теперь «Анаконда» развернется и поедет назад, чтобы расчистить левую половину. Со всеми остановками «Анаконде» требуется от сорока пяти минут до часа, чтобы очистить от снега и посыпать песком одну полосу.

– Нет, – сказал Мел. – Я здесь выйду.

– Есть, сэр.

Шофер посигналил светом машине младшего техника, и тот сейчас же помчался куда-то. Когда Мел спустился со «сноубласта», его машина уже стояла рядом. С других снегоочистителей и грузовиков тоже спрыгивали люди и бежали к пикапу с кофе.

Возвращаясь к аэровокзалу, Мел связался по радио с пультом управления снежной командой и подтвердил Дэнни Фэрроу, что полоса один-семь, левая, скоро войдет в строй. Потом переключил радио на наземного диспетчера, приглушив звук, – голоса звучали глухо, неразборчиво, не нарушая хода его мыслей.

Когда он сидел в кабине «сноубласта», ему вспомнилось то, что так сильно повлияло на весь ход его жизни.

Было это четыре года назад.

Да, уже целых четыре года, с удивлением подумал Мел, прошло с того серого ноябрьского дня, когда он почти машинально, едва понимая, что делает, придвинул к себе стоявший на его столе переносной микрофон – микрофон, которым он редко пользовался и который перекрывал все остальные в аэровокзале, – и, врезавшись в сообщение о прилете какого-то самолета, громко объявил – голос его эхом прокатился по огромным залам, где тотчас наступила мертвая тишина, – объявил всем страшную весть, которую лишь несколько секунд назад узнал из Далласа.

Он говорил, а сам смотрел на фотографию, висевшую на стене его кабинета, – фотографию с надписью «Моему другу Мелу Бейкерсфелду, который, как и я, жаждет расширить тесные земные границы. Джон Ф. Кеннеди».

Фотографию эту он до сих пор хранит – как хранит многие воспоминания.

Воспоминания начинались с того дня, когда Мел произнес речь в Вашингтоне.

В ту пору Мел был не только управляющим аэропортом, но и президентом Совета руководителей аэропортов – самым молодым из всех, кто когда-либо возглавлял этот небольшой, но весьма влиятельный орган, объединяющий администрацию крупнейших аэропортов мира. Штаб-квартира Совета находилась в Вашингтоне, и Мел часто туда летал.

А речь свою он произнес на Всеамериканском конгрессе по планированию.

Авиация, заявил тогда Мел, является единственной сферой, где с успехом может развиваться международное сотрудничество. Для нее не существует не только идеологических, но и географических границ. Давая возможность людям разных национальностей перемещаться по свету – притом что стоимость билетов непрерывно снижается, – авиация на сегодняшний день является наиболее реальным средством познания мира, какое изобрел человек.

Весьма существенную роль тут играет международная торговля. Переброска грузов по воздуху, уже и сейчас достигшая большого размаха, неизбежно будет возрастать. Новые гигантские реактивные самолеты, которые вступят в строй в семидесятых годах, будут самым быстрым и дешевым средством для переброски грузов; через какие-нибудь десять лет океанские суда поставят в доки как музейные экспонаты: грузовые самолеты вытеснят их – так же, как пассажирские самолеты в свое время нокаутировали «Куин Мэри» и «Куин Элизабет». Возникнет новая торговая армада, которая будет циркулировать по всему миру, неся процветание ныне нищим странам. В техническом отношении, сказал тогда Мел, авиация сможет выполнять эту – и даже бо`льшую – роль еще при жизни тех, кто сейчас уже вступил в зрелый возраст.

Однако, продолжал он, в то время как конструкторы самолетов ткут из тонких нитей мечты плотную ткань реальности, в строительстве наземных сооружений по большей части преобладает либо близорукость, либо неоправданная спешка. Аэропорты, взлетно-посадочные полосы, аэровокзалы созданы по требованиям вчерашнего дня, без всякой – за очень небольшим исключением – попытки предвидеть будущее. Короче говоря, темпы развития авиации либо недоучитываются, либо просто игнорируются. Аэропорты строятся по частям, как попало, в соответствии со вкусами тех или иных городских заправил. Как правило, основная часть средств тратится на аэровокзал, то есть на показуху, и меньшая – на оперативные участки. Строительство аэропортов никем не координируется и не планируется – ни в национальном, ни в международном масштабе.

«Мы преодолели звуковой барьер, – сказал тогда Мел. – Но мы еще не преодолели барьера наземного».

Он перечислил области, требующие особого изучения, и призвал к созданию международного органа по проектированию аэропортов – во главе с США и при благосклонном участии президента.

Его речь была встречена овацией – зал стоя аплодировал ему – и вызвала положительный отклик в самых разных кругах и таких газетах, как лондонская «Таймс», «Правда» и «Уолл-стрит джорнэл».

На другой день Мел получил приглашение в Белый дом.

Президент принял его очень тепло. Между ними состоялась приятная, непринужденная беседа в личном кабинете президента на втором этаже. Джон Ф. Кеннеди, как обнаружил Мел, разделял многие его взгляды.

За этой встречей последовали другие, иногда в присутствии «мозгового треста», то есть помощников Кеннеди, – в тех случаях, когда правительство собиралось рассматривать вопросы, связанные с авиацией. После нескольких таких совещаний в Белом доме, за которыми следовали неофициальные беседы с президентом, Мел вполне там освоился. Его отношения с Джоном Ф. Кеннеди, любившим окружать себя знающими, умными людьми, постепенно приобрели самый дружеский характер.

Примерно через год после первой встречи президент спросил Мела, что бы он сказал, если бы его поставили во главе Федерального управления авиации. После своего переизбрания – а это уже считалось делом решенным – Кеннеди намеревался передвинуть Хейлеби, тогдашнего главу Федерального управления авиации, на другой пост. Так вот, согласился бы Мел взять на себя проведение в жизнь тех мер, за которые он так ратовал, еще не будучи у руководства? Мел сказал, что это было бы очень интересно и, если ему сделают такое предложение, он не ответит отказом.

Слух об этом, без всякого участия Мела, тотчас распространился. Мела включили в круг «приближенных». И престиж его, уже и так достаточно высокий, еще больше возрос. Совет руководителей аэропортов снова выбрал его президентом. Совет уполномоченных по его аэропорту основательно повысил ему жалованье. Не достигнув еще и сорока, он уже стал Маленьким Роландом в авиации.

А через полгода Джон Ф. Кеннеди отправился в свое роковое путешествие в Техас.

В первые минуты Мел был просто ошарашен вестью о гибели президента; потом зарыдал как дитя. И лишь позже он понял, что пули убийцы рикошетом сразили и многих других, в том числе его самого. Он обнаружил, что уже не является «своим» в Вашингтоне. Наджиб Хейлеби действительно ушел из Федерального управления авиации на пост первого вице-президента «Пан-Америкэн», но Мел не был назначен на его место. К тому времени власть и влияние перешли к другим людям. Как узнал потом Мел, его имя даже не значилось среди кандидатов, предложенных президенту Джонсону на пост главы Федерального управления авиации.

Второй срок пребывания Мела на посту президента Совета руководителей аэропортов прошел гладко и ровно, и его сменил очередной подающий надежды молодой человек. Поездки Мела в Вашингтон прекратились. Выступал он теперь только перед своими коллегами и в известном смысле воспринял эту перемену с облегчением. Дел в аэропорту у него стало много больше: объем воздушных перевозок резко возрастал. Он усиленно занимался планированием и отдавал немало сил Совету уполномоченных, пытаясь склонить его на свою сторону. Словом, забот хватало – и на работе, и дома. Все дни его были заполнены до краев.

И тем не менее его не покидало чувство, что он упускает время и возможности. Это чувствовали и другие. И Мел пришел к выводу, что, если не произойдет какой-то коренной перемены, его карьера так и кончится на том, с чего началась.

– Диспетчерская – машине номер один: сообщите местонахождение. – Голос по радио резко вернул Мела к действительности, нарушив ход его мыслей.

Он повернул рычажок и ответил. Он подъезжал к главному зданию аэровокзала – огни его были уже отчетливо видны, несмотря на снегопад. Стоянки для самолетов, как он заметил, были по-прежнему забиты, а у галерей-гармошек, дожидаясь своей очереди, вытянулись вереницей прибывшие самолеты.

– Машина номер один, задержитесь, дайте пройти «Лейк-Сентрал», затем следуйте за ним.

– Говорит машина номер один. Вас понял.

Выждав две-три минуты, Мел въехал в подземный гараж аэровокзала.

Рядом с его боксом находилась запертая будка с внутренним телефоном. Мел открыл ее своим ключом и набрал номер пульта управления снежной командой. Трубку снял Дэнни Фэрроу.

– Есть что-нибудь новое? – спросил Мел. – Как там обстоят дела с этим самолетом «Аэро Мехикан»?

– Все так же, – ответил Дэнни Фэрроу. – А с КДП просили тебе передать, что отсутствие в эксплуатации полосы три-ноль на пятьдесят процентов замедляет движение. И всякий раз, как над Медоувудом взлетает самолет, оттуда поступают жалобы по телефону.

– Придется медоувудцам потерпеть, – мрачно заметил Мел. Устроят они свое собрание или нет, а он ничего не может сделать, чтобы избавить их от шума. Куда важнее наладить нормальную работу аэропорта. – А где Патрони?

– Да все там же. По-прежнему на шоссе.

– Но он все же сумеет добраться?

– Ребята из «ТВА» говорят, что да. У него в машине есть телефон. Так что он поддерживает с ними связь.

– Поставь меня в известность, как только он появится, – распорядился Мел. – Где бы я ни был.

– Насколько я понимаю, ты будешь уже в городе.

Мел помолчал. Собственно, у него не было никаких оснований задерживаться дольше в аэропорту. И тем не менее предчувствие надвигающейся беды, возникшее на поле, почему-то не проходило. Он вспомнил о своем разговоре с руководителем полетов, о самолетах, ожидавших своей очереди, чтобы подойти к галереям-гармошкам. И неожиданно для себя решил:

– Нет, я не еду в город. Нам позарез нужна эта полоса, и я не тронусь с места, пока не буду точно знать, что Патрони прибыл и взялся за дело.

– В таком случае, – сказал Дэнни, – я советовал бы тебе сейчас же позвонить жене. Запиши номер.

Мел записал, опустил трубку на рычажок и тотчас набрал городской номер. Он попросил позвать Синди и после недолгой паузы услышал ее резкий голос:

– Мел, почему тебя до сих пор нет?

– Извини, я задержался. У нас тут, в аэропорту, столько всяких дел. Такой буран, что...

– Черт бы тебя побрал, приезжай сюда – и быстро!

Голос жены звучал приглушенно, и Мел понял, что рядом с ней кто-то есть. Тем не менее Синди сумела вложить в эти несколько слов достаточно злости.

Слушая голос жены, Мел иногда вспоминал ту Синди, какую он знал до женитьбы, пятнадцать лет назад. Ему казалось, что она была много мягче тогда. Ведь именно ее мягкость, ее женственность и покорили его, когда они встретились в Сан-Франциско, куда он приехал в отпуск из Кореи. Синди была актрисой на совсем маленьких ролях (ее надежды стать звездой не оправдались и явно не могли оправдаться). Ей поручали все более и более скромные роли в

летних программах и на телевидении, и впоследствии в минуту откровенности она призналась, что замужество явилось для нее счастливым выходом из положения.

С годами это получило несколько иное освещение, и Синди стала играть на том, что она-де пожертвовала ради Мела своей карьерой и отказалась от возможности выйти в звезды. Однако в последнее время Синди перестала упоминать о своем актерском прошлом. Объяснялось это тем, что, как она вычитала в какой-то статье, опубликованной в «Городе и деревне», актрисы, за редким исключением, не числятся в «Справочнике именитых людей», а Синди больше всего на свете хотела видеть там свое имя.

– Я приеду, как только смогу, – сказал ей Мел.

– Это меня не устраивает, – безапелляционно заявила Синди. – Тебе уже давно следовало быть здесь. Ты же прекрасно знаешь, как важен для меня сегодняшний вечер, и еще неделю назад твердо обещал быть.

– Неделю назад я понятия не имел, что разразится такой буран, какого мы шесть лет не видали. У нас вышла из строя очень важная взлетно-посадочная полоса, застрял самолет – речь идет о безопасности пассажиров.

– Но там же есть люди, которые на тебя работают! Или ты подобрал себе таких бестолковых помощников, что не можешь оставить их без присмотра?

– Они достаточно толковые, – с раздражением сказал Мел. – Но мне платят за то, чтобы я тоже что-то делал.

– Очень жаль, что только для меня ты ничего не желаешь делать. Не в первый раз я еду на важные для меня собрания, а ты мне все портишь...

По этому вдруг обрушившемуся на него водопаду слов Мел чувствовал, что Синди вот-вот взорвется. Он отчетливо представлял себе, как она стоит сейчас, выпрямившись, на высоких каблуках, решительная, энергичная, голубые глаза сверкают, светлая, тщательно причесанная голова откинута назад, – она всегда была чертовски привлекательна, когда злилась. Должно быть, отчасти поэтому в первые годы брака Мела почти не огорчали сцены, которые устраивала ему жена. Чем больше она распалаялась, тем больше его влекло к ней. В такие минуты Мел опускал глаза на ноги Синди – а у нее были удивительно красивые ноги и лодыжки, – потом взгляд его скользил вверх, отмечая все изящество ее ладной, хорошо сложенной фигуры, которая неизменно возбуждала его.

Он чувствовал, как между ними начинал пробегать ток, взгляды их встречались, и они в едином порыве устремлялись в объятия друг друга. Тогда исчезало все – гнев Синди утихал; захлестнутая волной чувственности, она становилась ненасытной, как дикарка, и, отдаваясь ему, требовала: «Сделай мне больно, черт бы тебя побрал! Да сделай же мне больно!» А потом, вымотанные и обессиленные, они и не вспоминали о причине ссоры: возобновлять перебранку уже не было ни сил, ни охоты.

Так они не столько разрешали, сколько откладывали разрешение своих разногласий, которые – Мел понимал это уже тогда – носили отнюдь не шуточный характер. И с годами, по мере того как остывала страсть, они стали все больше отдаляться друг от друга.

Затем уже и физическая близость перестала быть панацеей, а в последний год супружеские отношения между ними вообще почти прекратились. Собственно, Синди, которая всегда отличалась изрядным аппетитом в постели, каковы бы ни были отношения между ними, в последние месяцы, казалось, утратила всякий интерес к плотским радостям. Мела это удивляло. Не завела ли она себе любовника? Вполне возможно, и в таком случае Мелу следовало бы на это реагировать. Но самое печальное заключалось в том, что ему легче было ничего не замечать.

Тем не менее бывали минуты, когда вид разгневанной Синди или звук ее повелительного голоса по-прежнему возбуждали его, вызывая желание. Вот и сейчас, слушая, как она честит его по телефону, он почувствовал знакомое волнение.

Улучив удобный момент, он сумел вставить:

– Это неправда, я вовсе не стремлюсь портить тебе удовольствие. Как правило, я всегда езжу, куда ты хочешь, даже если считаю, что это не так уж важно. Мне, например, куда больше хотелось бы проводить вечера дома с детьми.

– Пустая болтовня, – отрезала Синди. – И ты это прекрасно знаешь.

Он почувствовал, как весь напрягся, и рука его крепче сжала телефонную трубку. Затем подумал: а ведь, пожалуй, она права – в известной мере. Еще сегодня вечером он сам напомнил себе о том, что иной раз задерживается в аэропорту, когда мог бы поехать домой, – задерживается только потому, что ему хочется избежать очередной ссоры с Синди. Разве в таких случаях он учитывал интересы Роберты и Либби – впрочем, никто, наверное, не считается с интересами детей, когда брак трещит по всем швам. Не надо было ему сейчас говорить о них.

Но сегодня-то дело было не в этом. Он должен оставаться в аэропорту по крайней мере до тех пор, пока не будет уверен, что блокированной полосой занялись всерьез.

– Послушай, – сказал Мел, – давай уточним одно обстоятельство. Я этого не говорил тебе до сих пор, но в прошлом году я сделал кое-какие подсчеты. Ты просила меня пойти с тобой на пятьдесят семь благотворительных сборищ. Мне удалось пойти на сорок пять, хотя сам бы я, конечно, никогда на них не пошел. Согласись, что процент получается не такой уж плохой.

– Мерзавец! Что ты там считаешь – я же не в кегли с тобой играю! Все-таки я твоя жена.

– Полегче на поворотах! – оборвал ее Мел. И, чувствуя, как и в нем закипает гнев, добавил: – Кстати, позволь тебе заметить, что ты повысила голос. Или ты хочешь, чтобы все эти милые люди, которые тебя окружают, узнали о том, как ты командуешь мужем?

– А мне плевать! – Но произнесла она это все же гораздо тише.

– Я прекрасно знаю, что ты моя жена, и потому намерен приехать туда, к тебе, как только смогу. – Интересно, подумал Мел, что бы произошло, если бы Синди сейчас находилась рядом и он мог бы обнять ее? Ожила бы старая магия? Пожалуй, нет, решил он. – Так что займи мне место и скажи официанту, чтобы он подержал мой суп на огне. Кроме того, извинись и объясни, почему я задерживаюсь. Я полагаю, кое-кто там, наверное, все-таки слышал, что существует такая вещь, как аэропорт... Кстати, – внезапно вспомнил он, – а по какому поводу сегодня сборище?

– Я же объясняла тебе на прошлой неделе.

– Ну так скажи еще раз.

– Коктейль и ужин в рекламных целях – для костюмированного бала, который в будущем месяце проводит фонд помощи детям Арчидоны. Присутствует пресса. Будут снимать.

Теперь Мел понял, почему Синди так хотела, чтобы он приехал побыстрее. При нем у нее больше шансов попасть в объектив фотоаппарата, а затем – и на светскую страничку завтрашней газеты.

– Все остальные члены нашего комитета уже здесь, – добавила Синди, – и почти все с мужьями.

– Но не все?

– Я же сказала: почти все.

– И ты еще сказала, что это в фонд помощи детям Арчидоны?

– Да.

– Какой Арчидоны? Есть два таких города: один в Эквадоре, другой в Испании. – В колледже Мел увлекался географией, а память у него была хорошая.

Впервые Синди ответила не сразу и с досадой:

– Ну какое это имеет значение? Сейчас не время для idiotских вопросов.

Мел едва удержался, чтобы не расхохотаться. Так, значит, Синди не знает! Ну конечно, в этом благотворительном мероприятии ее интересовало не то, ради чего оно затевается, а кто его затевает.

И он спросил лукаво:

– И сколько писем ты рассчитываешь получить после сегодняшнего вечера?

– Не понимаю.

– Ну что ты, отлично понимаешь.

Человеку, желавшему попасть в «Справочник именитых людей», надо было представить восемь рекомендательных писем от лиц, уже фигурировавших в нем. В последний раз Мел слышал, что Синди набрала четыре.

– Честное слово, Мел, если ты скажешь что-либо подобное – сегодня или вообще когда-нибудь...

– А эти письма будут бесплатные, или ты собираешься платить за них, как за два предыдущих? – Он чувствовал, что взял над ней верх. А это бывало редко.

– Это грязная инсинуация, – возмущенно заявила Синди. – Как можно купить себе право на...

– Чушь собачья! – сказал Мел. – Ведь у нас с тобой общий счет, и мне пересылают все оплаченные чеки. Ты что – забыла?

Наступило молчание.

– Слушай меня! – заявила Синди тихо, звенящим от злости голосом. – Я советовала бы тебе приехать сюда, и побыстрее. Если ты не приедешь или приедешь и будешь ставить меня в глупое положение какими-нибудь своими идиотскими высказываниями вроде тех, которые я только что слышала, между нами все будет кончено. Ясно?

– Не уверен. – Мел произнес это нарочито спокойно. Инстинктивно он почувствовал, что это важная минута для них обоих. – Может, ты мне все-таки объяснишь, что именно ты имеешь в виду.

– Сам поймешь, – сказала Синди.

И повесила трубку.

* * *

Пока Мел шел из гаража в свой кабинет, гнев его с каждым шагом все возрастал. Вообще он не так быстро вскипал, как Синди, но сейчас был в ярости.

Что именно так бесило его, он и сам не знал. Главным образом, конечно, Синди, но были и другие причины: то, что он в профессиональном плане не сумел как следует подготовиться к вступлению в новую эру авиации; то, что он оказался не способен внушить другим свои убеждения; то, что надежды его не сбылись. Словом, думал Мел, и в личной жизни, и в работе он не достиг ничего. Брак его близок к краху – во всяком случае, есть все основания так полагать, – а это значит, что он может потерять и детей. Да и аэропорт, где он отвечает за жизни тысяч и тысяч ежедневно доверчиво стекающихся сюда людей, приходит в упадок, несмотря на все его усилия и попытки кого-то в этом убедить. Не удается ему удержать дело на том высоком уровне, которого он сумел было здесь достичь.

По пути к себе он не встретил никого из подчиненных. Тем лучше: обратиться сейчас к нему кто-нибудь с вопросом, он мог бы ответить резкостью. Войдя в свой кабинет, он сбросил пальто прямо на пол. И закурил сигарету. Вкус у нее был какой-то горький, и он тут же ее загасил. Шагнув к столу, он почувствовал, как снова – еще сильнее, чем прежде, – заныла нога.

Было время – как давно, казалось, это было, – когда в такие вот вечера, если больная нога начинала его беспокоить, он отправлялся домой, и Синди укладывала его в постель. Сначала он принимал горячую ванну, потом ложился ничком на кровать, и она массировала ему спину и шею холодными крепкими пальцами, пока боль не утихала. Сейчас трудно даже представить себе, чтобы Синди стала этим заниматься, а если и стала бы, едва ли это теперь ему помогло.

Когда нарушается связь между людьми, она нарушается во всем – не только в том, что люди перестают друг друга понимать.

Сев за стол, Мел опустил голову на руки.

И вдруг, совсем как раньше, на поле, его пронзила дрожь. В эту минуту в тишине кабинета зазвонил телефон. Мел не сразу снял трубку. Звонок продолжал трещать; неожиданно Мел понял, что это звонит красный телефон, который стоит на столике рядом с его письменным столом, – телефон особого назначения. В два прыжка он подскочил к нему.

– Бейкерсфелд слушает.

Он услышал какое-то позвякивание и шумы на линии: его подключали к нужному номеру.

– Говорит КДП, – услышал он голос руководителя полетов. – У нас в воздухе ЧП третьей категории.

Глава 9

Кейз Бейкерсфелд, брат Мела, уже отработал треть своей восьмичасовой смены в радарной КДП.

В радарной буран тяжело сказывался на людях, хотя они и не ощущали его. Стороннему наблюдателю, подумал Кейз, не понимающему, о чем говорят все эти экраны, могло казаться, что буран, бушующий за стеклянными стенами диспетчерской, на самом деле разыгрался за тысячи миль отсюда.

Радарная находилась в башне, этажом ниже застекленного помещения – так называемой «будки», – откуда руководитель полетов давал указания о передвижении самолетов на земле, их взлетах и посадках. Власть тех, кто сидел в радарной, простиралась за пределы аэропорта: они отвечали за самолет в воздухе, после того как он выходил из-под опеки местных наземных диспетчеров или ближайшего регионального КДП. Региональные КДП, обычно отстоящие на многие мили от аэропорта, ведут наблюдение за основными авиатрассами и самолетами, следующими по ним.

В противоположность верхней части башни радарная не имела окон. Днем и ночью в международном аэропорту Линкольна десять диспетчеров и старших по группе работали в вечной полутьме, при тусклом лунном свете экранов. Все четыре стены вокруг них были заняты всякого рода оборудованием – экранами, контрольными приборами, панелями радиосвязи. Обычно диспетчеры работали в одних рубашках, поскольку температура зимой и летом была здесь – чтобы не портилось капризное электронное оборудование – около двадцати восьми градусов.

В радарной принято держаться и говорить спокойно. Однако под этим внешним спокойствием таится непрестанное напряжение. Сейчас это напряжение было сильнее обычного из-за бурана – оно особенно возросло за последние несколько минут. Впечатление было такое, точно кто-то до предела натянул и так уже натянутую струну.

Напряжение усилил появившийся на экране сигнал, в ответ на который в диспетчерской сразу замигал красный огонек и загудел зуммер. Зуммер умолк, но огонек продолжал мигать. На полутемном экране вдруг возникла так называемая «двуглавка», похожая на дрожащую зеленую гвоздику: она оповещала о том, что где-то самолет терпит бедствие. Это был военный самолет KC-135; находясь высоко над аэропортом, он попал в шторм и запрашивал о срочной посадке. У экрана, на плоской поверхности которого возник сигнал бедствия, работал Кейз Бейкерсфелд; к нему тотчас подключился старший по группе. Оба стали срочно давать указания соответствующим диспетчерам – по внутреннему телефону и другим самолетам – по радио.

Руководитель полетов на верхнем этаже был немедленно поставлен в известность о сигнале бедствия. Он, в свою очередь, объявил ЧП третьей категории и оповестил об этом все наземные службы аэропорта.

Экран, на котором сосредоточилось сейчас всеобщее внимание, представлял собой стеклянный круг величиной с велосипедное колесо, горизонтально вмонтированный в крышку консоли. Стекло было темно-зеленое, и на нем загоралась ярко-зеленая точка, лишь только какой-нибудь самолет появлялся в воздухе в радиусе сорока миль. По мере продвижения самолета передвигается и точка. У каждой точки ставится маленький отметчик из пластмассы. В обиходе отметчики эти называют «козявками», и диспетчеры передвигают их рукой, следуя за продвижением самолета и изменением его положения на экране. Лишь только в поле наблюдения появляется новый самолет, он тут же оповещает о себе по радио и соответственно получает своего отметчика. Новые радарные системы сами передвигают «козявок» – на радарном экране появляется соответствующая буква и указание высоты, на которой идет самолет. Однако новые системы еще не были широко внедрены и, как все новое, имели недостатки, требовавшие устранения.

В этот вечер на экране было необычно много самолетов, и кто-то даже заметил, что зеленые точки плодятся с быстротой муравьев.

Кейз сидел на сером стальном стуле у самого экрана, низко пригнув к нему длинное тощее тело. В его позе чувствовалось предельное напряжение: ноги так крепко обхватили ножки стула, что казалось, приросли к нему. В зеленоватом отблеске экрана его глубоко запавшие глаза были как два черных провала. Всякого, кто хорошо знал Кейза, но не видел его этак с год, поразила бы происшедшая в нем перемена – изменилось все: и внешность, и манера держаться. От прежней мягкости, добродушия, непринужденности не осталось и следа. Кейз был на шесть лет моложе своего брата Мела, но теперь выглядел много старше.

Его коллеги, работавшие с ним в радарной, разумеется, заметили эту перемену. Знали они и ее причину и искренне сочувствовали Кейзу. Однако их работа требовала точности. Вот почему главный диспетчер Уэйн Тевис так пристально наблюдал за Кейзом и видел, как нарастает в нем напряжение. Худой, длинный техасец с медлительной, певучей речью, Тевис сидел в центре радарной на высоком табурете и через плечи диспетчеров, работавших каждый у своего экрана, наблюдал за происходящим. Тевис сам приделал к своему табурету ролики и время от времени разъезжал на нем по радарной точно на лошади, отталкиваясь от пола каблуками сшитых на заказ техасских сапог.

Еще час назад Уэйн Тевис обратил внимание на Кейза и с тех пор не выпускал его из поля зрения. Тевису хотелось быть наготове на случай, если придется срочно заменить Кейза, а инстинкт подсказывал ему, что такая необходимость может возникнуть.

Главный диспетчер был человек добрый, хотя и вспыльчивый. Он понимал, как может подействовать на Кейза такая замена, и ему очень не хотелось к этому прибегать. Но если будет надо, он это сделает.

Не сводя глаз с экрана, находившегося перед Кейзом, Тевис неторопливо протянул:

– Кейз, старина, ведь этот «Браниф» может столкнуться с «Истерном». Надо бы завернуть «Браниф» вправо, тогда «Истерн» может следовать прежним курсом.

Это Кейз должен был заметить сам, но не заметил. Главная проблема, над которой лихорадочно трудилась сейчас вся радарная, заключалась в том, чтобы расчистить путь для военного самолета KC-135, который уже начал спуск по приборам с высоты в десять тысяч футов. Это было нелегко, потому что под большим военным самолетом находились пять гражданских самолетов, круживших на расстоянии тысячи футов друг от друга в ограниченном воздушном пространстве. И все они ждали своей очереди, чтобы приземлиться. А на расстоянии двух-трех миль от них с каждой стороны летели другие самолеты, и еще ниже три самолета уже заходили на посадку. Между ними были оставлены коридоры для взлетов, тоже сейчас забитые

самолетами. И вот среди всех этих машин надо было как-то провести военный самолет. И при нормальных-то условиях это была задача непростая, даже для очень крепких нервов. А сейчас положение осложнялось тем, что на КС-135 отказало радио и связь с пилотом прекратилась.

Кейз Бейкерсфелд включил микрофон:

– «Браниф» восемьсот двадцать девятый, немедленно сверните вправо, направление ноль-девять-ноль.

В такие минуты, как бы сильно ни было напряжение и в каком бы взвинченном состоянии ни находился человек, голос его должен звучать спокойно. А голос Кейза звенел, выдавая волнение. Он заметил, как Уэйн Тевис бросил на него настороженный взгляд. Но на экране приближавшиеся друг к другу огоньки начали расходиться. Пилот «Бранифа» точно выполнил указание. В решающие минуты – а именно такой была эта минута – воздушные диспетчеры благодарили Бога за то, что пилоты быстро и точно выполняли их указания. Они могут возмущаться и даже нередко возмущаются потом вслух по поводу того, что им вдруг изменили курс и они вынуждены были сделать внезапный резкий поворот, так что пассажиры полетели друг на друга. Но если диспетчер говорит: «немедленно», они повинуются, а уже потом спорят.

Через минуту-другую «Браниф», как и «Истерн», летевший на той же высоте, получит новые указания. Но прежде надо дать новый курс двум самолетам «ТВА» – тому, что летит выше, и тому, что летит чуть ниже, – а кроме того, самолетам «Лейк-Сентрал», «Эйр Канада» и «Свиссэр», только что появившимся на экране. Пока КС-135 не пройдет на посадку, все эти самолеты будут летать зигзагами в пределах ограниченного пространства, поскольку ни один из них не должен выйти из своей зоны. В известном смысле это напоминало сложную шахматную игру, только в этой игре все пешки находились на разных уровнях и передвигались со скоростью нескольких сот миль в час. Причем в ходе игры их надо было не только двигать вперед, но и поднимать или опускать – да так, чтобы каждая фигура отстояла от всех других минимум на три мили по горизонтали и на тысячу футов по вертикали и ни одна из них не вылезала за край доски. А пока шла эта опасная игра, тысячи пассажиров сидели в своих воздушных креслах и с нетерпением ждали, когда же наконец завершится их полет.

Стоило напряжению на секунду ослабнуть, и Кейз тотчас вспоминал о пилоте военного самолета – каково-то ему сейчас пробиваться сквозь буран и забитый другими машинами воздух. Наверное, ему очень там одиноко. Таким же одиноким чувствовал себя и Кейз – все люди одиноки, даже в толпе. У пилота есть второй пилот и команда, и у Кейза рядом коллеги – только протяни руку. Но важна не эта близость. Она ничего не значит, когда человек замыкается в своем внутреннем мире, куда никому нет доступа и где он остается один на один со своими воспоминаниями, с пониманием и осознанием происходящего, со своим страхом. Совсем один – с той минуты, как появился на свет, и до самой смерти. Всегда, постоянно один.

Кто-кто, а Кейз Бейкерсфелд знал, как одинок может быть человек.

Кейз дал новый курс самолетам компаний «Свиссэр», «ТВА», «Лейк-Сентрал» и «Истерн». Он услышал, как за его спиной Уэйн Тевис вновь пытался вызвать по радио КС-135. По-прежнему никакого ответа, но сигнал бедствия, посылаемый пилотом КС-135, продолжал мигать на экране. Местонахождение зеленой точки показывало, что пилот четко выполнял указания, которые были даны ему перед тем, как отказало радио. Он, естественно, понимал, что диспетчеры тогда смогут предвидеть его действия. Знал он и то, что радар на земле засечет его местонахождение, и не сомневался, что все другие самолеты будут убраны с его пути.

Военный самолет, насколько было известно Кейзу, вылетел с Гавайских островов, не останавливаясь, заправился в воздухе над Западным побережьем и следовал на воздушную базу Эндрюс близ Вашингтона. Однако западнее срединной линии, перерезающей континент, у него отказал мотор, затем обнаружились неполадки в проводке, побудившие командира самолета принять решение о незапланированной посадке в Смоки-Хилле, штат Канзас. Но взлетно-посадочные полосы на аэродроме в Смоки-Хилле не были очищены от снега, и КС-135 повер-

нули на международный аэропорт Линкольна. Воздушные диспетчеры проложили военному самолету трассу на северо-восток, через Миссури и Иллинойс. А затем, когда он находился милях в тридцати от аэропорта имени Линкольна, заботу о нем принял на себя Кейз Бейкерсфелд. Вот тут-то вдобавок к прочим бедам на самолете отказало еще и радио.

Обычно, в нормальных условиях, военные машины держатся вдали от гражданских аэропортов. Но в такой буран пилот, естественно, запросил о помощи и тотчас получил ее.

В темной тесной радарной было жарко не только Кейзу. Однако ничто в голосе диспетчеров при переговорах с воздухом не выдавало волнения или напряжения. У пилотов и без того хватает забот. Особенно сегодня, когда буран швырял самолеты и приходилось лететь по приборам, при нулевой видимости, а это требовало всего их умения. К тому же многие пилоты находились в воздухе дольше положенного из-за задержек с посадкой самолетов, а теперь летное время у них еще удлинялось.

С каждого диспетчерского поста непрерывным потоком шли по радио приказания: надо было по возможности преградить самолетам доступ в опасную зону. А они ждали, когда наконец им разрешат приземлиться, и число их с каждой минутой все возрастало. Один из диспетчеров тихим напряженным голосом бросил через плечо: *«Чак, у меня тут пожар. Можешь взять на себя «дельту» семь-три?»* Диспетчеры прибегали к таким переброскам, когда чувствовали, что задыхаются и не в состоянии сами справиться. Другой голос: *«Черт!.. У меня своих хватает... Подожди!.. Ладно, беру твою «дельту» на себя».* Секундная пауза. *«Дельта» семь-три, говорит центр наблюдения за воздухом аэропорта Линкольна. Сделайте левый поворот, держитесь направления один-два-ноль. Высота прежняя – четыре тысячи!..»* Диспетчеры всегда старались помочь друг другу. Ведь, может, через несколько минут тебе самому потребуется помощь: *«Эй, следи за этим – вон он подлетает с противоположной стороны. О господи! Прямо как на выезде из города в час пик...»* *«Америкэн» четыре-четыре, держитесь того же курса. Сообщите свою высоту!.. «Люфтганза» взлетела с отклонением от курса. Уберите к черту самолет из зоны прилета!»* Взлетающие самолеты направляли в обход зоны бедствия, а вот прибывающие самолеты приходилось держать в воздухе, теряя на этом драгоценное время. Даже после того как чрезвычайная обстановка разрядится, потребуется больше часа, чтобы ликвидировать пробку в воздухе, – это знали все.

Кейз Бейкерсфелд отчаянно старался сосредоточиться, чтобы держать в памяти свой сектор и все самолеты в нем. Нужно было мгновенно запоминать местонахождение самолетов, их опознавательные знаки, типы, скорость, высоту полета, последовательность посадки – словом, диаграмму, в которой непрерывно происходили изменения и конфигурация которой ни на секунду не застывала. И в более-то спокойные времена напряжение не покидает диспетчера, сегодня же, в такой буран, мозг и вовсе работал с предельной нагрузкой. Самое страшное – «потерять картинку», а такое может случиться, если усталый мозг взбунтуется, и тогда все исчезнет. Время от времени это и случалось – даже с самыми лучшими работниками.

А Кейз был одним из лучших. Еще год назад именно к нему обращались коллеги, когда перенапряжение выводило их из игры: *«Кейз, тону. Можешь выручить на несколько минут?»* И он всегда выручал.

Но в последнее время роли переменялись. Теперь коллеги помогали ему, сколько могли, хотя, конечно, есть предел помощи, которую один человек может оказать другому без ущерба для своей работы.

Тем временем надо было давать по радио новые указания. А Кейз был предоставлен самому себе: Тевис вместе со своим высоким табуретом переехал на другой конец комнаты, чтобы проверить другого диспетчера. Мозг Кейза отщелкивал решения: *«Завернуть «Браниф» влево, «Эйр Канада» – вправо, «Истерну» – изменить курс на сто восемьдесят градусов».* Приказание были тотчас выполнены: на экране радара светящиеся точки перестроились. *«Самолет «Лейк-Сентрал» менее скоростной, с ним дело терпит, «Свиссэр» – реактивный: может*

столкнуться с «Истерном». Надо дать «Свиссэр» новый курс, и немедленно – но какой? Да думай же скорее! Завернуть вправо на сорок пять градусов – только на минуту, потом снова выпрямить курс. Не забывай о «ТВА» и «Ориент»! Появился новый самолет, идет с запада на большой скорости – опознавай, находи ему место. Думай, думай!»

Стиснув зубы, Кейз мрачно твердил про себя: «Только не потерять сегодня картинку, только не потерять сейчас, только не потерять».

Боязнь именно сегодня «потерять картинку» объяснялась одним обстоятельством – тайной, о которой не знал никто, даже его жена Натали. Лишь Кейз – один лишь Кейз – знал, что сегодня он в последний раз сидит перед экраном и несет вахту. Сегодня последний день его работы в пункте наблюдения за воздухом, и скоро этот день подойдет к концу.

А затем подойдет к концу и его жизнь.

– Передохните, Кейз, – послышался голос руководителя полетов.

Кейз не заметил, как он вошел. Он бесшумно возник в комнате и сейчас стоял возле Уэйна Тевиса.

Минуту назад Тевис спокойно сказал руководителю полетов:

– По-моему, Кейз в полном порядке. Был момент, когда я волновался за него, но он вроде сдюжил.

Тевис был рад, что ему не пришлось прибегать к крайней мере и заменять Кейза. Но руководитель полетов тихо сказал:

– Надо все-таки дать ему передышку. – И, подумав, добавил: – Я сам ему скажу.

Кейзу достаточно было одного взгляда на этих двоих, чтобы понять, почему ему дают передышку. Обстановка не разрядилась, и они боялись, что он не справится. Вот и решили сменить его, хотя ему положено было отдыхать лишь через полчаса. Отказаться? Ведь для диспетчера его класса это оскорбление, тем более что все, конечно, заметят. А потом он подумал: ну чего ради поднимать шум? Не стоит. К тому же десятиминутный перерыв поможет ему прийти в себя. За это время ЧП будет ликвидировано, он вернется и спокойно доведет смену до конца.

Уэйн Тевис нагнулся к нему.

– Ли сменил вас, Кейз. – И подозвал диспетчера, только что вернувшегося после положенного по графику перерыва.

Кейз молча кивнул, но продолжал оставаться на месте и давать по радио инструкции самолетам, пока его сменщик «запоминал картинку». На передачу дел одним диспетчером другому уходило обычно несколько минут. Заступающий должен был изучить расположение точек на экране и как следует запомнить обстановку. Кроме того, он должен был соответствующим образом настроиться, напрячься.

Это умение напрячься – напрячься намеренно и сознательно – было особенностью их профессии. Диспетчеры говорили: «Надо обостриться», – и Кейз за пятнадцать лет работы в службе наблюдения за воздухом постоянно видел, как это происходило с ним самим и с другими. «Надо обостриться», потому что без этого нельзя приступать к работе. А в другое время действовал рефлекс – скажем, когда диспетчеры ехали вместе в аэропорт на служебном автобусе. Отъезжая от дома, все свободно, непринужденно болтали. На небрежно брошенный кем-нибудь вопрос: «Пойдешь играть в кегли в субботу?» – следовал столь же небрежный ответ: «Конечно» или: «Нет, на этой неделе не смогу». Однако по мере приближения к аэропорту беседа становилась все менее оживленной, и на этот же вопрос в четверти мили от аэропорта уже отвечали лишь коротко: «Точно» или: «Исключено», а то и вовсе ничего.

Наряду с умением обострять мысли и чувства от диспетчера требовались еще и собранность и железное спокойствие. Эти два требования, трудно совместимые в одном человеке, изнурили нервную систему и в конечном счете разрушали здоровье. У многих диспетчеров развивалась язва желудка, что они тщательно скрывали, боясь потерять работу. По этим сооб-

ражениям они лечились у частных врачей, которым платили сами, вместо того чтобы пользоваться бесплатной медицинской помощью, предоставляемой авиакомпаниями. Они прятали бутылки с маалоксом – средством от повышенной кислотности – в своих шкафчиках и во время перерыва втихомолку потягивали белую сладкую жидкость.

Сказывалось это и в другом. Иные диспетчеры, Кейз Бейкерсфелд знал таких, распускались дома, становились мелочными, придирчивыми и, чтобы хоть немного расслабиться после дежурства, устраивали сцены – «для разрядки». Если еще добавить то, что работали они по сменам и часы отдыха у них все время менялись – а это чрезвычайно осложняло семейную жизнь, – нетрудно себе представить результат. У воздушных диспетчеров был длинный список разрушенных семей и большой процент разводов.

– О'кей, – сказал диспетчер, заступавший на место Кейза, – я готов.

Кейз слез с кресла и снял наушники, а его коллега надел их. И, еще не успев как следует усесться, стал давать указания самолету «ТВА».

Руководитель полетов сказал Кейзу:

– Брат просил передать вам, что, наверное, заглянет позже.

Кейз кивнул и вышел из радарной. Он не обиделся на руководителя полетов – ведь ему приходилось отвечать за все – и был сейчас даже рад, что не стал возражать и воспользовался предложенной передышкой. Больше всего на свете Кейзу хотелось закурить сигарету, глотнуть кофе и посидеть одному. Рад был он и тому, раз уж так получилось, что не ему придется возиться с этим ЧП. Слишком много было у него на счету этих ЧП, чтобы жалеть, что не он распутает еще и этот узел.

В международном аэропорту Линкольна, как и в любом крупном аэропорту, ЧП возникали по нескольку раз в день. Это могло произойти в любую погоду – не только в такой буран, как сегодня, а при голубых небесах. Когда случалось ЧП, о нем узнавали лишь немногие, потому что, как правило, ЧП завершались благополучно и даже пилотам в воздухе далеко не всегда сообщали, почему тому или иному самолету не дают посадки или вдруг велют изменить курс. Во-первых, им вовсе и не обязательно было об этом знать, а во-вторых, не было времени давать по радио объяснения. Зато наземные службы – аварийные команды, скорая помощь и полиция, а также руководство аэропорта – немедленно оповещались и принимали меры в зависимости от категории бедствия. Первая категория была самой серьезной и в то же время самой редкой, поскольку бедствие первой категории означало, что самолет разбился. Вторая категория означала наличие опасности для жизни или серьезных повреждений. Третья категория, объявленная сейчас, являлась просто предупреждением: соответствующие службы аэропорта должны быть наготове, их услуги могут понадобиться. А вот для диспетчеров ЧП любой категории означало дополнительное напряжение со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кейз вошел в гардеробную, примыкавшую к радарной. Сейчас, получив возможность спокойно размышлять, он от души пожелал, чтобы пилот КС-135 и все другие пилоты, находившиеся сегодня в воздухе, благополучно приземлились, несмотря на буран.

В гардеробной, маленькой квадратной комнатке с одним-единственным окном, вдоль трех стен стояли металлические шкафчики, а посередине – деревянная скамья. У окна висела доска для объявлений, на которой были небрежно наляпаны официальные бюллетени и оповещения различных комиссий и общественных организаций аэропорта. Свет голой лампочки, свисавшей с потолка, казался ослепительно ярким после полутьмы радарной. В гардеробной никого больше не было, и Кейз выключил электричество. На крыше башни стояли прожекторы, и в комнату проникало достаточно света.

Кейз закурил сигарету. Потом открыл свой шкафчик и достал пластмассовое ведерко, куда Натали укладывала ему завтрак. Наливая из термоса кофе, он подумал: интересно, вложила ли она ему в завтрак записку, а если не записку, то какую-нибудь вырезку из газеты или журнала. Натали частенько это делала – иной раз что-то одно, а иной раз и то, и другое, должно

быть, в надежде развлечь его. Она много думала об этом с тех пор, как с ним случилась беда. Сначала она прибегала к простейшим способам, а потом, видя, что это не помогает, к более сложным, хотя Кейз неизменно понимал – и это не трогало его, но и не раздражало, – зачем Натали так поступает и чего она добивается. Впрочем, последнее время записки и вырезки стали появляться реже.

Должно быть, и Натали в конце концов отчаялась. Она уже не находила для него слов, а по ее покрасневшим глазам он понимал, что она частенько плачет.

Когда Кейз заметил это, ему захотелось ей помочь. Но как, если он не в состоянии помочь самому себе?

Фотография Натали была приклеена к дверце его шкафчика с внутренней стороны – цветная фотография, снятая самим Кейзом. Он принес ее сюда три года назад. Сейчас при свете, падавшем из окна, на ней почти ничего нельзя было различить, но он так хорошо знал ее, что ему не требовалось яркого освещения.

На фотографии Натали была в купальном костюме. Она сидела на скале и смеялась, приложив тонкую красивую руку к глазам, чтобы защитить их от солнца. Ее светло-каштановые волосы были отброшены назад, на маленьком задорном личике виднелись веснушки, неизменно выступавшие летом. Вообще Натали Бейкерсфелд была похожа на шаловливую, своевольную дриаду, но в то же время в ней чувствовалась сила воли, и аппарат зафиксировал и то, и другое. Она сидела на фоне синего озера, скал и высоких елей. Кейз и Натали отправились тогда на машине в Канаду и проводили отпуск на Халибертонских озерах, впервые оставив своих детей Брайана и Тео в Иллинойсе с Мелом и Синди. Впоследствии оба вспоминали об этом отпуске как о самых счастливых днях своей жизни. Пожалуй, именно сегодня, подумал Кейз, стоит еще раз вспомнить об этом.

Из-за фотографии торчала сложенная бумажка. Это была одна из записок, которую Натали сунула ему как-то в завтрак. Было это месяца два-три назад, но почему-то он решил ее сохранить. И хотя Кейз наизусть знал содержание записки, он достал ее сейчас и подошел к окну, чтобы прочесть. Это была вырезка из журнала, а под ней – несколько строк, приписанных рукой жены.

Натали многим интересовалась, иногда вещами совершенно неожиданными, и неизменно пыталась приобщить к кругу своих интересов Кейза и мальчиков. Вырезка касалась экспериментов, проводимых американскими генетиками. В ней говорилось о том, что можно замораживать человеческую сперму. При низкой температуре она сохраняется бесконечно долго, совершенно не утрачивая своих свойств. Затем ее можно оттаять и использовать для оплодотворения женщины в любое время – и в наши дни, и через несколько поколений.

Натали под этим приписала:

Ковчег мог бы быть вдвое меньше, если б Ною
Был известен способ замораживания сперматозоид.
Оказывается, можно иметь сколько хочешь детей.
Лишь бы в холодильнике был мороз посильней.
Я рада, что наши
Родились от папаши и мамыши.
Я счастлива, милый, что нежность и страсть
Имеют над нами по-прежнему власть.

Тогда она еще пыталась – отчаянно пыталась – вернуть их жизнь в прежнее русло... склеить ее, склеить семью... чтобы было так, как раньше. *Чтобы нежность и страсть имели над нами по-прежнему власть.*

В эту борьбу включился и Мел, пытаясь вместе с Натали вырвать брата из пучины тоски и депрессии, которая все больше засасывала его.

И что-то в душе Кейза поддалось, откликнулось. В глубине его сознания зажглась искорка воли, он пытался найти в себе силы и выйти с помощью близких из своего оцепенения, ответить любовью на любовь. Но ничего не получилось. Не получилось – впрочем, он знал, что не получится, – потому что в нем не осталось ни чувств, ни эмоций. Он не мог разжечь в себе ни тепла, ни любви, ни даже злости. Только пустота, самобичевание и всеобъемлющее отчаяние.

Теперь, видимо, и Натали почувствовала всю тщету своих усилий – он был уверен, что это так. Наверное, потому она и плачет украдкой.

А Мел? Должно быть, и Мел тоже от него отступился. Хотя, видимо, еще не совсем – Кейз вспомнил, что сказал ему руководитель полетов: «Ваш брат просил передать вам, что, наверно, заглянет позже».

Было бы куда проще, если бы Мел этого не делал. Кейз почувствовал, что ему сейчас не по силам эта встреча, хотя всю жизнь они были очень близки – как только могут быть близки братья. Приход Мела может все осложнить.

А Кейз слишком выдохся, слишком устал, чтобы вынести новые осложнения.

Он снова подумал: интересно, вложила ли Натали сегодня записку в его завтрак? И, надеясь, что вложила, стал осторожно вынимать еду.

Сандвичи с ветчиной и салатом, коробочка с деревенским сыром, груша, оберточная бумага. И больше ничего.

Теперь, когда он знал, что никакой записки нет, ему отчаянно захотелось, чтобы она была, любая записка, пусть даже совсем пустячная. Потом он вдруг вспомнил: ведь он же сам виноват, что ее нет, у Натали просто не было времени что-либо написать. Ему нужно было сегодня успеть кое-что сделать до работы, и он уехал из дома раньше обычного. Натали заранее он не предупредил, и ей пришлось в спешке готовить ему еду. В какую-то минуту он даже заявил, что ему вообще ничего не нужно; можно ведь позавтракать в одном из аэропортовских кафетериев. Но Натали, зная, что в кафетериях обычно многолюдно и шумно, а Кейз этого терпеть не может, сказала: «Нет», – и быстро что-то ему приготовила. Она не спросила его, почему он уезжает раньше обычного, хотя он понимал, что это не могло не заинтересовать ее. Но, к счастью для Кейза, вопроса не последовало. Если бы она спросила, ему пришлось бы что-то выдумать, а ему не хотелось в эти последние часы ей лгать.

Времени у него хватило на все. Он приехал в район аэропорта и снял номер в гостинице «О'Хейген», который забронировал раньше по телефону. Он все тщательно рассчитал и продумал еще много недель назад, но не осуществлял своего плана, решив хорошенько поразмыслить, прежде чем приступать к его выполнению. На минуту заглянув к себе в номер, Кейз тут же вышел из гостиницы и прибыл в аэропорт как раз к началу дежурства.

Гостиница «О'Хейген» находилась в нескольких минутах езды от аэропорта. Через два с небольшим часа смена Кейза окончится, и он быстро доберется туда. Ключ от номера лежал у него в кармане, и Кейз вынул его, чтобы удостовериться, что он на месте.

Глава 10

Сообщение, полученное Мелом Бейкерсфелдом от руководителя полетов о том, что медуовудцы задумали устроить митинг, оказалось верным.

Этот митинг в зале воскресной школы при медуовудской баптистской церкви – в пятнадцати секундах лета на реактивном самолете, поднявшемся с полосы два-пять, – шел уже полчаса. Начался он позже, чем предполагалось, так как почти всем присутствовавшим – а их собралось человек шестьсот, не считая детей, – пришлось с большим трудом, пешком или на автомобилях, прокладывать себе путь по глубокому снегу. Но так или иначе, они явились.

Это было весьма смешанное сборище, типичное для таких мест, где живут люди не очень большого достатка – преимущественно чиновники средней руки, ремесленники и местные торговцы. Были тут и мужчины, и женщины, в большинстве своем – ведь это была пятница, начало уикенда – одетые кое-как. Исключение составляли лишь полдюжины посторонних да несколько репортеров.

Народу в зале воскресной школы набилось много – стало душно, в воздухе висел дым. Все стулья были заняты, и еще человек сто, а то и больше стояли.

Уже одно то, что столько людей покинули теплый дом и пришли сюда в такую непогоду, достаточно ясно свидетельствовало об их заинтересованности и тревоге. А кроме того, все они были разъярены до предела.

Их ярость – столь же ощутимая в зале, как табачный дым, – питалась двумя источниками. Во-первых, у медоувудцев давно уже накопилось раздражение против аэропорта, который день и ночь обрушивал на их крыши и барабанные перепонки оглушительный грохот, нарушавший мир и покой, не дававший ни спать, ни бодрствовать. А во-вторых, этот грохот раздражал их и сейчас, когда на протяжении почти всего митинга собравшиеся то и дело не слышали друг друга.

Правда, они были подготовлены к тому, что так будет. Собственно, из-за этого и созывался митинг и был взят напрокат из церкви переносной микрофон. Однако никто не предполагал, что в этот вечер самолеты будут взлетать как раз над их головой, выводя из строя и человеческие уши, и микрофон. Объяснялось это – о чем собравшиеся не знали, да и не желали знать – тем, что на полосе три-ноль застрял «Боинг-707» и другим самолетам приходилось пользоваться полосой два-пять. А эта полоса была, как стрела, нацелена на Медоувуд; самолеты же, взлетающие с полосы три-ноль, проходили не над самым городком, а стороной.

В наступившем на миг молчании председатель митинга, красный как рак, заорал что было мочи:

– Леди и джентльмены, вот уже много лет мы пытаемся договориться с руководством аэропорта и авиакомпаний. Мы неоднократно отмечали, что аэропорт нарушает мир наших очагов. Мы доказывали с помощью сторонних, незаинтересованных свидетелей, что нормальная жизнь при том звуковом вале, который на нас обрушивают, невозможна. Мы говорили, что наша психика находится под угрозой, что наши жены, наши дети и мы сами живем на грани нервного расстройства, и многие уже страдают от него.

Председателя, лысеющего мужчину с квадратной челюстью, медоувудского домовладельца и управляющего книгопечатной фирмой, звали Флойд Занетта. Ему было под шестьдесят, и он играл довольно видную роль в делах общины.

Он стоял на небольшом возвышении в конце зала, а рядом с ним сидел безукоризненно одетый мужчина помоложе. Это был Эллиот Фримантл, адвокат. У ног его стоял раскрытый черный кожаный портфель.

– Что же делают аэропорт и авиакомпании? – продолжал Занетта. – Я сейчас скажу, что они делают. Они притворяются – притворяются, будто слушают нас. И дают лживые обещания – одно за другим, хотя вовсе не собираются их выполнять. И руководство аэропорта, и Федеральное управление авиации, и авиакомпании – все они лгуны и обманщики...

Слова «обманщики» уже никто не слышал.

Оно потонуло в расколовшем воздух грохоте, который, нарастая в немыслимом крене, достиг поистине чудовищной силы – казалось, чья-то гигантская рука схватила здание и сотрясла его. Многие из сидевших в зале зажали уши руками. Несколько человек боязливо метнули взгляд на потолок. Другие, возмущенно сверкая глазами, принялись что-то горячо обсуждать с соседями, хотя лишь человек, умеющий читать по губам, мог бы их понять, ибо ни одного слова не было слышно. Кувшин с водой на столе у председателя покачнулся и, не подхвати его Занетта, неминуемо упал бы на пол и разбился.

Звук затих почти так же стремительно, как возник. Самолет «Пан-Америкэн», вылетевший рейсом пятьдесят восемь, был уже далеко, на расстоянии нескольких тысяч футов от земли, и продолжал забираться все выше и выше, пробиваясь сквозь буран и мглу к ясным высям, где он ляжет на курс, чтобы лететь во Франкфурт, в Германию. А за ним по полосе двадцать пять, высвобожденной для взлетов – над Медоувудом, – уже катил самолет «Континентл эйрлайнз», рейс двадцать три, направлявшийся в Денвер, штат Колорадо. На соседней рулежной дорожке стояли цепочкой самолеты, дожидаясь своей очереди на взлет.

Так было весь вечер – еще до того, как начался митинг, и теперь медоувудцам, чтобы довести дело до конца, приходилось пользоваться краткими перерывами между оглушительным шумом то и дело взлетающих самолетов.

Пользуясь паузой, Занетта стремительно продолжал:

– Так вот, я сказал, что они лгуны и обманщики. Все, что происходит здесь сейчас, убедительно свидетельствует об этом. Они обязаны хотя бы принимать меры по приглушению звука, но сегодня даже это...

– Господин председатель, – послышался женский голос из глубины зала, – все это мы уже слышали. Мы это знаем, и, сколько ни повторяй, ничего от этого не изменится. – Все взоры обратились к говорившей, которая уже поднялась с места. У нее было энергичное умное лицо; прядь длинных, до плеч, каштановых волос упала ей на лоб, но молодая женщина нетерпеливым жестом отбросила ее назад. – А я, как и все остальные, хочу знать, что мы все-таки можем сделать и на что мы можем рассчитывать?

Раздался взрыв аплодисментов и одобрительные возгласы.

– Будьте любезны, дайте мне закончить... – раздраженно сказал Занетта.

Но ему это не удалось.

Снова оглушительный грохот обрушился на воскресную школу.

Это вышло так смешно, что все расхохотались – впервые за вечер. Даже председатель криво усмехнулся и беспомощно развел руками.

Как только грохот утих, чей-то мужской голос сварливо буркнул:

– Да продолжайте же!

Занетта кивнул. И продолжал свою речь, выбирая паузы между взрывами грохота, совсем как альпинист, перескакивающий со скалы на скалу. Жители Медоувуда, заявил он, должны отбросить деликатность и попытки договориться с руководителями аэропорта, воззвав к их разуму. Пора перейти в атаку, опираясь на закон. В конце концов, жители Медоувуда – граждане США и обладают определенными правами, которые сейчас попираются. Чтобы отстоять их, надо обратиться в суд, следовательно, медоувудцы должны быть готовы вести борьбу в суде – борьбу упорную, даже, если потребуется, жестокую. Что же до тактики, то, по счастью, мистер Эллиот Фримантл, известный юрист, хотя его контора и находится далеко отсюда, в городе, согласился присутствовать на нашем собрании. Мистер Фримантл хорошо знаком с законами о превышении шума, нарушении спокойствия и правильном использовании воздушного пространства, и очень скоро те, кто невзирая на буран пришел на собрание, будут иметь удовольствие услышать этого уважаемого джентльмена. Собственно говоря, он прибыл сюда с готовым предложением.

Слушая эти стереотипные фразы, Эллиот Фримантл ерзал на стуле. Он легонько провел рукой по своим аккуратно подстриженным седеющим волосам, пощупал, тщательно ли выбриты подбородок и щеки – а он брился за час до собрания, – и его острый нюх подтвердил, что запах дорогого одеколона, который он всегда употреблял после бритья и облучения кварцем, все еще ощущается. Закинув ногу на ногу, он полюбовался двухсотдолларовыми блестящими ботинками из крокодиловой кожи и провел рукой по складке брюк своего твидового костюма, сшитого на заказ. Эллиот Фримантл давно обнаружил, что клиенты предпочитают процветающих юристов – и не процветающих врачей. Если юрист выглядит процветающим,

значит, он умеет добиваться успеха в суде, а ведь как раз успеха и жаждут те, кто затевает тяжбу.

Именно на это и рассчитывал Эллиот Фримантл: он надеялся, что бо́льшая часть присутствующих скоро обратится в суд и что он будет представлять их там. А пока он с нетерпением дождался той минуты, когда эта старая курица Занетта перестанет кудахтать, усядется наконец на место и он, Фримантл, возьмет слово. Легче всего потерять доверие аудитории или присяжных, если дать им время поразмыслить и догадаться, о чем ты будешь говорить, прежде чем ты раскрыл рот. Остро отточенная интуиция подсказала Фримантлу, что именно это сейчас и происходит. А значит, придется потрудиться больше обычного, чтобы утвердить свою компетентность и превосходство своего интеллекта.

Собственно говоря, кое-кто из коллег мог бы поставить под сомнение превосходство интеллекта Эллиота Фримантла. Они, пожалуй, могли бы даже возразить, когда председатель назвал его джентльменом.

Коллеги-юристы склонны были порой считать Фримантла эксгибиционистом, добивавшимся высоких гонораров главным образом благодаря врожденному умению подать себя и привлечь к себе внимание. Все, правда, соглашались с тем, что у него был завидный нюх, позволявший откапывать выгодные дела, которые вызывали потом много шума.

Ситуация в Медоувуде возникла словно по заказу для Эллиота Фримантла.

Он где-то прочел о проблеме, вставшей перед населением этого городка, и попросил знакомых порекомендовать его кому-нибудь из домовладельцев как единственного юриста, способного им помочь. В результате комитет домовладельцев обратился к нему, и то обстоятельство, что они нашли его, а не он их, дало ему психологическое преимущество, на которое он и рассчитывал. Готовясь к встрече с медоувудцами, он полистал законы и последние решения судов, связанные с проблемой шума и нарушения спокойствия – а надо сказать, что этот вопрос был для него абсолютно новым, – и когда представители комитета прибыли к нему, он уже говорил с ними уверенно, как человек, посвятивший этой проблеме всю жизнь.

Через некоторое время он предложил им план действий, что и привело к данному собранию и его появлению на нем.

Слава богу, кажется, Занетта завершает свое многословное вступление. Оставаясь до конца банальным, он изрек:

– Итак, я имею честь и удовольствие представить вам...

Не успел Занетта произнести его имя, как Эллиот Фримантл вскочил на ноги. И начал говорить еще до того, как тот опустил свой зад на стул. По своему обыкновению, адвокат обошелся без вступления.

– Если вы ждете от меня сочувствия, можете сразу уходить, потому что его не будет. Вы не услышите от меня ни слова сочувствия ни сегодня, ни при других наших встречах, если таковые состоятся. Я не из тех, кто поставляет носовые платки для слез, потому, если они вам нужны, запаситесь ими сами или подарите их друг другу. Мой бизнес – закон. Закон, и только закон.

Он говорил намеренно резко и знал, что шокирует их, но именно этого он и добивался.

Он заметил, что репортеры подняли на него глаза и обратились в слух. Их было трое за столиком возле президиума, отведенном для прессы: двое молодых людей из крупных ежедневных городских газет и пожилая дама из местного еженедельника. Все трое были ему нужны, и он позаботился о том, чтобы узнать их имена и еще до собрания перекинуться с ними несколькими словами. И вот карандаши уже забегали по бумаге. Отлично! Эллиот Фримантл при осуществлении любого из своих проектов неизменно высоко ставил сотрудничество с прессой и по опыту знал, что легче всего достичь расположения газетчиков, дав им материал для живого рассказа. Обычно это ему удавалось. Газетчики ценили это куда больше, чем бесплатную выпивку и еду, и чем живее и колоритнее было дело, тем благоприятнее пресса отзывалась о нем.

Чуть поубавив агрессивности, Фримантл продолжал:

– Если мы решим, что я буду представлять ваши интересы, мне придется задать вам ряд вопросов – о влиянии шума на ваш дом, ваши семьи, ваше физическое и моральное состояние. Но не думайте, что я стану задавать вам эти вопросы, потому что меня волнует ваша участь. Честно говоря, нисколько. Пора вам узнать, что я чрезвычайно эгоистичен. Если я стану задавать вам эти вопросы, то лишь затем, чтобы выяснить, насколько велик с точки зрения закона нанесенный вам ущерб. А я уже сейчас убежден в том, что известный ущерб вам нанесен – быть может, даже значительный, и, следовательно, по закону вы имеете право на компенсацию. Однако каких бы ужасов вы мне ни наговорили, я не лишусь сна: благополучие моих клиентов не интересует меня за пределами моей конторы и суда. Но... – Фримантл сделал тут эффектную паузу и выбросил палец вперед, как бы подчеркивая свои слова. – Но у меня в конторе и в суде вам как моим клиентам я отдам максимум внимания и умения во всем, что касается правовых вопросов. И в этом отношении, если мы, конечно, будем работать вместе, обещаю, что вы будете рады иметь меня на своей стороне, а не на стороне противника.

Теперь Фримантл уже завладел вниманием всего зала. Мужчины и женщины подались вперед на своих стульях, стараясь не пропустить ни одного его слова, хотя ему все же пришлось сделать паузу, пока пролетал самолет. Но были и такие – правда, их оказалось немного, – на чьих лицах появилось выражение враждебности. Фримантл почувствовал, что надо сбавить тон. Он позволил себе растянуть губы в быстрой, мгновенно гаснущей улыбке и, снова став серьезным, продолжал:

– Я сообщаю вам об этом для того, чтобы мы лучше понимали друг друга.

Несколько человек закивали и заулыбались.

– Конечно, если вы хотите нанять более симпатичного малого, который выдаст вам вагон сочувствия, но, быть может, не так уж разбирается в законах, – Эллиот Фримантл пожал плечами, – это ваше дело.

Фримантл внимательно следил за аудиторией и увидел, как солидный мужчина в роговых очках наклонился к сидевшей рядом с ним даме и что-то прошептал. По выражению их лиц Фримантл догадался, что мужчина сказал: «Вот это похоже на дело! Именно это мы и хотели услышать».

Эллиот Фримантл, по обыкновению, сумел весьма точно оценить настроение собравшихся и рассчитал, как ему себя вести. Он сразу понял, что эти люди устали от общих фраз и изъявлений сочувствия – благожелательных, но малоэффективных. Его же слова, грубоватые и резкие, действовали как холодный, отрезвляющий душ. Теперь, не давая им передышки, чтобы не рассеивалось внимание, надо перейти к иной тактике. Настало время оперировать фактами, привести этим людям положения закона о борьбе с шумом. Чтобы удержать внимание аудитории – а Эллиот Фримантл хорошо знал правила игры, – надо говорить быстро, так, чтобы слушатели еле успевали осознать сказанное, но в то же время могли, хоть и не без напряжения, следить за логикой речи.

– Внимание! – скомандовал он. – Сейчас я буду говорить о специфике вашей проблемы.

Закон о борьбе с шумом, объявил он, непрерывно изучается судами страны. Меняются старые концепции. Согласно новым судебным постановлениям, чрезмерный шум может рассматриваться как нарушение спокойствия и попрание прав собственности. Более того, суды склонны налагать запреты и штрафы в тех случаях, когда такое нарушение прав, включая чрезмерный шум от самолетов, может быть доказано.

Эллиот Фримантл помолчал, пока не стих возникший над головой грохот, и поднял руку:

– Я думаю, вам не составит труда доказать это здесь.

Карандаши всех трех репортеров за столиком прессы забегали по бумаге.

В Верховном суде США, продолжал Фримантл, уже был такой прецедент. В деле «США против Каузби» суд постановил, что фермер из Гринсборо, штат Северная Каролина, имеет

право на компенсацию, поскольку военные самолеты низко пролетают над его домом и «вторгаются» в пределы его собственности. Сообщая о решении по «делу Каузби», судья Уильям О’Дуглас заявил: «...если мы хотим, чтобы землевладелец не только пользовался своей землей, но и получал от нее удовольствие, он должен иметь право исключительного контроля и над окружающей атмосферой». Тот же принцип был положен в основу и при рассмотрении в Верховном суде другого дела – «Григгс против графства Аллегени». В штатах Орегон и Вашингтон, где соответственно рассматривались дела «Сорнберг против портлендского аэропорта» и «Мартин против аэропорта Сиэтл», были приняты решения о возмещении ущерба за нарушение закона о борьбе с шумом, хотя самолеты и не пролетали непосредственно над домами истцов. Есть и другие города и поселки, которые либо уже подали, либо собираются подавать в суд, причем некоторые для подкрепления своих жалоб пользуются магнитофонными записями и киносъемкой. На магнитофонной пленке фиксируется уровень шумов, и кинокамеры запечатлевают, на какой высоте летел самолет. Дело в том, что шум нередко оказывается сильнее, а высота полета ниже, чем утверждают руководители аэропорта и авиакомпании. В Лос-Анджелесе, например, один домовладелец подал в суд на лос-анджелесский международный аэропорт; он заявил, что, сажая самолеты на полосу, которую недавно протянули чуть ли не до самого его дома, руководство аэропорта обесценило его собственность без всяких на то законных прав. Домовладелец требовал десять тысяч долларов компенсации за нанесенный ущерб. Словом, в суды поступает все больше и больше такого рода дел.

Речь Фримантла была краткой и впечатляющей. Когда он упомянул конкретную сумму – десять тысяч долларов, – это, как он и рассчитывал, еще больше разожгло интерес аудитории. Слова его звучали авторитетно, убедительно и казались основанными на многолетнем опыте. Только сам Фримантл знал, что все эти «факты» почерпнуты из вырезок одной городской газеты, в картотеке которой он провел вчера два часа.

Были, однако, факты, о которых он умолчал. Решение Верховного суда по поводу фермера Каузби было вынесено двадцать лет назад, и общий ущерб составил смехотворную сумму – семьсот тридцать пять долларов, иными словами, стоимость погибших от шума кур. Жалоба лос-анджелесского домовладельца до сих пор в суде не рассматривалась и, возможно, никогда не будет рассмотрена. Зато о гораздо более важном деле – «Бэттен против США», по которому Верховный суд принял решение в 1963 году, Эллиот Фримантл намеренно умолчал. А суд тогда постановил, что к слушанию будут приниматься лишь те дела, где речь идет о «физическом вторжении в пределы собственности», шум же не является таковым. И поскольку в Медоувуде никакого физического вторжения в пределы частной собственности не было, то исходя из дела Бэттена можно было сделать вывод, что в данном случае обращение в суд обречено на провал.

Однако Фримантл вовсе не собирался делать эти факты достоянием гласности – во всяком случае, до поры до времени; данного юриста вообще не слишком волновал вопрос о том, будет или не будет дело медоувудцев выиграно в суде. Ему нужно было одно: заполучить их в качестве клиентов, и притом за максимальный гонорар.

С этой целью он уже подсчитал число присутствующих и мысленно произвел кое-какие арифметические выкладки. Результат окрылил его.

Из шестисот человек, находящихся в зале, человек пятьсот, а то и больше – домовладельцы. Если учесть, что здесь сидят не только мужья, но и жены, значит, он может рассчитывать как минимум на двести пятьдесят клиентов. Далее: если каждый из них подпишет соглашение, в соответствии с которым он, Фримантл, будет представлять интересы этого клиента за гонорар в сто долларов – а Эллиот Фримантл надеялся, что до конца вечера сумеет это проверить, – то общая сумма вознаграждения может составить свыше двадцати пяти тысяч долларов.

Ему уже не раз удавались такие трюки. Просто удивительно, чего можно добиться при известной напористости, особенно когда люди накалены и жаждут настоять на своих правах. В портфеле у него лежала довольно солидная пачка бланков следующего содержания:

Настоящее соглашение между... именуемым(ми) отныне истцом(ами), и Фримантлом и Саем, юристами... которые берут на себя представительство законных интересов истца(ов) по делу об ущербе, наносимом самолетами, базирующимися в международном аэропорту Линкольна... составлено в том, что истец(цы) согласен(ны) выплатить указанным Фримантлу и Саю 100 долларов, в четыре приема по 25 долларов, с внесением первого взноса немедленно и выплатой остатка поквартально... По успешном завершении тяжбы Фримантл и Сай получают 10 процентов от общей суммы штрафа, выплаченного истцу(ам) за нанесение ущерба...

Эти десять процентов были вставлены на всякий случай, поскольку едва ли удалось бы добиться какого-либо возмещения. Однако в юриспруденции тоже случаются порой странные вещи, а Эллиот Фримантл старался предусмотреть все.

– Я информировал вас о существующих законах, – сказал он. – Теперь я намерен дать вам один совет. – И он озарил аудиторию одной из своих редких улыбок, которая вспыхнула и тотчас погасла. – Этот совет будет бесплатным, совсем как рекламный тюбик зубной пасты, но за каждый последующий тюбик уже придется платить. – Раздался смех, который он резко оборвал мановением руки. – Совет мой заключается в том, что время не ждет, пора действовать. И действовать немедленно. – Это вызвало аплодисменты и еще большее одобрение. – Некоторые, – продолжал Фримантл, – склонны считать, что процедура закона отнимает слишком много времени и растягивается до бесконечности. Нередко это действительно так, но при наличии решимости и хорошего знания законов судопроизводство можно ускорить. В данном случае необходимо немедленно подавать в суд, иначе аэропорт и авиакомпании смогут сослаться на то, что самолеты взлетают над Медоувудом уже несколько лет и в шуме, который они производят, нет ничего необычного. – В эту минуту, словно для придания большей весомости его словам, очередной самолет с грохотом поднялся в воздух. Перекрывая шум, Эллиот Фримантл крикнул: – Повторяю: я советую вам больше не ждать! Решение должно быть принято сегодня. Сейчас!

Моложавый мужчина в пиджаке из альпаки и спортивных брюках, сидевший в одном из передних рядов, вскочил на ноги.

– Скажите же, с чего начать!

– Для начала, если хотите, можете нанять меня представителем ваших законных интересов.

Двести – триста голосов разом ответили:

– Да, хотим.

Теперь, в свою очередь, на ноги вскочил председатель и поднял руку, требуя тишины. Он был явно доволен. Репортеры с интересом наблюдали за возбужденной аудиторией.

Сработало – как и рассчитывал Эллиот Фримантл. Теперь все пойдет по заведенному образцу. В ближайшие полчаса большинство соглашений, лежавших в его портфеле, будет подписано, а остальные унесут домой, там их обсудят и скорее всего завтра отправят ему по почте. Эти люди не боялись подписывать бумаги или обращаться в суд: они привыкли к тому и к другому, когда приобретали свои дома. Да и сто долларов – не такая уж крупная сумма. Кое-кому она может даже показаться заниженной. И лишь немногим придет в голову заняться подсчетом, который проделал в уме Эллиот Фримантл. Но даже если они и поднимут разговор об общей сумме, он всегда может сказать, что столь высокий гонорар объясняется тем, что ему придется защищать слишком много народу.

К тому же за эти денежки он покажет им недурной спектакль с фейерверком – и в суде, и еще кое-где. Он взглянул на часы: пора закругляться. Теперь, когда он уже был связан с ними, ему хотелось закрепить эту связь, поставив первый акт пьесы. Как и все, что он делал до сих пор, это тоже было заранее спланировано и должно было привлечь внимание читателей

завтрашних газет куда больше, чем митинг. А кроме того, это явится подтверждением его слов о том, что он не намерен терять зря время.

Актерами в пьесе будут жители Медоувуда, пришедшие на митинг, а Фримантл рассчитывал, что все присутствующие согласятся покинуть зал и еще какое-то время побыть вне дома.

Местом действия будет аэропорт.

Время – сегодняшний вечер.

Глава 11

Итак, Эллиот Фримантл наслаждался успехом, а приблизительно в это же время бывший строитель-подрядчик по имени Д. О. Герреро, озлобленный и доведенный до крайности своими неудачами, решил сдаться и прекратить борьбу с жизнью.

Герреро находился в пятнадцати милях от аэропорта; он сидел запершись в одной из комнат жалкого, неблагоустроенного дома на южной окраине города. Квартира его помещалась как раз над шумной грязной закуской на 51-й улице, недалеко от складов.

Д. О. Герреро был худой, долговязый, сутуловатый. На длинном, узком лице с острым подбородком тускло поблескивали глубоко запавшие глаза, тонкие губы были бескровны, над ними тоненькой полоской выделялись рыжеватые усы. На тощей шее выступал острый кадык. Лоб из-за больших залысин казался даже высоким. Руки вечно что-то крутили, пальцы никогда не знали покоя. Он дымил не переставая, прикуривая одну сигарету от другой. Ему было около пятидесяти, но выглядел он старше. Небритый, в несвежей рубашке, он сидел весь взмокший, хотя в комнате было прохладно.

Герреро был женат уже восемнадцать лет. Брак его принадлежал к числу удачных, хоть и не самых ярких. Д. О. – так звали его друзья и знакомые – и Инес Герреро относились друг к другу вполне терпимо, и мысль о том, что можно было найти другого спутника жизни, не приходила ни тому, ни другому в голову. Во всяком случае, Д. О. Герреро никогда не интересовался женщинами, бизнес и финансовые дела куда больше занимали его. Однако за последний год в отношениях между супругами образовалась трещина, и Инес, как ни старалась, не сумела ее залатать. Объяснялось это отчасти целым рядом неудач в делах, которые привели к тому, что семья от сравнительного благополучия дошла до нищеты: Герреро пришлось расстаться со своим уютным и просторным, хоть и заложенным за большую сумму, пригородным домом и переехать в менее респектабельное жилище, а оттуда – в эту жалкую, продуваемую сквозняками, наводненную тараканами двухкомнатную квартиру.

Хотя Инес Герреро это крайне огорчало, она бы стойко снесла все беды, если бы муж с каждым днем не становился все мрачнее и не вскипал по пустякам, так что порой с ним просто невозможно было разговаривать. Недели две назад, всплыв, он ударил Инес, рассек ей лицо и даже не попросил прощения, да и потом ни словом не обмолвился, хотя, заговори он об этом, она, конечно, простила бы его. Опасаясь подобных вспышек, она отослала двух детей-подростков, мальчика и девочку, к своей замужней сестре в Кливленд, а сама осталась с мужем и устроилась официанткой в кафе. Работа была тяжелая, платили мало, но она по крайней мере зарабатывала себе на хлеб. Муж, казалось, совершенно не интересовался ею и не замечал отсутствия детей; настроение его становилось все более подавленным, и он все больше замыкался в себе.

Сейчас Инес была на работе. Д. О. Герреро находился в квартире один. Он мог бы и не запирать дверь маленькой спальни и все-таки запер ее, чтобы никто не мог ему помешать.

Д. О. Герреро, как и многим другим персонажам этого повествования, предстояло вскоре ехать в аэропорт. У него было забронировано место – что подтверждалось билетом – на самолет «Транс-Америки», вылетающий сегодня рейсом два «Золотой Аргос» в Рим. Сейчас билет этот находился в кармане его пальто, которое лежало рядом с ним, на колченогом стуле.

Инес Герреро ничего не знала ни о предстоявшем полете в Рим, ни о причинах, побудивших мужа решиться на него.

Билет этот давал право на полет туда и обратно и стоил четыреста семьдесят четыре доллара. Правда, Герреро с помощью обмана удалось получить кредит. Он заплатил всего сорок семь долларов, которые добыл, заложив последнюю ценность своей жены – кольцо ее матери (Инес еще не заметила его исчезновения), – и подписал обязательство выплатить остальную сумму вместе с процентами путем ежемесячных взносов в течение двух лет.

Однако это свое обязательство он вовсе не собирался выполнять.

Ни одна уважающая себя финансовая компания или банк не дали бы Д. О. Герреро займы даже на автобусный билет до ближайшего городка, не говоря уже о билете на самолет, да еще в Рим. Они бы прежде всего изучили состояние его дел и обнаружили, что он уже многие годы неплатежеспособен и у него куча долгов, а его компания по строительству домов «Герреро контрактинг инкорпорейтед» год назад объявлена банкротом.

Более тщательное расследование выявило бы, что на протяжении последних восьми месяцев, используя имя жены, Герреро пытался сколотить капитал для земельных спекуляций, но и тут потерпел неудачу. Естественно, что при этом он все больше и больше запутывался в долгах. И вот теперь некоторые подтасовки, на которые он пошел, а также то обстоятельство, что он по-прежнему числился в банкротах, грозили ему уголовным преследованием и почти неизбежно тюрьмой. Нависла над ним и другая угроза – менее серьезная, но столь же неотвратимая: он уже три недели не платил за свою жалкую квартиру, и хозяин грозился завтра выселить его. А если их выселят, им некуда будет деваться.

Д. О. Герреро дошел до полного отчаяния. Все его средства иссякли.

Общеизвестно, что авиакомпании легко предоставляют кредит, а если выплата долга задерживается, не слишком строги при взыскании его. Одним словом, Герреро все рассчитал. За многие годы существования авиации выяснилось, что пассажиры ведут себя на удивление честно и большинство авиакомпаний терпит лишь незначительные убытки. Неудачники вроде Д. О. Герреро редко пытаются за их счет поправить свои дела, поэтому авиакомпании – за отсутствием надобности – не разработали системы, которая позволила бы им вскрыть уловку, использованную Герреро.

С помощью двух простейших приемов он исключил всякую возможность хотя бы поверхностной проверки своего финансового положения. Во-первых, он изготовил «справку с предприятия», отпечатав ее на бланке усопшей компании, которую сам же раньше возглавлял (другой, не той, что обанкротилась), и указав в качестве адреса компании собственный почтовый адрес. Во-вторых, печатая эту справку, он намеренно искажил свою фамилию, поставив букву «Б» вместо «Г»; таким образом, обычная проверка кредитоспособности некоего «Берреро» не могла дать никаких результатов. Затем в качестве удостоверения личности он предъявил билет социального страхования и водительские права, предварительно изменив на обоих заглавную букву своей фамилии, а потом снова написал ее так, как надо. И наконец, заполняя долговое обязательство, он постарался поставить подпись неразборчиво, чтобы никто не мог понять – Герреро это или Берреро.

В результате кассир, выдавая ему вчера билет, проставил в нем: «Д. О. Берреро», и Герреро призадумался, взвешивая, как это обстоятельство может отразиться на его планах. Он решил, что все будет в порядке. Если впоследствии начнется дознание, то ошибку в одной букве можно объяснить просто опiskeй. Ничто ведь не доказывает, что он это сделал злонамеренно. Тем не менее он решил, что, регистрируясь в аэропорту, попросит исправить свою фамилию – и в списке пассажиров, и у себя на билете. Ему было крайне важно лететь под собственной фамилией, чтобы тут все было в ажуре. Так уж он задумал.

А задумал Герреро взорвать самолет. Вместе с самолетом он, естественно, уничтожит и себя, но это соображение его не останавливало: он пришел к убеждению, что его жизнь не приносит больше пользы ни ему, ни другим.

Зато смерть его может принести пользу, а на это-то он и делал ставку.

Прежде чем взойти на борт самолета «Транс-Америки», он застрахует свою жизнь на семьдесят пять тысяч долларов в пользу жены и детей. Он рассуждал так: до сих пор он мало что сделал для них, зато этим своим последним поступком сразу им все возместит. Это будет жертва, продиктованная любовью.

В его исковерканном жизнью, затуманенном отчаянием мозгу не возникло даже и мысли о команде самолета или о пассажирах, которые полетят вместе с ним и должны будут тоже погибнуть. Подобно многим психопатам он смотрел на остальных людей лишь как на возможную помеху в осуществлении его плана.

Ему казалось, что он предусмотрел все.

То, каким путем он приобрел билет, уже не будет иметь значения, лишь только самолет поднимется в воздух. Никто не сможет доказать, что он и не намеревался платить по своему долговому обязательству, и даже если выплывет наружу то, что справка с предприятия фальшивая – а по всей вероятности, это все-таки выплывет, – наличие ее докажет лишь, что он получил кредит незаконно. А это само по себе никак не может повлиять на выплату страховки, ибо эти два действия юридически не взаимосвязаны.

Ведь он намеренно купил билет туда и обратно, чтобы создать видимость, будто не только намеревался долететь до места назначения, но и вернуться. А рейс в Рим он выбрал потому, что в Италии жил у него двоюродный брат, которого он никогда не видел, но не раз говорил, что хотел бы его навестить, об этом знала Инес. Таким образом, по крайней мере то, что он отправился именно в Рим, будет выглядеть вполне логично.

Д. О. Герреро уже несколько месяцев вынашивал свой план, в то время как положение его все ухудшалось. Он тщательно изучил историю авиационных катастроф – те случаи, когда самолеты были взорваны людьми, стремившимися таким путем получить страховку. Число подобных случаев оказалось на удивление большим. Причина взрыва неизменно выявлялась в ходе расследования после катастрофы, и если злоумышленник оставался жив, его привлекали к суду как убийцу. Страховка же, естественно, объявлялась недействительной.

Само собой разумеется, узнать, какой процент неразгаданных катастроф следует отнести на счет диверсии, не представлялось возможным. Главную роль играло наличие или отсутствие обломков. Если удавалось найти обломки самолета, опытные эксперты собирали их вместе и по ним пытались разгадать тайну катастрофы. Как правило, им это удавалось. Значит, рассудил Д. О. Герреро, надо разработать такой план, чтобы не осталось обломков.

По этой-то причине он и выбрал беспосадочный международный рейс в Рим.

Значительная часть трассы рейса два «Золотой Аргос» пролегла над океаном, а там, если самолет рассыплется в воздухе, ничего уже не найдешь.

С помощью брошюрок авиакомпаний, где для удобства пассажиров указаны воздушные трассы и скорость полета и вам даже предлагают «определить ваше местонахождение в пути», Герреро высчитал, что после четырех часов полета при более или менее благоприятном ветре самолет будет находиться где-то над центральной частью Атлантики. Герреро намеревался проверить свои расчеты в пути и при необходимости изменить их. Первым делом он установит точное время взлета, затем будет внимательно слушать объявления, которые в ходе полета делает командир экипажа по радио. Располагая такой информацией, он без труда сообразит, запаздывает самолет или, наоборот, летит с опережением графика и насколько. После чего в заранее намеченном пункте – примерно в восьмистах милях к востоку от Ньюфаундленда – он произведет взрыв. И тогда самолет или то, что от него останется, упадет прямо в океан.

И никаких обломков никто никогда не найдет.

Остатки самолета навсегда будут погребены в таинственных глубинах Атлантического океана. И никаких расследований, никаких последующих выяснений причины гибели самолета. Живые будут раздумывать, гадать, строить предположения; они могут даже догадаться об истине, но узнать – никто никогда ничего не узнает.

И страховка – за отсутствием доказательства диверсии – будет полностью выплачена.

Весь этот план зиждился на одном – на взрыве. Естественно, взрыв должен быть достаточно сильным, чтобы уничтожить самолет, и кроме того, что не менее важно, он должен произойти в нужный момент. По этой-то причине Д. О. Герреро решил держать взрывное устройство при себе и сам произвести взрыв. И вот сейчас, запершись в спальне, он изготовлял бомбу и, хотя как строитель привык обращаться с взрывчаткой, за эти четверть часа успел изрядно вспотеть.

Механизм состоял из пяти частей – трех динамитных шашек, небольшого детонатора с двумя ответвлявшимися от него проводами и батареи от радиотранзистора. Динамитные шашки были маленькие – каждая дюйм с четвертью в диаметре и восемь дюймов в длину, – но чрезвычайно мощные: в них содержалось сорок процентов нитроглицерина. Герреро скрепил их вместе черной изоляционной лентой и для маскировки уложил в коробочку из-под кукурузных хлопьев с аккуратно оторванной боковиной.

Герреро разложил все, что ему требовалось, в определенном порядке на стареньком покрывале, которым была застелена кровать, где он трудился: деревянную прищепку для белья, две кнопки, квадратик чистого пластика и обрывок веревки. Это «оборудование», которому предстояло уничтожить самолет стоимостью шесть с половиной миллионов долларов, обошлось Герреро меньше чем в пять долларов. И все, включая динамит, оставшийся от тех дней, когда он работал подрядчиком, было куплено в хозяйственном магазине.

Тут же лежал небольшой плоский чемоданчик, в каких бизнесмены возят свои бумаги и книги. Туда-то и вкладывал сейчас Герреро взрывной механизм. С этим чемоданчиком в руках он войдет в самолет.

Устройство он изготовил наипростейшее. Действительно, подумал Герреро, настолько простое, что человек, никогда не имевший дела со взрывчаткой, даже и не поверил бы, что эта штука может сработать. И тем не менее она сработает и разнесет в щепы самолет, все уничтожит.

В одну из динамитных шашек он всунул карандаш, сделав в ней углубление дюйма в полтора. Потом вынул карандаш и вложил детонатор того же диаметра. От него тянулись два изолированных провода. Теперь надо только пропустить по этим проводам ток – и три шашки динамита взорвутся.

Клейкой лентой он прочно прикрепил коробочку из-под кукурузных хлопьев, в которой лежали динамитные шашки, к внутренним стенкам чемоданчика. Рядом пристроил деревянную прищепку для белья и батарею, которая явится запалом. Прищепка, снабженная металлической пружинкой, должна была служить рубильником, который в нужный момент пропустит от батареи ток.

Один из проводов от детонатора он подключил к батарее.

Руки у него дрожали. Он чувствовал, как под рубашкой струйками стекает пот. Сейчас, когда детонатор уже вмонтирован в схему, достаточно одной ошибки, одного неловкого движения – и он взорвет себя, эту комнату и бо́льшую часть здания: все разлетится на куски.

Теперь настала очередь прищепки для белья.

В каждую из ножек он воткнул изнутри по кнопке.

Если нажать на прищепку, ножки вместе с кнопками сойдутся и пропустят ток. А пока он проложил между ними изолятор – кусочек пластика.

Затаив дыхание, он подключил провод от детонатора и динамитной шашки к одной из кнопок на прищепке. Теперь настала очередь взяться за второй провод.

Он переждал, чувствуя, как колотится сердце, потом вытер потные руки платком. Нервы его были натянуты как струны, все чувства обострены до предела. Матрас под ним был тонкий, весь в буграх. Когда он переменял позу, старенькая железная кровать возмущенно взвизгнула.

Он снова принялся за работу. С огромной осторожностью подключил он короткий провод сначала к другой клемме батареи, потом – к другой кнопке. Теперь только квадратик пластика удерживал кнопки на расстоянии, а как только они соприкоснутся, по ним пройдет электрический ток и произойдет взрыв.

В пластике толщиной в одну шестнадцатую дюйма у самого края была проделана дырочка. Д. О. Герреро взял шнурок – последнюю часть устройства, еще лежавшую на постели, – один конец его пропустил через дырочку и крепко завязал, стараясь не сдвинуть пластик. Другой конец он просунул в дырку, которую просверлил в боковине чемоданчика, под ручкой, чтоб не было заметно. Высвободив немного шнурок внутри чемоданчика, он сделал снаружи второй узел – достаточно большой, чтобы шнур не мог уползти назад. Теперь оставалось только сделать петлю с внешней стороны – совсем маленькую, лишь бы просунуть палец, что-то вроде петли висельника в миниатюре, – и отрезать лишнее.

Ну вот, теперь все готово.

Достаточно пропустить палец в петлю и потянуть за шнурок! В чемоданчике кусок пластика выскочит из прищепки и провода соединятся. По ним пробежит электрический ток, и раздастся взрыв, оглушающий, разрушительный, все уничтожающий.

Теперь, когда дело было сделано, Герреро вздохнул с облегчением и закурил сигарету. Он криво усмехнулся, подумав о том, насколько более сложной представляют себе бомбу люди, в том числе и сочинители детективных историй. В книгах он читал о мудреных механизмах, бикфордовых шнурах, часах, которые тикают, или шипят, или трещат и действие которых можно приостановить, лишь бросив механизм в воду. На самом же деле никаких таких сложностей не требовалось, несколько самых обычных, ничуть не романтических предметов, и вот она – бомба. И притом такая, что взрыв ее ничто не способно предотвратить, если он дернет за шнурок, – ни вода, ни пуля, ни человеческая отвага.

Зажав сигарету в зубах и щурясь от дыма, Д. О. Герреро осторожно положил в чемоданчик разные бумаги, прикрыв ими динамитные шашки, прищепку, провода, батарею и шнурок. Он позаботился о том, чтобы бумаги в чемоданчике не скользили, а шнурок мог бы свободно двигаться под ними. Даже если по каким-то причинам ему придется открыть чемоданчик, содержимое его покажется вполне невинным. Он закрыл чемоданчик и запер.

Затем посмотрел на дешевенький будильник, стоявший у кровати, – его наручные часы давно уже отправились к ростовщику. Было самое начало девятого, до отлета оставалось меньше двух часов. Пора ехать. Он доберется на метро до городского аэровокзала и там сядет на аэропортовский автобус. Герреро оставил себе столько денег, сколько требуется на автобусный билет и на страховку – не больше. Тут ему пришла в голову мысль, что нужно ведь время для приобретения страховки в аэропорту. Он быстро натянул пальто, предварительно проверив, лежит ли у него во внутреннем кармане билет на Рим.

Потом отпер дверь спальни, взял чемоданчик и, осторожно неся его, вышел в жалкую, бедную гостиную.

Еще одно. Письмо Инес. Он отыскал кусочек бумаги и карандаш и, подумав секунду, написал:

«Несколько дней меня не будет. Уезжаю. Надеюсь скоро удивить тебя добрыми вестями».

И подписался: «Д. О.».

Еще секунду он помедлил, чувствуя, как в нем что-то смягчается. Не слишком он расщедрился на теплые слова в этой записке, а ведь она подводила черту под восемнадцатью годами супружества. Потом он все же решил, что хватит и этого, было бы ошибкой сказать больше. Даже если от самолета ничего не останется, расследование пойдет своим чередом и список

пассажиров будут изучать под микроскопом. Тогда и эту записку, и другие оставшиеся после него бумаги будут тщательно смотреть.

Он положил записку на стол, где Инес не могла ее не обнаружить.

Спускаясь по лестнице, Д. О. Герреро услышал голоса и музыку, доносившуюся из автомата в закускойной. Крепко держа чемоданчик, он одной рукой поднял воротник пальто. Под пальцами, сжимавшими ручку, он чувствовал петлю, так походившую на петлю висельника.

На улице, когда он вышел из дома, все еще валил снег.

Часть вторая (20.30–23.00)

Глава 1

Вернувшись в теплую машину, Джо Патрони, главный механик «ТВА», вызвал по радиотелефону аэропорт. Он сообщил, что все еще находится в пути – на дороге из-за аварии пробка, – но все же надеется скоро прибыть. А как там с самолетом «Аэро Мехикан», спросил он, все еще не вытащили? Нет, сообщили ему, не вытащили, и он нужен позарез: каждые две-три минуты звонят в «ТВА» и спрашивают, где Патрони и долго ли его еще ждать.

Немного обогревшись, Джо выскочил из машины и, преодолевая буран, увязая в снегу, заспешил по шоссе к месту аварии.

Обстановка вокруг завалившегося грузовика с прицепом выглядела так, точно все это было инсценировано для съемок широкоэкранный картины. Гигантский прицеп по-прежнему лежал на боку, перегораживая четыре полосы шоссе. К этому времени машину уже накрыло толстым слоем снега и она походила на перевернутого мертвого динозавра. Белый снег, яркий свет прожекторов, «мигалки» – все это создавало впечатление, что дело происходит днем. Проекторы были установлены на трех грузовиках, которые посоветовал вызвать Патрони. Яркие красные «мигалки» сверкали на крышах полицейских машин, которых за последнее время еще прибавилось, – казалось, полицейские только и были заняты тем, чтобы следить за работой «мигалок». Словом, настоящий фейерверк – как на празднике 4 июля.

Сходство со спектаклем стало еще более разительным, когда прибыла телевизионная группа. Самоуверенные телевизионщики подъезжали по обочине, отчаянно гудя, сверкая вопреки правилам «мигалкой» на крыше своего коричневого фургона. С характерной для людей этой профессии беспардонностью четверо молодчиков принялись командовать, точно эта авария была устроена специально для них и все дальнейшее должно быть подчинено их желаниям. Полицейские не только не обратили внимания на «мигалку», незаконно установленную на крыше телевизионного фургона, но, повинувшись указаниям съемочной группы, уже размахивали руками, передвигая грузовики.

А Патрони, прежде чем отправиться к себе в машину звонить по телефону, тщательно разъяснил, где должны встать грузовики, чтобы объединенными усилиями сдвинуть с места опрокинутый грузовик с прицепом. Уходя, он видел, как шоферы грузовиков и выделенные им в помощь рабочие стали подсоединять к кабине и прицепу тяжелые цепи, которые затем надо будет закрепить, на что потребуются еще несколько минут. Полиция охотно приняла помощь Патрони, и полицейский лейтенант, прибывший к тому времени на место действия, гаркнул, приказывая шоферам грузовиков во всем слушаться Джо. Теперь же цепи были сняты, за исключением одной, с которой, ослабившись нацеленным на него телевизионным камерам, возился в свете прожекторов шофер грузовика.

За камерами и прожекторами толпились пассажиры застрявших машин. Большинство с интересом следили за съемкой, забыв и о своем желании поскорее сдвинуться с места, и о ночном холоде.

Внезапный порыв ветра швырнул мокрым снегом в лицо Патрони. Он схватился за ворот своей парки, но было уже поздно: снег проник внутрь, и рубашка сразу намочила. Неприятно, но ничего не поделаешь. Патрони добрался до лейтенанта полиции и спросил:

– Кто, черт побери, переставил грузовики? Этак они не сдвинут с места и кучу дерьма. Они могут разве что толкать друг друга.

– Да знаю я, мистер. – лейтенант, высокий, широкоплечий, возвышавшийся как башня над коротконогим, приземистым Патрони, был явно смущен. – Но телевизионщикам хотелось получше все заснять. Они с местной станции, и им это нужно для сегодняшних новостей – про буран. Вы уж меня извините.

Один из телевизионщиков в теплом пальто, застегнутом на все пуговицы, поманил лейтенанта, жестом показывая, что хочет снять его на пленку. Лейтенант вздернул голову, несмотря на валивший снег, и с хозяйским видом направился к грузовику, возле которого шла съемка. Двое полицейских последовали за ним. Став лицом к камере, лейтенант принялся размахивать руками, давая указания шоферу грузовика – указания совершенно бесполезные, но могущие произвести внушительное впечатление с экрана.

Патрони же, подумав о том, с каким нетерпением его ждут в аэропорту, почувствовал, что в нем закипает гнев. Он чуть не ринулся на всю эту аппаратуру – так и схватил бы телевизионный аппарат, прожекторы и расколошматил. Мускулы его невольно напряглись, дыхание участилось. Но усилием воли он взял себя в руки.

Патрони отличался буйным, неумным нравом; по счастью, его нелегко было вывести из равновесия, но если это случалось, то выдержка и благоразумие покидали его. Всю свою сознательную жизнь он старался научиться владеть собой, но это не всегда ему удавалось, хотя сейчас достаточно было вспомнить об одном случае, чтобы он сумел взять себя в руки.

А тогда он этого сделать не сумел. И воспоминание о том, что произошло, всю жизнь преследовало его.

Во время Второй мировой войны Джо служил в авиации и занимался любительским боксом, причем считался опасным противником. Он был боксером среднего веса и в какой-то момент чуть не стал участником чемпионата ВВС на европейском театре военных действий от своей дивизии.

На матче, устроенном в Англии незадолго до вторжения в Нормандию, ему пришлось выступать против командира самолета по имени Терри О'Хейл, разнузданного хулигана из Бостона, известного своей подлостью как на ринге, так и вне его. Джо был тогда рядовым авиационным механиком; он знал О'Хейла и не любил его. Это не имело бы значения, если бы О'Хейл не прибег на ринге к одному тщательно рассчитанному приему – не шептал все время сквозь зубы: *«Ах ты, грязный даго, италяшка... Ты почему не воюешь на другой стороне, сосунок?.. Ты же ревешь от восторга, когда они сбивают наши машины, а, даго?»* И так далее все в том же роде. Патрони прекрасно понимал, что это гамбит, попытка вывести его из себя, и пропускал оскорбления мимо ушей, пока О'Хейл вопреки правилам не ударил его дважды в низ живота, судья же, плясавший сзади них, не заметил этих ударов.

Оскорбления, эти два удара в низ живота и невыносимая боль сделали свое дело, и Патрони вскипел, на что его противник и рассчитывал. Но он не рассчитывал, что Патрони так стремительно, так яростно и так безжалостно обрушится на него – О'Хейл рухнул и, когда судья отсчитал десять, был уже мертв.

Патрони не поставили это в вину. Хотя судья не заметил запрещенных ударов, их заметили зрители, стоявшие у ринга. Но даже если бы они и не заметили, все равно Патрони ведь делал лишь то, что положено, – сражался в меру своего умения и сил. Только сам он знал, что на какие-то секунды рассудок ему изменил и он был безумен. Позже, наедине с собой, Джо вынужден был признать: даже понимая, что О'Хейл умирает, он не смог бы совладать с собой.

После этого прискорбного случая он не перестал боксировать и не «повесил свои перчатки на гвоздь», как обычно пишут в романах. Он продолжал драться на ринге во всю силу своих физических возможностей, не стараясь особенно сдерживаться, но тщательно следя за тем, чтобы не пересечь черту между разумом и безумием. Ему это удавалось – он это понимал, ибо стоило ему распалиться, как разум вступал в единоборство со звериным началом и

побеждал. Тогда – и только тогда – Патрони ушел из бокса и уже не ступал на ринг до конца своих дней.

Но одно дело – уметь держать себя в руках, а другое – избавиться от подобных вспышек ярости вообще. И когда лейтенант полиции вернулся, вдоволь накрутившись перед телевизионным аппаратом, Патрони накинулся на него:

– Вы на целых двадцать минут задержали пробку на дороге. Десять минут ушло у нас на то, чтобы расставить как надо грузовики, и теперь еще десять минут уйдет, чтобы вернуть их на прежнее место.

В этот момент над ними раздался шум пролетавшего самолета – напоминание о том, что Патрони следовало поторапливаться.

– Послушайте, мистер. – Лицо лейтенанта побагровело, хотя оно и так уже было красным от ветра и холода. – Вбейте себе в башку, что командую здесь я. Мы рады любой помощи, включая вашу. Но решения принимаю я.

– Тогда примите же наконец!

– Я буду делать то, что я...

– Ну нет, вы будете слушать меня. – Патрони горящими глазами смотрел на полицейского, возвышавшегося над ним. Лейтенант, видимо, почувствовав скрытый гнев старшего механика, его привычку командовать, умолк. – В аэропорту очень сложная ситуация. Я говорил вам об этом и говорил, почему я там нужен. – Как бы подчеркивая свои слова, Патрони ткнул в воздух горячей сигарой. – Может, и у других есть причины спешить, но ограничимся пока тем, что я вам сказал. У меня в машине телефон, и я сейчас же позвоню своему начальству. А оно позвонит вашему. И не успеете вы глазом моргнуть, как вас вызовут по вашему радио и спросят, почему вы изображаете из себя телевизионного героя, вместо того чтобы заниматься делом. Так что решение, как вы изволили выразиться, за вами! Звонить мне по телефону или будем пошевеливаться?

Лейтенант смотрел на Джо и, казалось, готов был испепелить его взглядом. Ему очень хотелось дать волю гневу, но он сдержался. И повернулся всем своим большим телом к телевизионщикам:

– Живо убирайте отсюда всю эту бодягу! Слишком долго вы тут, ребята, копаетесь.

Один из телевизионщиков крикнул через плечо:

– Еще несколько минут, шеф!

Лейтенант в два прыжка очутился рядом с ним.

– Вы меня слышали? Убирайтесь сейчас же! – Все еще разгоряченный стычкой с Патрони, лейтенант пригнулся к нему, и телевизионщик съежился.

– О'кей, о'кей! – Он поспешно замахал своей группе, и переносные прожекторы потухли.

– Поставить эти два грузовика как были! – Слова команды пулеметной очередью слетали с губ лейтенанта. Полицейские кинулись выполнять его приказание. А сам он подошел к Патрони и жестом показал на перевернутый прицеп: он явно решил, что полезнее иметь Патрони в качестве союзника, чем противника. – Мистер, вы по-прежнему считаете, что нам надо оттащить его на обочину? Вы уверены, что мы не сумеем поставить его на колеса?

– Сумеете, конечно, если хотите забаррикадировать дорогу до рассвета. Вам ведь надо сначала разгрузить прицеп и только потом...

– Знаю, знаю! Забудем об этом. Оттащим его на обочину, а об ущербе будем думать потом. – И, указав на длинную череду застывших в неподвижности машин, лейтенант добавил: – Если хотите рвануть отсюда, как только освободится дорога, выведите машину из своего ряда и подгоните сюда. Дать вам сопровождающего до аэропорта?

Патрони кивнул:

– Спасибо.

Через десять минут последний крюк тяги был укреплен. Тяжелые цепи протянулись от одного из аварийных грузовиков и обмотались вокруг осей перевернутого грузовика; прочные тросы соединяли цепи с лебедкой на аварийном грузовике. Цепи со второго грузовика подсоединили к прицепу, а третий грузовик поставили за прицепом, чтобы толкать его.

Шофер грузовика, пострадавший лишь незначительно, хоть он и перевернулся вместе с машиной, тяжело вздохнул, глядя на происходящее.

– Моим хозяевам это не понравится! Машины-то ведь совсем новенькие. А вы превратите их в лом.

– Только доделаем то, что ты начал, – заметил молодой полицейский.

– Ну еще бы! Вам-то все равно, а я потерял хорошую работу, – угрюмо буркнул шофер. – Может, теперь попробую чего полегче – скурвлюсь и пойду в полицию.

– А почему бы и нет? – осклабился полицейский. – Ты ведь уже и так скурвился.

– Как считаете, можно приступать? – обратился лейтенант к Патрони.

Джо кивнул, пригнулся, проверяя, хорошо ли натянуты цепи и тросы и предупредил:

– Только потихоньку, не спеша.

На первом грузовике заработала лебедка; колеса грузовика заскользили по снегу, шофер прибавил скорости, чтобы натянуть цепь. Передняя часть перевернутого транспорта застонала, сдвинулась фута на два, отчаянно скрежеща металлом, и снова застыла.

Патрони замахал рукой:

– Не останавливайтесь! Сдвигайте с места прицеп!

Цепи и тросы натянулись. Колеса всех трех грузовиков скользили по мокрому, уже плотно утрамбованному снегу. Грузовик и прицеп сдвинулись еще фута на два под нестройное «ура» стоявшей вокруг толпы. Телевизионщики снова заработали; свет их прожекторов создавал дополнительное освещение.

На дороге осталась широкая, глубокая вмятина. Грузовик и прицеп вместе с грузом были уже серьезно повреждены, крыша на прицепе с того боку, который протащили по шоссе, смялась. Цена, которую придется заплатить – страховым компаниям, конечно, – за то, чтоб побыстрее восстановить движение на шоссе, будет немалая.

Два снегоочистителя работали по обе стороны поваленного грузовика с прицепом, расчищая накопившиеся со времени аварии сугробы. К этому времени и машины, и люди уже были в снегу – и Патрони, и лейтенант, и полицейские, – словом, все, кто находился под открытым небом.

Моторы грузовиков снова взревели. Из-под колес, скользивших на мокром, утрамбованном снегу, шел дым. Медленно, величаво перевернутая махина сдвинулась на два-три дюйма, потом на два-три фута и съехала к дальнему краю дороги. Прошло всего несколько секунд, и прицеп перегораживал уже не четыре, а лишь одну полосу на шоссе. Теперь три грузовика без труда сдвинут его на обочину.

Полицейские засигналили фонариками, готовясь рассасывать грандиозную пробку, на что у них уйдет, наверное, не один час. Гул самолета, пронесшегося над головой, снова напомнил Патрони, что главная его забота – впереди.

Лейтенант полиции, к которому он подошел, снял фуражку и стряхнул с нее снег. Потом кивнул Патрони:

– Теперь ваша очередь, мистер, поезжайте.

С обочины на шоссе вырулила патрульная машина. Лейтенант ткнул в нее пальцем:

– Держитесь за машиной. Я сказал им, что вы поедете следом, и велел побыстрее проложить вам дорогу в аэропорт.

Патрони кивнул. Когда он уже садился в свой «бьюик», лейтенант крикнул ему вслед:

– Эй, мистер... Спасибо.

Глава 2

Капитан Вернон Димирест отворил дверцу шкафа, отступил на шаг и протяжно свистнул. Он стоял на кухне у Гвен Мейген, в «Квартале стюардесс». Гвен все еще не вышла из душа; дожидаясь ее, Димирест решил приготовить чай и в поисках чашек и блюдец открыл шкаф.

Все четыре полки перед ним были плотно уставлены бутылочками. Это были маленькие бутылочки вместимостью в полторы унции, какие авиакомпании выдают пассажирам в полете. Над большинством этикеток была наклеена марка авиакомпании, и все бутылочки были не откупорены. Быстро произведя в уме подсчет, Димирест решил, что их здесь штук триста.

Он и раньше видел казенное вино в квартирах стюардесс. Но никогда не видел в таком количестве.

– У нас есть припасы еще и в спальне, – услышал он за спиной веселый голос Гвен. – Мы собираем для вечеринки. По-моему, достаточно набрали, правда?

Он не слышал, как она вошла, и обернулся. До чего же она хороша и свежа; с тех пор как начался их роман, всякий раз при виде ее он испытывал восхищение. В такие минуты, как ни странно, он, обычно уверенный в своем успехе у женщин, удивлялся, что Гвен принадлежит ему. Она была в узкой форменной юбке и блузке, которые делали ее совсем юной. Ее живое лицо с высокими скулами было слегка запрокинуто, густые черные волосы блестели в электрическом свете. Темные глубокие глаза с улыбкой и нескрываемым одобрением смотрели на него.

– Можешь поцеловать меня, – сказала она. – Я еще не накрасилась.

Он улыбнулся: чистый мелодичный голос с английским акцентом придавал ей еще больше очарования. Подобно многим девушкам, окончившим дорогую английскую частную школу, Гвен усвоила все благозвучие английских интонаций. Порой Вернон Димирест нарочно втягивал Гвен в беседу – с единственной целью насладиться звучанием ее речи.

Но сейчас они стояли, крепко прижавшись друг к другу, и губы ее жадно отвечали на его поцелуи.

– Нет! – решительно заявила Гвен, внезапно отстраняясь от него. – Нет, Вернон, не надо. Не сейчас.

– Почему? У нас достаточно времени. – Голос Димиреста звучал глухо, в нем слышалось нетерпение.

– Я же сказала, что мне надо с тобой поговорить, а на то и на другое у нас нет времени. – Гвен заправила блузку, выбившуюся из юбки.

– А, черт! – буркнул он. – Доводишь меня черт-те до чего, а потом... Ну ладно, подожду до Неаполя. – Он легонько поцеловал ее. – Пока будем лететь в Европу, думай о том, что я сижу в кабине и тихо плаваюсь.

– Ничего, я снова доведу тебя до кондиции. Можешь на меня положиться. – Она рассмеялась и, прильнув к нему, провела длинными тонкими пальцами по его лицу, взъерошила волосы.

– О господи, – вздохнул он, – вот сейчас ты ведешь себя как надо.

– Хорошенького понемножку. – И Гвен сняла его руки со своей талии. Потом повернулась и подошла к шкафу, который он открыл.

– Постой, постой. Ты так и не объяснила мне, что это значит. – И Димирест указал на миниатюрные бутылочки с наклейками авиакомпании.

– Это? – Гвен, подняв брови, окинула взглядом четыре уставленные бутылочками полки и придала своему лицу выражение оскорбленной невинности. – Скромные отходы, то, что не потребовалось пассажирам. Неужели, капитан, вы намерены донести на меня и сообщить об отходах?

– Отходы в таком количестве? – иронически проронил он.

– А почему бы и нет? – Гвен взяла бутылочку джина «Бифитер», снова поставила ее и взяла другую – виски «Канадиан клуб». – А все-таки одно можно сказать в пользу авиакомпании: алкоголь они покупают самого высокого качества. Хочешь выпить?

Он отрицательно покачал головой:

– Ты могла бы предложить мне кое-что получше.

– Могла бы, если бы ты не изображал из себя строгого судью.

– Я просто не хочу, чтобы ты попалась.

– Никто не попадает, хотя все это делают. Посуди сам: каждому пассажиру первого класса положено две бутылочки; но есть такие, которые выпивают только одну, и всегда есть такие, которые вообще не пьют.

– В правилах сказано, что вы обязаны возвратить неоткупоренные бутылки.

– О господи! Так мы и делаем: возвращаем две-три для вида, а остальные девочки делят между собой. Так же поступаем мы и с вином. – Гвен хихикнула. – Мы очень любим пассажиров, которые просят вина перед самой посадкой. Тогда можно на законных основаниях откупорить бутылку, налить пассажиру бокал, а остальное...

– Ясно. А остальное унести домой?

– Хочешь взглянуть? – Гвен открыла другую дверцу шкафа. На полках стояло около дюжины бутылок вина.

Димирест усмехнулся:

– Ну и ну!

– Это не только мои. Моя напарница и одна из девчонок, что живет рядом, дали мне свою долю на сохранение – для вечеринки. – Она взяла его под руку. – Ты ведь тоже придешь, конечно?

– Если пригласят, наверное, приду.

Гвен закрыла дверцы шкафа.

– Можешь не сомневаться: пригласят.

Они прошли на кухню, и она налила в чашки приготовленный им чай. Он любовался каждым ее движением. У Гвен был какой-то удивительный дар даже вот такое чаепитие на ходу обставлять со всей торжественностью.

Теперь, когда она достала из другого шкафа чашки и Димирест увидел, что они тоже с маркой «Транс-Америки», он только усмехнулся. Не следовало ему проявлять такую щепетильность при виде бутылочек с ярлыками авиакомпании, подумал он: в конце концов, уловки стюардесс ни для кого не секрет. Просто его изумило количество бутылочек.

Он знал, что все стюардессы довольно быстро обнаруживают, что экономное расходование припасов в самолетных подсобках может существенно облегчить им жизнь дома. Они приходят в самолет с полупустыми чемоданчиками, которые затем набивают оставшейся едой, причем первой классной, поскольку авиакомпании покупают только самое лучшее. Пустой термос отбывает из самолета полным – со сливками, а порой и с шампанским. Кто-то даже уверял Димиреста, что предприимчивая стюардесса может наполовину сократить свой счет у бакалейщика. Только на международных рейсах девушки ведут себя осторожнее, так как по правилам все оставшиеся продукты сразу после посадки должны быть уничтожены.

Все это, разумеется, строго запрещено всеми авиакомпаниями, и тем не менее все идет своим чередом.

Стюардессы знают, что по окончании полета никакой инвентаризации не производится. Во-первых, на это просто нет времени, и, во-вторых, авиакомпаниям дешевле возместить убытки, чем поднимать вокруг этого шум. В результате многие стюардессы сумели за счет авиакомпании обзавестись одеялами, подушками, полотенцами, льняными салфетками, рюмками и столовыми приборами в поистине ошеломляющем количестве: Вернону Димиресту доводи-

лось посещать «гнездышки», где почти все предметы повседневного обихода явно прибыли из кладовых авиакомпаний.

В размышления его вторгся голос Гвен:

– Я вот что хотела сказать тебе, Вернон: я беременна.

Она произнесла это столь небрежно, что смысл ее слов не сразу дошел до его сознания.

И потому он ошарашенно переспросил:

– Ты что?

– Беременна: бе-ре-ме...

– Можешь не произносить по слогам, – раздраженно оборвал он ее. Но мозг его все еще не желал воспринимать услышанное. – Ты в этом уверена?

Гвен рассмеялась своим приятным серебристым смехом и глотнула чаю. Димирест видел, что она забавляется его растерянностью. Но до чего же она была сейчас желанна и хороша.

– Дорогой мой, – заметила она, – какой банальный вопрос! Во всех книгах, какие я читала, мужчина в таких случаях задает вопрос: «А ты уверена?»

– Черт побери, Гвен! – взорвался Димирест. – Ты все-таки уверена или нет?

– Конечно. Иначе я бы тебе этого не сказала. – Она протянула руку к стоявшей перед ним чашке. – Еще чаю?

– Нет!

– Все очень просто, – спокойно сказала Гвен. – Это произошло во время «пересыпа» в Сан-Франциско... Помнишь, мы еще ночевали в этом роскошном отеле на Ноб-Хилле, где открывается такой вид из окон... Как он назывался, этот отель?

– «Фейрмонт». Да, помню. Продолжай.

– Ну вот: боюсь, я там была неосторожна. Я перестала принимать пилюли, потому что начала от них полнеть, и, кроме того, я считала, что в тот день могу не беспокоиться, но, видно, ошиблась. Словом, из-за моей небрежности теперь во мне сидит крошечный Вернон Димирест, который с каждым днем будет все расти.

Наступило молчание. Потом он, запинаясь, сказал:

– Вероятно, я не должен об этом спрашивать...

Она прервала его:

– Нет, должен. Ты имеешь право спросить. – Темные глаза Гвен открыто и прямо смотрели на него. – Ты хочешь знать, был ли кто-то еще и уверена ли я, что это твой ребенок. Так?

– Послушай, Гвен...

Она дотронулась до его руки.

– Не надо деликатничать. Всякий на твоём месте задал бы такой вопрос.

Он с несчастным видом махнул рукой.

– Забудь об этом и извини меня.

– Но я готова тебе ответить. – Она заговорила быстрее и более сбивчиво: – Никого другого не было. И быть не могло. Видишь ли... дело в том, что я люблю тебя. – Впервые она не смотрела на него. И, помедлив, продолжала: – По-моему, я любила тебя... я даже уверена, что любила... еще до той нашей поездки в Сан-Франциско. Сейчас, когда я думаю об этом, я рада, что это так, потому что надо любить человека, от которого у тебя ребенок, правда?

– Послушай меня, Гвен. – Он накрыл ее руки своими. Пальцы у Вернона Димиреста были сильные, тонкие, привыкшие управлять и подчинять себе, но умевшие и ласкать. И сейчас они ласково гладили ее руки. Обычно грубый и резкий с мужчинами, Вернон Димирест был неизменно нежен с женщинами, которые ему нравились. – Нам надо серьезно поговорить и все обдумать. – Теперь, придя в себя от неожиданности, он привел свои мысли в порядок. Ему стало ясно, что делать дальше.

– А тебе ничего не нужно предпринимать. – Гвен вскинула голову, голос ее был спокоен. – И пожалуйста, не волнуйся: я не стану устраивать сцен и осложнять тебе жизнь. Я этого не

сделаю. Я ведь знала, на что шла, знала, что это может произойти. Я, правда, этого не ожидала, но так получилось. И я решила сказать тебе об этом сегодня только потому, что ребенок твой: это часть тебя, и ты должен знать. А теперь, когда ты знаешь, я говорю тебе: можешь не волноваться. Я сама со всем справлюсь.

– Не горячись, я тебе, конечно, помогу. Не воображаешь же ты, что я отвернусь от тебя и сделаю вид, будто это меня не касается. – А про себя он думал: «Главное – не тянуть: чем быстрее избавимся от маленького негодника, тем лучше. Надо бы еще выяснить, насколько она религиозна; есть ли у нее предрасположения против аборта?» В разговорах с ним Гвен никогда не касалась вопросов веры, но бывает, что люди, от которых меньше всего можно этого ожидать, оказываются вдруг верующими. И он спросил:

– Ты католичка?

– Нет.

Ну, это уже лучше, подумал он. В таком случае ей, пожалуй, надо побыстрее слетать в Швецию – на это понадобится всего несколько дней. «Транс-Америка» тут, конечно, поможет – авиакомпании всегда помогают в таких случаях, при условии, что официально им ничего не известно: нужно лишь намекнуть на аборт, но не произносить этого слова. Тогда Гвен сможет полететь на самолете «Транс-Америки» в Париж, а оттуда «Эйр Франс» доставит ее в Стокгольм – по служебному билету, на основе взаимных услуг. Конечно, хоть она и бесплатно полетит в Швецию, все равно за операцию придется выложить немалую сумму: среди авиационных служащих даже ходила шутка, что шведы чистят не только внутренности, но и карманы своих пациенток. Все это, конечно, обошлось бы много дешевле в Японии. Многие стюардессы летят в Токио и делают там аборт за пятьдесят долларов. И даже как будто в клиниках. Но Димиресту почему-то Швеция или Швейцария представлялась более надежным местом. Если он когда-нибудь сделает стюардессе ребенка, заявил однажды Димирест, то избавляться от него она будет по первому классу.

Но то, что с Гвен это произошло именно сейчас, было чертовски некстати и нарушало все его планы: он задумал расширить свой дом и уже вышел за рамки бюджета. Ничего не поделаешь, мрачно решил он, придется продать кое-что из акций – пожалуй, «Дженерал дайнэмикс»: он уже неплохо на них заработал, и пора воспользоваться барышом. Надо будет позвонить маклеру, как только они вернутся из Рима... и из Неаполя.

И он спросил:

– Но ты все же поедешь со мной в Неаполь?

– Конечно. Я так давно мечтала об этом. К тому же я купила новую ночную рубашку. Ты ее увидишь завтра вечером.

Он встал из-за стола и ухмыльнулся:

– Бесстыжая девка.

– Бесстыжая беременная девка, которая бесстыдно любит тебя. А ты меня любишь?

Она подошла к нему, и он начал ее целовать – в губы, в щеки, в ухо, чувствуя, как напрягаются ее руки, обвившие его шею. И он шепнул:

– Я люблю тебя. – В эту минуту Димирест не сомневался, что говорит правду.

– Вернон, дорогой...

– Да?

Щека, прильнувшая к его щеке, была такая мягкая. Голос звучал глухо – она говорила, уткнувшись ему в плечо:

– Как я тебе сказала, так и будет. Тебе не придется мне помогать. Только если ты в самом деле захочешь.

– А я и хочу. – Он решил, что прозондирует почву насчет аборта по пути в аэропорт.

Гвен высвободилась из его объятий и посмотрела на свои часы: восемь двадцать.

– Пора, капитан. Поехали.

– Я думаю, ты понимаешь, что тревожиться тебе не о чем, – говорил Вернон Димирест, ведя машину. – Авиакомпании привыкли к тому, что их незамужние стюардессы беременеют. Это случается на каждом шагу. Согласно последнему отчету, десять процентов стюардесс ежегодно оказываются беременными.

Вот теперь, не без удовольствия отметил он про себя, они уже подходят к сути дела. Прекрасно! Важно отвлечь Гвен от всяких сентиментальных глупостей, связанных с этим будущим ребенком. Димирест знал: если она расчувствуется, тут вопреки здравому смыслу могут произойти самые нелепые вещи.

Он осторожно вел машину, твердо, но бережно держа руль, – он всегда бережно обращался с любым механизмом, будь то автомобиль или самолет. На окраине города улицы были покрыты толстым слоем снега, хотя их только что расчищали, когда он ехал из аэропорта к Гвен. Снег продолжал валить, и в местах, открытых ветру, особенно там, где не было зданий, громоздились высокие сугробы. Капитан Димирест осторожно огибал их. Ему вовсе не улыбалось застрять где-нибудь по дороге или вылезти хотя бы на минуту из машины, пока они не доберутся до гаража «Транс-Америки».

Гвен, уютно пристроившаяся рядом с ним на кожаных подушках сиденья, недоверчиво спросила:

– Неужели... неужели правда, что ежегодно десять стюардесс из ста оказываются беременными?

– Год на год, конечно, не приходится, но обычно это более или менее так, – подтвердил он. – Таблетки, несомненно, изменили это соотношение, но, насколько мне известно, ненамного. Как один из руководителей нашей ассоциации, я имею доступ к такого рода данным. – Он сделал паузу, дожидаясь реакции Гвен. Но она молчала, и он продолжал: – Нельзя забывать, что стюардессами работают главным образом девушки из фермерского сословия, а если и городские, то из скромных семей. Они росли в глуши, жили более чем заурядно. И вдруг перед ними открывается совсем другая жизнь: новые города, номера в дорогих отелях, встречи с интересными людьми. Словом, они начинают приобщаться к *la dolce vita*². – Он усмехнулся. – Ну и в итоге на доньшке бокала иной раз остается осадок.

– Какое свинство! – Гвен вспыхнула впервые за все время их знакомства. – Какое высокомерие! – возмущенно продолжала она. – Одно слово: мужчина. Так вот, если в моем бокале или во мне кое-что и осталось, то позволь тебе напомнить, что это твое, и хотя мы вовсе не собирались ничего оставлять, я бы подыскала для этого иное выражение. И еще: меня, черт возьми, отнюдь не устраивает то, что ты сваливаешь меня в одну кучу со всеми этими девочками «из фермерского сословия» и «из скромных семей».

Щеки Гвен горели, глаза сверкали от возмущения.

– Эй! – сказал он. – А мне нравится твое настроение.

– Что ж, если будешь продолжать в том же духе, тебе не придется жаловаться на то, что оно у меня изменилось.

– Неужели я говорил такие уж гадости?

– Ты просто невыносим.

– Не сердись, пожалуйста. – Димирест сбавил скорость и остановился у светофора, искрившегося мириадами красных точек сквозь падающий снег. Они молча подождали, пока свет не стал зеленым, ярким, как на рождественской открытке. Когда они двинулись дальше, он мягко сказал: – Ни в какую кучу сваливать тебя я не собирался, потому что ты – исключение. Ты же умница и только по неосторожности попала в беду. Ты сама так сказала. Просто мы, наверно, оба были неосторожны.

---

² Сладкой жизни (*ит.*).

– Ладно, хватит об этом. – Вспышка гнева у Гвен уже прошла. – Но никогда не суди обо мне по другим. Я – это я, и никто другой.

Некоторое время они молчали. Затем Гвен задумчиво произнесла:

– Пожалуй, так мы его и назовем.

– Кого и как?

– Я вспомнила о том, что сказала тебе – насчет того, что во мне сидит маленький Вернон Димирест. Если родится мальчик, мы назовем его Вернон Димирест-младший, как принято у американцев.

Его имя ему не слишком нравилось, и он только хотел было сказать: «Я вовсе не хочу, чтобы мой сын...», но сдержался. Это было бы уже опасно.

– Видишь ли, Гвен, я ведь хотел только сказать, что авиакомпании привыкли к подобным вещам. Ты знаешь о существовании такого документа «Один-три», или «Три пункта о беременности»?

Она коротко сказала:

– Да.

Естественно, что Гвен знала об этом документе. Почти все стюардессы были в курсе того, что авиакомпании могут сделать для них в случае беременности – если, конечно, стюардесса согласится на определенные условия. В компании «Транс-Америка» этот документ обычно называли «3 ПБ». В другой компании он назывался иначе и условия были немного иные, но принцип был везде одинаков.

– Я знала девушек, которые прибегали к его помощи, – сказала Гвен. – Но никогда не думала, что и мне придется этим воспользоваться.

– Большинство из них, наверное, тоже этого не предполагали. – Димирест помолчал и добавил: – Но ты не должна волноваться. Авиакомпании не склонны это рекламировать, и все делается шито-крыто. Как у нас со временем?

Гвен приблизила руку с часами к освещенному щитку с приборами.

– Будем вовремя.

Он осторожно вывел свой «мерседес» на среднюю полосу, угадывая ее границы под мокрым снегом, и обогнал неуклюжий грузовик. Несколько человек, по всей вероятности, аварийная команда, стояли на ступеньке, уцепившись за борт грузовика. Одежда на них была мокрая, они выглядели усталыми и несчастными. И Димирест подумал: «Интересно, как бы они реагировали, если б узнали, что мы с Гвен через несколько часов будем под теплым неаполитанским солнцем».

– Не знаю, право, – промолвила вдруг Гвен, – не знаю, найду ли я в себе силы воспользоваться этим документом.

Как и Димирест, Гвен понимала, чем руководствовалось аэропортовское начальство, составляя специальный документ на случай беременности стюардесс. Ни одной компании не хотелось расставаться со своими стюардессами. Их обучение стоило дорого, и квалифицированная стюардесса являлась крупным капиталовложением. Да и, кроме того, не так-то просто найти подходящих девушек с хорошей внешностью, манерами и обаянием.

Программа помощи была составлена с таким расчетом, чтобы ее было легко и просто осуществлять. Если беременная стюардесса не собиралась выходить замуж, она, естественно, стремилась по окончании беременности вернуться на прежнее место, причем авиакомпания обычно была только рада ее возвращению. Поэтому, согласно программе, ей предоставлялся официальный отпуск с сохранением занимаемой должности. В отделе же персонала существовали специальные секции, которые заботились об этих молодых женщинах, помогая им, в частности, выбрать больницу, а потом поместить ребенка на воспитание либо по месту жительства матери, либо в более отдаленном месте – по ее желанию. Был тут и психологический момент: девушка знала, что кто-то подумает о ней и позаботится о ее интересах. Случалось даже, что

ей давали ссуду. Если после родов стюардессе не хотелось возвращаться на прежнюю базу, ее переводили в другое место по ее выбору.

За это авиакомпания брала со стюардесс три обязательства – отсюда и название документа: «Один-три».

Во-первых, девушка обязана была оповещать отдел персонала о своем местонахождении в течение всего периода беременности.

Во-вторых, она обязана была сразу после рождения ребенка отдать его в приют для последующего усыновления. Ей не сообщали, кто его усыновил, и, таким образом, ребенок навсегда уходил из ее жизни. Авиакомпания, правда, гарантировала соблюдение всех необходимых процедур при усыновлении или удочерении и заботилась о том, чтобы ребенок попал в хорошую семью.

Компании, конечно, почти не приходилось прибегать к таким методам, когда отцом ребенка был кто-нибудь из членов экипажа – сам командир, или первый, или же второй пилот. В таких случаях, особенно при желании отца сохранить все в тайне, достаточно было легкого увещевания. И тогда уж компания действительно сохраняла все в тайне. Устанавливалась разумная сумма, которая выплачивалась в течение определенного срока по частям, или же компания вычитала соответствующий процент из жалованья своего служащего. А для того чтобы избежать излишних расспросов дома, эти вычеты проводились по графе «Персональные издержки».

Все деньги, полученные таким путем, выплачивались беременной стюардессе. Компания ничего себе не брала.

– Видишь ли, программа тем хороша, – сказал Димирест, – что женщина не чувствует себя одинокой и брошенной.

До сих пор он старательно избегал одного – всякого упоминания слова «аборт». Ни одна авиакомпания не могла, да и не желала открыто связываться с абортотом. Советы такого рода обычно давались в неофициальном порядке инспекторами из отдела персонала, которые уже по опыту знали, как это можно устроить. Если девушка решалась на аборт, их задача была помочь ей сделать его в хороших клинических условиях, чтобы она не попала в лапы шарлатанов или плохих врачей, к которым иной раз обращаются доведенные до отчаяния женщины.

Гвен с любопытством посмотрела на своего спутника:

– Скажи мне вот что. Откуда ты так хорошо об этом осведомлен?

– Я же говорил тебе: как один из руководителей нашей ассоциации...

– Все это так, но это ассоциация летчиков. И стюардессы не имеют к тебе никакого отношения – во всяком случае, в таком плане.

– Непосредственно мне, конечно, не приходилось этим заниматься.

– Значит, Вернон, ты уже сам попадал в такого рода истории... какая-то стюардесса уже была беременна от тебя... Ведь так, Вернон?

Он нехотя кивнул:

– Да.

– Тебе, конечно, несложно укладывать к себе в постель стюардесс, этих, по твоим словам, доверчивых сельских девчонок. Или, может, они были из «скромных городских семей»? – В голосе Гвен звучала горечь. – Ну и сколько же их было? Десяток, два? Я не прошу точной цифры – приблизительно.

Он вздохнул:

– Одна, всего одна.

Ему, конечно, невероятно везло. Их могло бы быть гораздо больше, но он сказал правду... почти правду: ведь был же еще тот случай с выкидышем. Впрочем, это можно не считать.

Движение на шоссе становилось все интенсивнее по мере того, как они приближались к аэропорту, до которого теперь оставалось всего каких-нибудь четверть мили. Яркие огни огромного аэровокзала даже сквозь снегопад освещали небо.

Гвен сказала:

– Та девушка, которая забеременела от тебя... мне не важно знать ее имя...

– Да я и не сказал бы.

– Она воспользовалась этой штукой – документом «Один-три»?

– Да.

– И ты помогал ей?

– Я уже спрашивал тебя: за кого ты меня принимаешь? – нетерпеливо отрезал он. – Конечно, я ей помогал. Если уж тебе непременно надо все знать, изволь: компания вычитала из моего жалования определенный процент. Потому я и знаю, как это делается.

Гвен улыбнулась:

– «Персональные издержки»?

– Да.

– И твоя жена знала об этом?

Он помедлил, прежде чем ответить.

– Нет.

– А что произошло с ребенком?

– Он был отдан на воспитание.

– Кто это был?

– Ребенок.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю. Это был мальчик или девочка?

– По-моему, девочка.

– *По-твоему?*

– Я знаю, девочка.

Вопросы Гвен вызвали у него чувство неловкости. Они оживили воспоминания, которые он предпочитал похоронить.

Оба молчали, когда «мерседес» свернул к широкому, внушительному главному подъезду аэропорта. Высоко над входом, залитым ярким светом прожекторов, устремлялись в небо футуристические параболы – творение общепризнанного победителя международного конкурса скульпторов, символизирующее, как тогда было сказано, благородное будущее авиации. Взору Димиреста открылся сложный серпантин шоссе с мостов и туннелей, спроектированных с таким расчетом, чтобы машины могли идти, не снижая скорости, хотя сегодня из-за трехдневного снегопада они ехали медленнее, чем всегда. Высокие сугробы громоздились даже на проезжей части. Общую сумятицу еще усиливали снегоочистители и грузовики, старавшиеся удержать снег хотя бы за пределами уже расчищенного пространства.

После нескольких коротких остановок Димирест наконец свернул на служебную дорогу, которая вела к главному ангару «Транс-Америки», где они оставят машину и сядут на автобус для летного состава.

Гвен вдруг сбросила с себя оцепенение.

– Вернон!

– Да?

– Спасибо за то, что ты был честен со мной. – Она протянула руку и дотронулась до его руки, лежавшей на руле. – У меня все будет в порядке. Просто слишком много сразу на меня свалилось. И я хочу ехать с тобой в Неаполь.

Он улыбнулся, кивнул, потом на минуту выпустил руль и крепко сжал пальцы Гвен.

– Мы отлично проведем там время. Обещаю тебе, что мы оба запомним эту поездку.

И он постарается, сказал себе Димирест, выполнить обещание. Собственно, это будет не так уж и трудно. Его тянуло к Гвен; ни к кому он еще не испытывал такой нежности, никто не был ему душевно так близок. Если бы не то, что у него есть жена... И снова, уже не в первый раз, у него мелькнула мысль порвать с Сарой и жениться на Гвен. Но он тут же прогнал эту мысль. Он знал немало своих коллег, переживших подобное, – пилотов, которые после многих лет совместной жизни бросали жен ради более молодых женщин. И в итоге чаще всего оказывались у разбитого корыта с солидным грузом алиментов на плечах.

Так или иначе, во время этого полета, а может быть, в Риме или в Неаполе, ему придется провести еще один серьезный разговор с Гвен. До сих пор они говорили не совсем в том ключе, как ему бы хотелось, и вопрос об аборте не был затронут.

А пока – мысль о Риме напомнила об этом Димиресту – ему предстояло более неотложное дело: возглавить рейс номер два «Транс-Америки».

Глава 3

Ключ был от комнаты 224 в гостинице «О'Хейген».

В полутемной гардеробной, примыкавшей к радарной, Кейз Бейкерсфелд вдруг осознал, что он уже несколько минут сидит, уставившись на этот ключ с пластмассовым ярлычком. А может быть, лишь несколько секунд? Возможно. Просто он перестал ощущать течение времени, как и многое другое; утратил способность ориентироваться. Иной раз дома Натали вдруг замечала, что он стоит застыв и смотрит в пространство. И лишь когда она озабоченно спрашивала: «Что ты тут делаешь?» – к нему возвращалось сознание, способность действовать и думать.

И тогда – да и сейчас – усталое, измотанное напряжением сознание, должно быть, отключалось. Где-то у него в мозгу был этакий крошечный предохранитель, защитный механизм, вроде того, который отключает мотор при перегреве. Правда, между мотором и человеческим мозгом есть существенная разница: мотор можно выключить и, если нет надобности, больше не включать. Мозг же – нельзя.

Сквозь единственное окно в гардеробную проникало достаточно света от прожекторов, установленных на башне. Но Кейзу свет не был нужен. Он сидел на деревянной скамье, так и не притронувшись к сэндвичам, которые приготовила ему Натали, и, глядя на ключ от номера в гостинице «О'Хейген», раздумывал над тем, какой загадкой является человеческий мозг.

Человеческий мозг может рождать смелые образы, создавать поэзию и радары, вынашивать идею Сикстинской капеллы и сверхзвукового самолета «конкорд». И в то же время мозг – из-за своей способности хранить воспоминания и осознавать происшедшее – может терзать человека, мучить его, не давая ни минуты покоя; только смерть кладет этому конец.

Смерть... стирающая воспоминания, несущая забвение и покой.

Это и побудило Кейза Бейкерсфелда принять решение сегодня ночью покончить с собой.

Пора уже было возвращаться в радарную. До конца смены оставалось еще несколько часов, а Кейз заключил с собой договор: довести до конца сегодняшнюю вахту в радарной. Он не мог бы сказать, почему он так решил, – просто считал это правильным и привык быть добросовестным во всем. Добросовестность была у них в крови – это, пожалуй, единственное, что роднило его с Мелом.

Так или иначе, когда смена закончится – и его последнее обязательство будет выполнено, – ничто уже не помешает ему пойти в гостиницу «О'Хейген», где он зарегистрировался сегодня днем, и, не теряя времени, принять сорок таблеток нембутала, которые лежали у него в кармане. Он собирал их по две-три штуки на протяжении нескольких месяцев. Врач прописал ему это снотворное, и каждый раз, когда Натали покупала его в аптеке, Кейз незаметно откладывал и прятал половину. А на днях пошел в библиотеку и по учебнику клинической

токсикологии выяснил, что количество нембутала, которым он располагал, значительно превышало роковую дозу.

Смена его закончится в полночь. Вскоре после этого он примет таблетки и быстро заснет последним сном.

Он посмотрел на свои наручные часы, повернув циферблат к свету, падавшему из окна. Было почти девять. Пора возвращаться в радарную? Нет, надо еще немного подождать. Ему хотелось прийти туда совершенно спокойным, чтобы нервы были готовы к любым случайностям, которые могут произойти в течение этих последних оставшихся ему часов.

Кейз Бейкерсфелд снова повертел в руках ключ от номера в гостинице. Комната 224.

Странное совпадение: номер комнаты, которую он снял, оканчивался на «двадцать четыре». Некоторые люди верят в нумерологию, в оккультное значение цифр. Кейз не верил, и тем не менее цифра «двадцать четыре» вторично врывалась в его жизнь.

Первый раз это была дата – 24-е число, и было это полтора года назад. Глаза Кейза увлажнились. День этот врезался в его память, вызывая угрызения совести и душевную тоску всякий раз, когда он вспоминал о нем. Отсюда и возник мрак, окутавший постепенно его сознание, отсюда возникло его отчаяние. Это же привело его к решению покончить сегодня с жизнью.

Летнее утро. Четверг. Двадцать четвертое июня.

Это был день, точно специально созданный для поэтов, влюбленных и фотографов, снимающих на цветную пленку, – один из тех дней, которые человек сохраняет в памяти и потом извлекает из нее, как листок старого календаря, когда много лет спустя хочет вспомнить что-то радостное и прекрасное. В Лисберге, штат Виргиния, при восходе солнца небо было таким ясным, что в сводке погоды стояло: «ПИБВ» – на языке авиаторов это значит: «Потолок и видимость безграничны», лишь после полудня то тут, то там стали появляться облачка, похожие на рваные клочки ваты. Солнце грело, но не пекло, легкий ветерок с гор Блу-Ридж приносил аромат клевера.

По пути на работу в то утро – а он ехал в Вашингтонский центр наблюдения за воздухом в Лисберге – Кейз видел дикие розы в цвету. Ему даже вспомнилась строка из Китса, которого он учил в школе: «И пышно цветенье лета...» Она как-то очень перекликалась с этим днем.

Он пересек границу Виргинии: ехал он из Адамстауна, штат Мэриленд, где они с Натали снимали для себя и двух своих сыновей славный небольшой домик. Крыша его «фольксвагена» была опущена; он вел машину не спеша, наслаждаясь мягким воздухом и нежарким солнцем; вот впереди показались знакомые низкие современные строения воздушной диспетчерской, но он по-прежнему чувствовал себя в необычно размягченном состоянии духа. Впоследствии он не раз спрашивал себя, не явилось ли это причиной того, что произошло потом.

Даже в главном здании – доме с глухими толстыми стенами, куда не было доступа дневному свету, – Кейзу казалось тогда, что вокруг все еще сияет летний день. Среди семидесяти с лишним диспетчеров, сидевших в одних рубашках без пиджаков, царила какая-то атмосфера легкости и не чувствовалось напряжения, обычного при их работе. Одной из причин, очевидно, было то, что при такой удивительно ясной погоде им меньше приходилось следить за полетами. Многие некоммерческие самолеты – частные, военные и даже некоторые лайнеры – летели сегодня, пользуясь визуальным наблюдением, иными словами, по методу: «Ты меня видишь – я тебя вижу», когда пилот сам следит за своим местонахождением в воздухе и ему нет нужды связываться по радио с КДП и сообщать, где он находится.

Лисбергский центр играл в авиации важную роль. Отсюда велось наблюдение за движением по всем авиалиниям над шестью восточными прибрежными штатами и давались указания самолетам. Зона наблюдения превышала сто тысяч квадратных миль. Как только самолет, летящий по приборам, покидал аэропорт в этой зоне, он тут же попадал под наблюдение и контроль Лисберга. И находился под контролем до тех пор, пока не заканчивал полета или не

покидал зоны. Если же какой-то самолет подлетал к зоне, сведения о нем тотчас поступали от одного из двадцати аналогичных центров, разбросанных по всем Соединенным Штатам. Лисбергский центр считался одним из самых загруженных в стране. В нем осуществлялось наблюдение за южным концом «Северо-Восточного коридора», занимающего первое место в мире по числу самолетов, пролетающих в течение дня.

Как ни странно, близ Лисбергского центра не было ни одного аэропорта; ближайший, по которому он и назывался, находился в Вашингтоне, то есть на расстоянии сорока миль. Центр – группа низких современных строений с площадкой для машин – был расположен среди виргинских полей; с трех сторон его окружала возделанная земля. А с четвертой протекла маленькая речушка под названием Бычий ручей, навеки прославившаяся благодаря двум сражениям Гражданской войны. Кейз Бейкерсфелд как-то раз после работы ходил к этому ручью, размышляя о превратностях судьбы – о прошлом Лисберга и таком непохожем на прошлое настоящем.

В это утро, несмотря на ясный, солнечный день за окном, в просторной и высокой, точно неф собора, главной диспетчерской люди работали как всегда. Диспетчерская – огромное помещение, больше футбольного поля – была по обыкновению слабо освещена, чтобы яснее видны были экраны двух-трех десятков радаров, установленных в несколько рядов и ярусов под нависающими сверху козырьками. Вошедшего прежде всего оглушал шум. Из помещения, где сосредоточиваются данные о полете и где установлены огромные счетно-вычислительные машины, соответствующая электронная аппаратура и автоматические телетайпы, доносился непрерывный гул и стрекот машин. А над десятками диспетчеров, дающих указания самолетам, стоял непрекращающийся гул переговоров по радио на разных частотах. Шум механизмов и человеческие голоса сливались в монотонный гул, который не затихал ни на секунду, хотя его и приглушали звукопоглощающие стены и потолок.

Над аппаратурой во всю длину диспетчерской был проложен мостик для наблюдения, куда иногда приводили посетителей посмотреть, как внизу идет работа. Отсюда, с этой высоты, диспетчерская была очень похожа на биржу. Диспетчеры редко смотрели вверх, на мостик: они привыкли ни на что не обращать внимания, чтобы не отвлекаться от работы, а поскольку лишь немногим посторонним разрешали сюда входить, диспетчеры почти никого, кроме друг друга, и не видели. Таким образом, работа в диспетчерской была не только отчаянно напряженной, но и по-монастырски аскетической – ведь женщин сюда не брали.

В комнате, примыкавшей к диспетчерской, Кейз стащил с себя куртку и вошел в помещение в свежей белой рубашке, которая была своего рода формой для диспетчеров. Никто не знает, почему диспетчеры работают в белых рубашках – такого правила нет, просто так заведено. Пока Кейз шел к своему месту, несколько коллег дружелюбно пожелали ему доброго утра, и это тоже было необычно. В диспетчерской царило всегда такое напряжение, что люди лишь поспешно кивали друг другу или бросали коротко «привет», а иногда обходились и без этого.

Кейз работал в секторе Питсбург – Балтимор. Наблюдение за сектором осуществляли трое. Кейз был диспетчером на радаре; в его обязанности входило поддерживать связь с самолетами и давать им по радио указания. Два младших диспетчера занимались сбором данных о полетах и связью с аэропортами. Старший по группе координировал деятельность всех троих. В тот день с ними работал стажер, которого Кейз натаскивал на протяжении нескольких недель.

Вместе с Кейзом Бейкерсфелдом в помещение вошли еще несколько человек; все они встали за теми, кого пришли сменить: нужно две-три минуты, чтобы «запомнить картинку». Так было у всех экранов по всей диспетчерской.

Став у своего сектора, позади диспетчера, которого он сменял, Кейз сразу почувствовал, как обострилось его восприятие, усилилась работа мысли. Так будет функционировать его мозг в течение ближайших восьми часов, не считая двух коротких перерывов.

Самолетов в небе, как обнаружил Кейз, было, несмотря на дневное время, довольно много, – правда, почти всюду стояла хорошая погода. На темной поверхности экрана ярко горело пятнадцать зеленых звездочек, обозначавших самолеты в воздухе, или «целей», как называли их те, кто работал на радарх. Самолет «Конвейр-440» компании «Аллегени» летел на высоте восьми тысяч футов, приближаясь к Питсбургу. За этим самолетом на разной высоте летели: ДС-8 компании «Нейшнл», «Боинг-727» компании «Америкэн эйрлайнз», два частных самолета – реактивный самолет «лир» и «Фейрчайлд Ф-27» – и еще один самолет компании «Нейшнл» – на сей раз турбореактивный «электра». Кейз отметил про себя, что на экране вот-вот появится еще несколько самолетов – из других секторов, а также те, что должны вылететь из балтиморского аэропорта. В Балтимор же летел ДС-9 – вскоре он перейдет в зону наблюдения балтиморского аэропорта; за ним летел самолет компании «ТВА», потом самолет компании «Пьемонт эйрлайнз», потом какой-то частный самолет, два самолета компании «Юнайтед» и самолет компании «Мохрук». Все они летели на положенной высоте и на достаточном удалении друг от друга, за исключением двух самолетов «Юнайтед», летевших в Балтимор: по мнению Кейза, они, пожалуй, слишком сблизилась. Словно прочитав мысли Кейза, диспетчер, все еще сидевший у экрана, дал одному из самолетов другой, обходной курс.

– «Картинку запомнил», – спокойно сказал Кейз.

Диспетчер, которого он сменял, кивнул и встал с места.

Старший группы – Перри Юнт – надел наушники и, нагнувшись над Кейзом, стал вглядываться в экран, оценивая ситуацию. Перри, высокий стройный негр, был на несколько лет младше Кейза. Голова у него работала быстро, и он обладал хорошей памятью, способной хранить уйму всевозможной информации и затем выдавать ее по частям или всю сразу с точностью вычислительной машины. В трудные минуты легче дышалось, когда Перри был рядом.

Кейз уже принял три самолета и передал несколько самолетов другим центрам, когда старший дотронулся до его плеча.

– Кейз, я сегодня контролирую две группы – вашу и соседнюю. Не вышел один человек. У тебя пока все в порядке?

Кейз кивнул.

– Вас понял. – Он передал по радио коррекцию к курсу самолету компании «Истерн», затем указал на стажера Джорджа Уоллеса, опустившегося в кресло рядом с ним. – При мне Джордж – он подстрахует меня.

– О'кей.

Перри Юнт снял наушники и перешел к соседней группе. Такого рода ситуации возникали и прежде, и все протекало гладко. Перри Юнт и Кейз уже несколько лет работали вместе, каждый знал, что может вполне положиться на другого.

Кейз повернулся к стажеру, сказал:

– Джордж, «запоминай картинку».

Джордж Уоллес кивнул и ближе пригнулся к экрану. Ему было лет двадцать пять, и он уже два года работал стажером: до этого он проходил военную службу в авиации. Уоллес успел показать, что у него живой, быстрый ум и что он обладает способностью не терять голову в минуты напряжения. Через неделю он должен был стать полноправным диспетчером, хотя практически уже сейчас мог занять этот пост.

Кейз намеренно дал сблизиться самолетам «Америкэн эйрлайнз» и «Нейшнл»: он был уверен, что мигом сумеет развести их, если возникнет опасность. Однако Джордж Уоллес сразу заметил непорядок и предостерег Кейза – тот выправил положение.

Это был единственный надежный способ проверить способности нового диспетчера. Стажера иногда специально оставляли одного у экрана и, если возникали сложности, давали ему возможность проявить изобретательность и справиться самому. В такие минуты диспетчеру-инструктору полагалось сидеть спокойно и, сжав кулаки, обливаться потом. Кто-то

однажды сказал: «Это все равно что висеть в воздухе, зацепившись ногтями за карниз». Решение о том, чтобы вмешаться или вообще подменить стажера, следовало принимать вовремя – не слишком рано, но и не слишком поздно. Приняв решение вместо стажера, можно навсегда подорвать у него уверенность в себе, и тогда из него никогда уже не выйдет хорошего диспетчера. С другой стороны, если инструктор не вмешается в нужную минуту, в воздухе может произойти ужасающая катастрофа.

Риск и нервное напряжение при этом так возрастают, что многие диспетчеры отказываются брать стажеров. Они ссылаются на то, что не получают за это ни благодарности, ни дополнительной оплаты. Более того, в случае катастрофы инструктор целиком в ответе. Так зачем же взваливать на себя и ответственность, и дополнительную нагрузку?

Однако Кейз охотно выступал в роли инструктора и терпеливо готовил стажеров. И хотя порой он тоже терзался и потел, но все же брался за эту работу, потому что считал ее необходимой. И сейчас гордился тем, что из Джорджа Уоллеса получается отличный диспетчер.

– Я бы развернул «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре, вправо, – спокойно сказал сейчас Уоллес, – чтобы он не летел на одной высоте с «Мохауком».

Кейз кивнул и нажал на кнопку микрофона:

– Вашингтонский центр – самолету «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре. Сверните вправо, курс ноль-шесть-ноль.

В ответ почти тотчас прохрипело:

– Вашингтонский центр, говорит «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре. Вас понял: ноль-шесть-ноль.

Там, в ясном небе, где сверкает солнце, на расстоянии многих миль от центра, мощный элегантный реактивный самолет незаметно свернет, согласно указаниям, со своего курса, в то время как пассажиры будут по-прежнему спать или читать. И на экране радара ярко-зеленая звездочка в полдвойма величиной, обозначающая самолет компании «Юнайтед», начнет перемещаться в новом направлении.

Под диспетчерской находится комната, уставленная сплошь полками, на которых размещены магнитофоны: диски их величественно вращаются, записывая переговоры между землей и воздухом, чтобы потом можно было при необходимости поставить пленку и прослушать. Все указания, которые дает каждый из диспетчеров, записываются и хранятся. Время от времени старшие по группе весьма придирчиво прослушивают записи. И если что-то было сделано не так, диспетчера тотчас ставят об этом в известность; диспетчеры, конечно, не знают, когда тот или иной из них попадает под проверку. На двери комнаты с магнитофонами висит табличка, с мрачным юмором оповещающая: «*Старший брат слушает тебя*».

Время шло.

Перри Юнт то и дело возникал за спиной Кейза. Он по-прежнему наблюдал за двумя группами и возле каждой задерживался – ровно на столько, сколько требовалось, чтобы осмыслить обстановку в воздухе. Положение дел у Кейза, видимо, удовлетворяло его, гораздо больше времени он проводил возле другой группы, где возникли сложности. Утро шло, и число самолетов в воздухе уменьшалось – их снова станет больше перед полуднем. Вскоре после 10.30 Кейз Бейкерсфелд и Джордж Уоллес поменялись местами. Теперь стажер сидел у экрана, а Кейз наблюдал за ним сбоку. Довольно быстро Кейз обнаружил, что не нужен Уоллесу – тот явно уже поднабрался опыта и ничего не упускал из виду. И Кейз, насколько позволяли обстоятельства, расслабился.

Без десяти одиннадцать Кейз почувствовал потребность сходить в туалет. За последние месяцы он перенес несколько вспышек желудочного гриппа и опасался, что начинается новая. Он поманил Перри Юнта и доложил ему. Старший кивнул.

– Джордж справляется?

– Не хуже ветерана. – Кейз сказал это достаточно громко, чтобы Джордж мог услышать.

– Я присмотрю, – сказал Перри. – Можешь быть свободным, Кейз.
– Спасибо.

Кейз отметил в журнале своего сектора время ухода, Перри нацарапал свои инициалы на следующей строке, тем самым принимая на себя руководство Уоллесом. Через несколько минут, когда Кейз вернется, эта процедура будет повторена.

Кейз Бейкерсфелд, выходя из диспетчерской, видел, как старший по группе всматривался в экран, слегка опершись на плечо Джорджа Уоллеса.

Уборная, куда направился Кейз, находилась этажом выше. Несмотря на матовое стекло, в нее все же проникал яркий свет дня. Облегчившись и вымыв руки, Кейз подошел к окну и распахнул его. Ему захотелось взглянуть, не изменилась ли погода. День сиял по-прежнему. Задняя стена здания, в которой было прорезано окно, выходила на служебный двор, за ним расстилались цветущие зеленые луга, виднелись деревья. Воздух уже успел нагреться. В знойном мареве стоял навевавший дремоту гул насекомых.

Кейз застыл у окна – уж очень не хотелось ему расставаться с этим радостным, солнечным пейзажем и возвращаться в полумрак диспетчерской. За последнее время нежелание идти в диспетчерскую часто возникало у него – пожалуй, даже слишком часто, – и он подумал, что если признаться по чести, то оно объяснялось не столько полумраком, который там царит, сколько напряжением. Было время, когда Кейз без труда справлялся со своими обязанностями и легко переносил напряжение, которого требовала от него работа. Сейчас же ему приходилось порой заставлять себя работать.

Пока Кейз Бейкерсфелд стоял у окна и раздумывал, «Боинг-727» компании «Ориент», следовавший из Миннеаполиса-Сент-Пола, приближался к Вашингтону. В салоне самолета стюардесса склонилась над пожилым мужчиной. Лицо его было мертвенно-бледное, он молчал, видимо, не в силах произнести ни слова. Стюардесса решила, что у него, должно быть, сердечный приступ. Она поспешила к летчикам, чтобы оповестить о случившемся командира экипажа. Через несколько минут, по приказу командира, первый пилот запросил Вашингтонский центр наблюдения за воздухом о специальном разрешении совершить срочную посадку в вашингтонском аэропорту.

Кейз не раз уже задумывался – как задумался сейчас, – сколько еще сможет выдержать его усталый мозг. Ему недавно исполнилось тридцать восемь. Он работал диспетчером добрых полтора десятка лет.

Самым удручающим было то, что, хотя на этой работе человек к сорока пяти – пятидесяти годам полностью изнашивается и чувствует себя стариком, до выхода на пенсию остается еще десять – пятнадцать лет. Многим воздушным диспетчерам это оказывается не под силу, и они не дотягивают до конца.

Кейз знал, как знали и другие диспетчеры, что о влиянии их работы на организм уже давно официально известно. У врачей, которые наблюдают за состоянием здоровья авиационного персонала, накопились горы материалов на этот счет. В числе болезней, являвшихся прямым следствием профессии диспетчера, фигурировали: нервное истощение, стенокардия, язва желудка, тахикардия, психические расстройства и множество других менее тяжелых заболеваний. Это подтверждали известные медики, занявшиеся по собственной инициативе соответствующими исследованиями. Один из них писал: «Диспетчер проводит долгие ночи без сна, раздумывая, каким чудом ему удалось удержать столько самолетов от столкновения. За истекший день он сумел избежать катастрофы, но будет ли удача и завтра сопутствовать ему? И вот через какое-то время что-то в нем отказывает – происходят изменения в его физическом или психическом состоянии, а иногда – и в том, и в другом».

Вооруженное этими данными – да и не только этими, – Федеральное управление авиации обращалось в конгресс с предложением установить для воздушных диспетчеров срок выхода

на пенсию в пятьдесят лет или после двадцати лет службы. Двадцать лет работы воздушным диспетчером, утверждали врачи, равняется сорока годам работы в любой другой профессии. Федеральное управление авиации предупреждало законодателей, что от их решения зависит безопасность граждан: на диспетчеров, прослуживших свыше двадцати лет, уже нельзя полагаться. Кейз вспомнил, что конгресс игнорировал это предупреждение и отказался утвердить законопроект.

А затем и специальная комиссия, созданная президентом, проголосовала против предложения о сокращении срока службы для диспетчеров, и Федеральному управлению авиации, которое тогда находилось при президенте, посоветовали прекратить свои попытки и успокоиться. Официально оно так и поступило. Однако, насколько было известно Кейзу, да и другим тоже, люди, работавшие в Вашингтоне в Федеральном управлении авиации, были убеждены, что этот вопрос снова возникнет, но лишь после того, как по вине усталого диспетчера произойдет очередная авиационная катастрофа, а то и несколько, и тогда пресса вместе с общественностью поднимут по этому поводу шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.